

Валерий Рябых

*Загадка
Симфония*

исторический детектив

Валерий Рябых

**Загадка Симфосия.
Исторический детектив**

«Издательские решения»

Рябых В. В.

Загадка Симфосия. Исторический детектив / В. В. Рябых —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859523-3

Семь дней из истории Руси конца XII века. Европа ввергнута в новый крестовый поход. В западнорусском монастыре эмиссар Фридриха Барбароссы суздальский боярин Андрей пытается склонить Галицкого князя Владимира к помощи крестоносцам. Его миссия осложнена раскрытием монастырских тайн, поиском старинных манускриптов, а главное — противодействием галицкой элиты.

ISBN 978-5-44-859523-3

© Рябых В. В.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
От составителя	6
От переписчика	8
От автора	10
День первый	14
Глава I	14
Глава II	19
Глава III	25
Глава IV.	29
Глава V.	33
Глава VI	37
Глава VII	40
Глава VIII	44
Глава IX	49
Глава X	52
Глава XI	56
Глава XII	58
День второй	63
Глава I	63
Глава II	67
Глава III	71
Глава IV.	74
Глава V.	77
Глава VI	80
Глава VII	83
Глава VIII	88
Глава IX	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Загадка Симфосия Исторический детектив

Валерий Владимирович Рябых

*Есть на земле обитель,
немолчным полная шумом,
Шумом полна обитель,
но вечно молчит обитель.
В вечном движении обитель и в ней,
но ни с ней обитель.
(Симфосий) **

© Валерий Владимирович Рябых, 2017

ISBN 978-5-4485-9523-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

От составителя

Читатель, в твоих руках книга, история создания которой теряется в давнем прошлом. Те времена столь далеки от нынешних дней, что сведения об авторе, да и путешествие опуса из рук в руки на протяжении столетий, есть вопрос серьезных библиографических изысканий. Осуществить те исследования под силу профессионалу от книговедения, помимо желания и воли наделенному еще и нюхом прирожденного «архивного крота». А так как в наше меркантильное время подобные занятия отнюдь не прибыльны, еще он должен обладать редкими сегодня качествами бессребреника и простака от науки. Одним словом, должен быть настоящим подвижником.

Я хочу отметить, что книга прожила долгую, покрытую мраком и тайной жизнь, поведать о каковой задача другой книги, быть может, более увлекательной, чем сам раритет. Моя же скромная задача: донести старинное повествование до читателя. Увы, к сожалению, я не наделен талантом библиоведа, не мне копаться в бумажном тлене, увязывая порванные цепочки времен, – мне не дано быть следопытом. «Рукописи не горят», – утверждал Булгаков, но кто-то должен «приставить к ним ноги». Сочинение лежащее под спудом времени, – нет удела горше и несправедливей.

Вот он передо мной чудом сохраненный список книги. Увесистая связка желто-бурых, пропахших тленом бумажного грибка, иссушенных годами страничек. Я всматриваюсь в трудно различимую скоропись: чернила выцвели, местами кто-то пытался подправить истертый текст. Я вижу след карандаша, уже осыпавшийся; оттиск шариковой ручки, также поблекший. Несомненно, рукопись читалась, читалась и не однажды!

Я помню себя маленьким, лет семи-восьми. Моя бабушка по матери, незабвенная Полина Витальевна, еще не старая (мы уже сравнялись возрастом), восседая на стуле с прямой спинкой, читает вслух, далеко отставив от глаз, густо исписанные листы. Разбирает больше для себя. Я не бог весть сколько понимаю в том странном повествовании, но оно меня завораживает. Я в другом мире, совсем непохожем на те книжные истории, немало слышанные мною тогда.

Хорошо помню, что бабушка соотносила рукопись с покойным супругом. Детским воображением я включал его неведомый образ в круг персонажей повести и воспринимал излагаемые события, как часть биографии своего деда. Хотя я и ощущал эпохальную несообразность, но списывал ее на разницу лет, на разницу наших поколений.

Потом мы расстались с бабушкой. Она осталась в родном городе, мы же с родителями переехали в центр России, к новому месту службы отца.

Повзрослев, я узнал подробности дедовой жизни. Он был чекист старой закалки, служил в «органах» практически со дня их основания. Дед Андрей в большие чины не пробился, до войны работал в городском управлении НКВД, погиб в сорок втором, под Ростовом, когда наши, отступая, переправлялись через Дон. Будучи комендантом одной из переправ, он попал под бомбежку, его тело доставили в родной город и похоронили на воинском кладбище.

Бабушка, став вдовой в тридцать семь лет, всю оставшуюся жизнь (умерла она в восемьдесят пять) хранила ему верность. Все эти годы на самом видном месте ее комнаты висел большой рисованный углем портрет молодого деда. На его гимнастерке отчетливо выделялся знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)».

До самой смерти бабушки житейская круговерть не позволяла мне окунуться в ту рукопись, и даже сам факт ее существования выветрился из моей памяти.

Случайно, перебирая нехитрый архив покойной, я наткнулся на пожелтевшие листы, спрятанные в черный пакет для фотобумаги.

Какая оригинальная манера письма, сейчас так не пишут: витиеватая славянская вязь, непривычно режет глаз «ер» и «фита». Завитки заглавных букв придают тексту, я бы сказал, сакральный вид посланий дней давно минувших, хотя все разборчиво, читаешь без особых усилий.

Мое внимание привлекла ремарка на полях первой страницы. Другая рука, другие чернила более сочные. Почерк напоминает чертежный шрифт: четкий и строгий. Орфография обычная:

«Изъято у священника Покровской церкви о. Вениамина Смирнова 30. 08. 1927 г. Всего листов 440. Повесть из средневековой жизни. Переписано о. Вен. в 1897 г. с оригинала, хранящегося в монастыре Св. Духа г. Вильно. К материалам Дела отношения не имеет, подлежит утилизации. 26. 11. 1927 г. Ст. уполн. (какой-то крючок – подпись)».

Чуть сбоку химическим карандашом размашисто начертано – «Дурак!». Догадываюсь, кто наложил резолюцию!?

Как-то бабушка рассказывала...

Однажды деду пришлось заночевать на отдаленном хуторе. И надо такому случиться? За полночь в избу ввалился известный бандит, находящийся в розыске. Дед не сплеховал, приставил к спине уркагана толстый карандаш с металлическим колпачком, другого оружия не было, и задержал уголовника. Не тот ли карандаш?

Рукопись осталась жить!

Лихорадочно листаю странички: нет ли еще автографа моего героического деда, – увы!?

Что случилось с отцом Вениамином? На месте Покровской церкви, снесенной еще в тридцатые годы, разбит сквер. В церковные круги я не вхож, да и неловко ворошить старое.

Еще до отделения Литвы попав в Вильнюс, я зашел в православный собор Святого Духа, что возле башни Аушрос. Побродил окрест. В бывших монастырских кельях обитают бомжи – разбросала Россия своих неприкаянных сынов. На веревках сушится белье, растут чахлые цветочки, бегают чумазы ребятишки.

Вернулся опять в храм. Хорошо то как, господи!

Ко мне подошел высокий, благообразный старик. Разговорились. Оказалось, отец Николай (настоятель церкви) родом из российской глубинки, почти земляк. Я не преминул рассказать ему о «моей книге» (теперь уж точно моей). Священник поведал, что рукописное собрание монастыря еще при поляках, сильно разграбив, передали в университетскую библиотеку. Возможно первоначальный список (коль уцелел), хранится в храме науки? Да кто пустит православного священника в университетские фонды? Новые времена, иная на Литве теперь власть. На том и расстались.

Я блуждал потом в готических двориках виленской «альма-матер», но поймите правильно, потуг к поиску оригинала рукописи не предпринял. Кто я, – так, частное лицо? Прощаясь с городом, пришел опять к воротам Аушрос (по-русски – Остробрамским).

Вниз, извиваясь фасадами ампирных строений, уходила улица Горького, виноват, теперь она носит иное имя. А когда-то, в незапамятный век по ней ходил другой человек: инок, мних, сохранивший для нас предание еще большей древности.

Эй, русский дух, где ты там?!

Тщетно?

Нет русского духа, – испарился...

От переписчика

Сия беззаглавная, по-нашему безголосая, рукопись, вшитая в ветхий по древности свод, найдена мною случайно при разборе манускриптов Мисаил Пестручевой (2) обители, спаленной безбожными агарянами. Повесть сия открыла мне, грешному, оконце в давнее прошлое. Отверзла завесу веков минувших, раскрыла греховную суетность помышлений и страстей наших пращуров.

Мудр был Екклесиаст (3) сказавший, что нет ничего нового под луной, ибо человек по сути своей неизменен и низменен! В грехе зачатый, в грехе пребывает, грехи копит, грехами грехи отбелить старается. Но тщетны его потуги, видимо, нет истинного раскаянья на белом свете? Умалчиваю токмо о воистину божьих подвижниках. Остальной люд из праха вышел, во прах и вернется.

Явится ли повесть сия назиданием для племени грядущего? По моему разумению – нет! Ибо люди не приемлют поучений прошлого, не прислушиваются наставлений прадедов, а вершат все на свой суд и лад. И закоснели в тупом упрямстве на веки вечные, что даже Святое Писание им не указ, а лишь повод для двоедушных иеремиад (4) на собственное слабование и бессилие.

Так стоит ли множить бесчисленный сонм сочинений, повествующих о людской гордыне и скорби? Стоит ли приумножать сколки исчезающих дней, тем самым, вводя в соблазн умозрительных обличений людей нынешнего и будущих поколений?

Вправе ли я, ничтожный мних, быть орудием замысла прошлого летописца, когда самая его воля и желание осталась с ним во тлене?

Один из отцов наших сказывал, что всякое событие, коль оно не закреплено на пергамене, забудется и утратится для людей. В великое сомнение ввергают меня таковые слова. Ибо есть знание благое и есть знание зловредное, – и что есть истина?

Так, вправе ли я обнаружить миру сию повесть, переложить ее понятным языком, убрав темные словеса, не вымарывая самого смысла написанного?

Видел я сон накануне той находки. Будто поручил отец-келарь разобрать мне каменный истлевший склеп, а пригодные кирпичи потом использовать в ремонте церковной крипты. Перекладываю я порушенные обломки – все тлен. И вдруг открывается мне диковинный камень! Сам весь замшелый, но стоило рукавицей счистить плесень, он так и залучился внутренним теплом, что руке стало горячо. Я отложил камень на обочину, – на душе чисто и радостно. Тут я и пробудился.

Днем, перебирая книги на задворках скриптория (5), отыскал я растрепанную шивку, а в ней сию повесть. Поначалу мне было невдомек сопоставить тот свод и свой сон.

Неделю спустя, иду мимо водосвятской часовенки, у входа божий человек – Петрушка юродивый. Он меня окликнул, мол, эй чернец, подь суды. Я не возгордился, подошел. Убогий взял меня за руку: «Ой, горячо!» – говорит, потом продолжает притчей.

Якобы, Господь, ради нашего спасения, построил церковь божью на земле. С веками стены расшатало. Многие камни повывлетали прочь. Теперь лежат на обочине, – время собирать камни. И мне: «А ты чернец не ленись, подыми камушек-то!» Я опешил, не возьму в толк, к чему он клонит? А потом разом прозрел, вспомнил давешний сон. То мне был знак свыше! Догадался я: намекается мне открыть книгу людям, не должна она потеряться для будущего. Видимо таков промысел божий.

Пришел я в келью свою, вижу: лежит свод распахнутым, на первом листе повести открытый, – ясно, второй раз подвигает меня господь к сему труду.

Долго я молился, и очистилась душа от всякого сомнения, от всякой юдоли, и укрепился я в своей обязанности. Потом, поведав игумену о явленных мне знаках, получил его отеческое благословение.

И вот, приступаю к переложению дивной повести безголосой. Помогите мне Господь и Матерь Божья! Помогите святые угодники! Дайте мне силу и терпение, дайте мне понятие уразуметь темные места старого писания. Испошлите мне благодать закончить труды, не заболеть, не помереть раньше срока.

Засим, берусь, с божьей помощью, излагать реченное не мной, но человеком, жившим задолго до меня. Но дадим слово ему самому...

От автора

Памятуя о неисповедимости путей господних, я скромный инок, в уклоне жизни грешной, спешу изложить для суда праведного, дабы не истлела в памяти, удивительную историю о книжном суемудрии. Поведаю мистерию при очах моих содеянную и коей я, отчасти, поспособствовал по скудоумию своему, ибо в делах спесивых, иноки порой, что агнцы в яслях – бессловесны и доверчивы.

Достигнув середины лестницы сроков своих, встретив тридцатую весну, оказался я в стране, населенной братьями нашими из племени Чеха, в чудном граде Праге, что подобно перстню резному украсил Влтаву-реку. Держал я путь в родные палестины, покинутые лет за семь до того, ради преуспевания в науках божественных и земных.

Неисчислимый кладезь торжества книжного обрел я в чужих землях у народов иноплеменных. Будучи скромным студиозусом, вкусил я плоды науки нетленной от висоученых мужей во фряжских градах, в тамошних studium (б). Почерпнул великая мудрости в клюнийских богатых скрипториях в пределах гальских и германских.

С ликованием сердечным внимал великолепию огромных из камня ваянных соборов и художествам всяческим рукотворным, а также прочие чудеса, и сокровища диковинные узрел.

Довелось приложиться мне грешному к мощам и останкам святоотеческим, щедрою рукой создателя разнесенным по уделам тамошним. Лицезрел могущественных князей мира и жен их прелестных, и благородного люда повидал предостаточно.

Скорбел во прахе от буйства несчетных браней, от смут еретиков окаянных, и неутешен был, видя всякое зло и несправедливость. Очевидцем стоял на казнях лютых, огнищем творимых во имя господне, не раз бежал мора повального, за грехи претерпел поругания от татей и обиды от самовластных невежд.

Но и утешался радостно, совокупно с простецами, на торжествах пышных и празднествах обильных. Многие яства и зелья иноземные вкусил. И беседы добрые вел с мужами разумными и праведными, ради познания и душевной улады.

И многое прочее довелось мне испытать на стези любомудрия своего, от него и страдаю грешный, но рад, что, познав мир и юдоль его, сердцем не оскоромился и душой не истомился.

Но всякому странствию предрешен конец. Много дорог на земле, а порог, отчего дома один. И к нему устремил я помыслы свои, поспешая в родные пределы. Опекою Матери Божьей доплелся до земель словенских и вступил в град Прагу. Хотелось мне примкнуть, опасаясь лихой напасти, к паломникам или купцам, идущим на Русь, и рыскал я по всеям пражским в поисках оказии. И обрел таки себе спутников, – ищите, да обрящите, Бог милосерд! Христовым именем призрел меня суздальский боярин Андрей, закордонный промысел которого, до времени был для меня тайною.

Боярин Андрей Ростиславович, по моему тогдашнему разумению, состоял в годах преклонных, полвека оставил за плечами своими, но вышел статью и обличьем. Говорил громко и властно. Роста был выше среднего, сухощав и жилист. Власы и браду, остриженные на немецкий манер, имел с обильной проседью. Нос прямой, уста тонкие, профиль гордый, надменный. Одевался скромно, но с изяществом, паволок узорчатых не признавал, одежды шил из фряжского сукна, бисером и камнями не украшенные. Да и не любил навешивать на себя золото и серебро. Имел лишь массивный червлёный перстень с печатью, на безымянном пальце. Смарагд сей, и обличал его знатное происхождение. Глаголил он словно по писанному, что выказывало в нем ум зело просвещенный. Боярин знал и по-гречески, и по-латински, умел изъясняться с немцами, уграми, болгарам, понимал жидовскую мову.

В труды господские я поначалу не вникал. Но за те два дня, что жил под его кровом, поразился обилию ходоков, имевших до боярина дело. Являлись по одному и скопом, с красного крыльца и с черного хода. Были среди гостей, как мне казалось, даже владетельные особы. Приходили мужи рыцарского звания, суровые ратные люди, немало было лиц торгового сословия. Встречались аптекари, врачеватели, какие-то кудесники заморские, робко вползали пражские жиды, а монахов и иного притча было не счесть. Всем было нужно боярина, и он всех привечал. Да и сам Андрей Ростиславович исколесил в те дни Прагу порядочно. Говорили, часто бывал в Пражском Граде (не у самого ли короля Конрада?), был у архиепископа Пражского, у воеводы коронного, посещал посланников иноземных. Такое усердие боярина в делах удивляло, заставляло гадать о его странном поприще, предполагать в нем лицо загадочное и таинственное.

Но вот, с божьей помощью, мы тронулись в путь. Покинули хлебосольную Прагу затемно, сразу же после первого часа (7)

Перечислю тех, кто был с нами. Подле боярина гарцевал отрок-оруженосец Варлам – здоровенный, но расторопный малый, из посадских людей. Следом, болезненно согнувшись в седле, тряся Чурила-Хрипун – боярский тиун, человек вредный и дотошный, он советовал господину отказать мне. Потом, пятеро смердов гнали небольшой обоз, с поклажей и провизией, коней в семь, эти холопы нам и прислуживали. За ними на гнедой лошадке ехал я. Опосля подскакивала малая дружина: с воеводой сам десять. Старый вой, дядька Назар Юрьев-сын служил еще отцу Андрея Ростиславича. Боярин Андрей доверял Юричу как себе. Сказывали, не раз в сечах закрывали они друг друга щитом от каленой стрелы, не раз отводили занесенный над товарищем вражий клинок. Назар являлся правой рукой боярина, он первый пожалел меня, не дал на чужбине сгинуть христианской душе.

Боярин Андрей Ростиславович как-то сразу сблизился со мной. Поначалу он удостоил меня долгой беседы, выискивая мои знания и повадки. Я в грязь лицом не ударил, отвечал с разумением и обстоятельно. Видать, приглянулся ему, он стал частенько обращаться ко мне, а потом и вовсе, велел быть подле себя.

О многом переговорили мы за дни нашего похода. Андрей Ростиславович повидал мир во сто крат боле моего. Побывал боярин в землях ляшских, германских, галльских, фряжских, ромейских (8), иные многие страны посетил. Молился у престола святого Петра. Обретая у славных рыцарей палестинских в граде Иерусалиме, преклонил главу пред гробом господним, что великое счастье есть.

И бранной сечи довелось ему отведать, не дай Бог врагам нашим. Воевал с половцами, уграми, чудью, мерей и братской крови русской немало пролил по попущенью господнему, по воле великокняжеской. И многие тяготы и ранения перенес. И под пыткой стоял у князя Глеба рязанского (9). Но все сдюжил боярин!

И понял я ничтожный, что с великой души человеком привел господь спознаться. Из доверительных бесед я узнал, что Андрей Ростиславович некогда ведал княжим судом и розыском в уделах Ростовском и Суздальском. Доводилось ему вязать и чинить расправу и по церковному ведомству. Согласно закрытому уставу, не имея священничества, при дознаниях еретиков, чернокнижных и волхвующих людей, имел он право и волю посредством экзерсисов усмирять беснующихся чародеев и ведьм. Знал я из книг и от людей, не всякому пастырю сие по плечу, ибо силен Люцифер и рать его. И зауважал я боярина еще более.

Составить бы мне, червлю книжному, житие светлое Андрея Ростиславовича. Многое познал я о нем: и со слов его, и из рассказов сотоварищей. Да не сподвиг господь, – разве же поведаю семь дней из жизни боярина. Ибо о тех днях наставлял написать другой, не менее важный их очевидец.

Страшусь не успеть запечатлеть на пергамене события исповедальных дней. Хвори недужные замучили, случается, и чувств напрочь лишаяюсь, верно, близятся пределы мои. Гос-

поди, дай сил, подсоби напоследок сроков моих, во многом ослобонял ты меня, выручи и сейчас!

Долго ли, коротко ли продвигались мы до славного города русского – Галича, вотчины Осмомысловой, что на Днестре реке, – бед или страстей каких, с божьей помощью, с нами не приключилось. Миновали и горы крутые, и пущи дремучие, и посады многолюдные. И в последнюю ночь пути встали на постой в уделе твердыни западнорусской, заночевав в хуторке придорожном.

К третьему часу мы приблизились к стенам пригородной обители, заране явленной нам стаями галок (10) над брамами и крестами своими. Монастырь сей древний, являл собой семибашенный острог, срубленный из застоялого карпатского дуба, исчерневшего от веков и твердость железа приобретшего. Округ частокола высокого растекалась речушка, наполненная мутными водами, правда, изрядно заросшая осокой и камышом, но от того уж вовсе непроходимая, ибо являла болотистые топи. Подъемный цепной мост вел к тяжелым воротам, окованным железными пластинами. Непрístupной с виду была обитель. А так как не заметили мы подновления стен и башен, то заключили, что враг обходил сей замок стороной. Спешившись, перекрестясь на надвратную иконку Спасителя, ступили мы под сень монастырских врат.

С того самого места и начну свою подробную повесть, для удобства читателя, разбив ее по дням. Суточный же временной круг, изложу не по церковному: от вечера, начала каждого дня; а на латинский манер, как пишут в хрониках, – от бдений, ибо, явившись ото сна к полунощнице, мы каждодневный виток бодрствования совершаем.

Примечания:

* Симфосий – поэт из провинции Африка (кон. V – нач. VI вв.), латинский грамматик, автор цикла из ста риторических трехстиший-загадок.

1. Иафет – сын Ноя (библ.), мифический родоначальник яфетических (индоевропейских) народов.

2. Мисаил Пестручевой – Мисаил Пеструч (1475—1480), западнорусский православный митрополит.

3. Екклесиаст – библейский пророк.

4. Иеремиада (устарел.) – жалоба, сетование.

5. Скрипторий – монастырское помещение для переписки и иллюстрирования книг.

6. Studium generale (лат.) – средневековое название университета.

7. После первого часа – седьмой час утра (см. далее схему суточного круга богослужения):
Вечер.

Девятый час – 3 час дня.

Вечерня – около 4.30

Повечерие – 6 час дня

Утро.

Полунощница (Бдение) – 12 час ночи.

Утренняя (Хвалитны) – 5 час утра.

Первый час – 7 час утра.

День.

Третий час – 9 час утра.

Шестой час – 12 час дня.

Литургия – служится перед обедом

8. Ромейских (устарел.) – византийских.

9. Глеб рязанский – Глеб Ростиславович (+1177), князь Рязанский.

10. Галки – галка геральдический символ Галича: на гербе Галича изображена стоящая галка, не гербе Галичины идущая галка.

1. Вороты; 2. Гостиница; 3. Колокольня; 4. Церковь; 5. 12. Кельи инок и послушников; 6. Склад идиолов; 7. Печевница и грязь; 8. Трапезная и кухня; 9. Скрипторий; 10. Библиотека; 11. Палаты игумена; 13. Малая; 14. Погреба и слявья; 15. Подские; 16. Училище; 17. Лыца; 18. Солонья; 19. Арсенал; 20, 21. Топари; 22. Укладные и сити; 23. Скотный двор и конюшни.

День первый

Глава I

О прибытии в обитель, где убит монах, и где сплетничают о сильных мира сего.

Несмотря на день, монастырские дубовые ворота крепко заперты. Мышь полевая не шмыгнет, куда уж там пробраться лихому человеку. Оруженосец Варлам, что было мочи, застучал входным кольцом, клацнула защелка, и в смотровое оконце выглянула угрюмая образина. Страж поначалу опешил, увидев пышную кавалькаду, войдя в разум, грубо спросил: «Чьи будете? Пошто приперлись?». Вняв ответу, он захлопнул створку, однако не поспешил растворять воротины, верно пошел доносить начальству. Вспыльчивый меченоша взялся колотить булавой по железной обрешетке, призывая на голову незадачливой охране всяческие напасти. Но вот отодвинулись запоры, и в распахнутом зеве ворот открылось монастырское чрево.

Приструнив неловкого стражника, нас с поклоном встретил расторопный отец-вратарь. Проявив завидную сметливость, он вскоре привел седого сухопарого инока в чине иеромонашеском. Старец представился отцом Поликарпом – здешним келарем. Благосклонно выслушав Андрея Ростиславича, управитель взялся сопроводить боярина к игумену в палаты, остальных же поручил невесть откуда набежавшим служкам.

Краснощекий монастырский отрок, лет семнадцати, взял под уздцы моего Гнедка и, ласково воркуя тому на ухо, повел вослед другим, к стойлам. Я не преминул познакомиться с провожатым, малого звали Акимом. Он послушествовал уже год, но лишь месяц назад принял рясофору (1), в обители с этим не спешили. Происхождением Акимий из теребовльских бояр, чего занесло к западу, сказывать не стал. Ради поддержания разговора, я поинтересовался:

– Из того ли ты града – удела Василька (2) князя, ослепленного братьями своими?

Тут отрок приосанился и чинно пояснил, сочтя меня малосведующим:

– Учинил лютую казнь зять Васильков – Давыд из Ольгова племени. Задумал окаянный удел тестев захватить. Попустил изуверству Святослав Киевский... Брат же родной Василька – Володарь вовсе не причастен и тоже потерпел от извергов. – Складно вещал Аким (мне осталось лишь поддакивать). – Дело то гнусное не Теребовль (3) ославило, а безбожных князей, что вырезали глаза сроднику. Василько же Володаревич – несчастный страдалец, стал во истину святым в православном мире, – дельно заключил начитанный послушник.

Спросив все, я оказался задет за живое. История та доподлинно известна всякому русскому человеку, и нет предела недовольства безбожными князьями, осрамившими род Рюриков. Аким поначалу распалился, но быстро сник, стал уклоняться от гневных обличений. Должно, в здешнем месте строго чтится устав, не в пример киновиям (4) где черноризцы, прельщаясь собственным суесловием, страждут позубоскалить по всякому пустяку.

Вопреки негласному монастырскому правилу, требующему тишины в утренние часы, двор обители был непривычно оживлен. Суетливо сновали холопы и послушники, последние норовили прибиться к кучкам столпившихся монахов, но те их немилосердно гнали. Сами же иноки что-то оживленно обсуждали, то и дело, указывая перстами то на странноприимный дом, то на размещенные по левую руку настоятельские палаты. Мне стало любопытно, о чем они так оживленно судачат, однако пришлому чужаку следует быть скромней.

Миновали белесую, каменной, перемежаемой плинфами (5), кладки церковку, в ее тусклых слюдяных оконцах мерцали всполохи горящих свечей. До меня еле донесся заунывный голос чтеца. Вроде, как и не по часам служат? Между тем, у северного портала другая группа

чернецов озабоченно внимала истощенному пастырю и, покорствуя его указаниям, по одному, по двое разбредались по обители.

В глубине монастырского подворья, у вросших в землю подсобных строений, тесно сгрудились разномастные телеги и возки. Меж них кружила многочисленная челядь, построй ее одежд выдавал прислужников властной особы. Навстречу нам степенно прошли вооруженные гридни. Свежий порыв ветра донес до меня обрывки их разговора, речь шла о размещении дозора на подступах к монастырю. Стало быть, кроме нас в святом месте разместился еще некто весьма знатный, коль явился с дружиной и холопами?

– Что за гости в обители? – спросил я у проводника.

– Из Галича, сам Владимир Ярославич (6) припожаловал!

Скинув камилавку, малый спохватился и поклонился дружинникам. Не удосужась даже намека на ответное приветствие, обиделся на гордецов. И уже совсем по-дружески заговорил со мной:

– Прибыл с дружиной и попами, одних бояр целый выводок привел, а уж челядинцев и смердов не счесть!

– Так уж, прямо сам князь сподобил, – усомнился я, – а не лукавишь ли отрок? А чего ты сразу-то не предупредил меня? Ты так, паря, не шути!

– Крест святой, совсем не лгу! Самолично, собственной персоной властелин Галицкий, законный сын Ярослава Осмомысла, с дружиною в обитель вселился.

Я отбросил неуместные сомнения:

– Наслышан уже я про вашего князя, отхватил таки стол отцовский! Ловок бестия, из полону угорского бежал... Сказывают, император много ему поспособствовал. Вот Никола Лях (7) и отвоевал у королевича Андрея (8) Галич. Ну, так Бог в помощь Владимиру, пусть покажет себя, проявит хватку отцовскую! – Войдя в кураж, я скорчил заговорщицкую личину, недостойную моего сана. – А попадья-то, полюбовница его с ним приехала, али как, ведаешь? Гляжу, в храме огни горят, может, Володимир обвенчаться надумал? – И глумясь, я сально подначил малого. – Господь даст, еще погуляем на свадьбе!?

– Грешно балагурить, отче, – провожатый мой истово перекрестился, – в церкви треба по рабу божью Захарии. Жил вот, и нет человека. А ведь еще овчерась догнал и подзатыльник мне отвесил. Да я не сержусь на него, – и паренек обиженно шмыгнул носом.

– Что так, – изумился я, – поди, не в годах усоп?

– В том-то и дело! Да и не своей смертью опочил, лиходей укокошил.

– Вона как? А кто таков покойник?

– Да отец библиотекарь. Нашли в келье с проломанной башкой. Я ходил смотреть. Крови особо и нет, но удар расчетливый, под самый мозжечок. Начальство с рук сбилось, второй день убивца ищут, да что-то не клеится у них.

– Неспокойно у вас, как я погляжу? Не дело, в обители смертоубийству приключиться, – помедлив, добавил, – а, сколько лет-то убиенному?

– Да не старик еще, сорока нет. Его совсем недавно, поди месяца три-четыре, поставили начальствовать в скрипторий. Он раньше в помощниках библиотекаря ходил. А когда Ефрема библиотекаря, вместе с прежним игуменом Мефодием мадьяры загубили, царство старцам небесное, – инок положил широкий крест, – тут Захарию и рукоположили. Однако господь не привел развернуться.

– Какие ты, однако, Акимий, страсти рассказываешь! Не знал, что такая жуть у вас творится. А почто венгры то злодейство учинили? – я заинтересовался уже по-настоящему.

– Ну, как? Ведь в Галиче до недавней поры Андрей угорский сидел. Ты что, в самом деле, ничего не ведаешь? У нас тут, отче, такие дела деялись, не приведи господь. Как старый князь Ярослав богу душу отдал, так и пошло-поехало! – Малый разговорился. – Да ты погоду малость, сейчас коней поставим, я тебя просвещу...

Мы вошли в стойла. Пока искали в коновязи местечко, пока снимали упряжь, пока засыпали овса лошадкам, к слову, ядреный овсец в обители, – прошло с полчаса. Наконец, Аким потянул меня за рукав, дескать, пошли, провожу до приюта. Я с нетерпением понудил парня продолжить прерванный рассказ. И вот, что узнал:

– Осмомысл (9), ощутив неотвратимость смерти, дня за три до кончины призвал бояр и весь люд галицкий. Велел целовать крест Олегу Настасьичу (10), чтобы венчать выблядка на княжение. Саму же мать его, волочайку Анастасию (11), народ сжег еще четверть века назад, сочтя ведьмой. Да ты, слышал про ту историю? Спутался князь с чернявой посадской женкой, поговаривали, ему жида её подложили. Одним словом, околдовала она князя и произвела на свет того Олега.

Княгиню законную Ольгу (12), дочь Юрия Суздальского (13), вместе с сыном княжичем Владимиром согнал со двора. Пришлось им горемычным скитаться по закордонью, искать приюта. Но народ православный чтит правду-матку. Порешили всем миром: ведьму Настаску в костер, Ярославу же взяться за ум! Княгиню с законным наследником народ вернул. Ярослав поначалу попал в полную ее волю. Да горбатого только могила исправит! Когда страсти поутихли, он мало-помалу опять-таки власть заграбастал. С женой боле не жил, она бедная с горя приняла иноческий сан и вернулась в Суздаль. Сына Владимира люто возненавидел, пришлось княжичу ох как несладко. Спасибо Игорю Северскому, что пригрел изгоя, Игорь-то, вышел за его сестрицу Ефросинью Ярославну. Он не раз замирял тестя с шурином, да худым выходил тот мир. За год до смерти старый князь определил Владимиру удел, к слову сказать, совсем никудышный. Да не пускал туда жить, держал при себе, все норовил уличить в измене сына родного. А бастарда Настасьича готовил себе в приемники.

Как пришло Осмомыслу помирать, князь Владимир – истинный наследник, бояре, владыка с духовенством обещались исполнить волю старого. Но только Ярослав отошел, Олега позорного тотчас прогнали и Владимира поставили. Да вот незадача? И новый-то пришлось боярам не ко двору, якобы к разгулу и винопитию склонность имел. Согнали злыдни Ярославича, призвали Романа Волынского (14). Тот, вот он, тут как тут! Однако не долго ему пришлось править. Привел князь Владимир венгров, дабы пособили вернуть родную отчину, – и новая беда! Бела-король оборотнем оказался, князя в темницу бросил, а на стол галицкий сына Андрея поставил. Вот тогда-то и взялись угры проклятые свирепствовать! Спихнулись бояре и лучшие посадские люди, да поздно. В том им наука: не гони природного господина, не спольщайся на пришлого правителя!

Разумеется, и духовному званию не сладко пришлось. Медом не корми латынцев, дай только унижить иереев греческой веры. Не миновала сия напасть и нашу обитель, увезли отцов-начальников в узилище галицкое. Сказывали, окаянные супостаты их немилосердно пытали. За что, про что не ведаю? А опосля забили старцев до смерти.

Меж тем, князь Владимир по веревке бежал из башни королевской и заявился к императору Фридриху Германскому (15). Пал на колени, мол, спасай от поругания отец Христова воинства. Люб был Владимир Ярославич римскому кесарю, как-никак племянник по матушке Всеволоду Суздальскому. Впрочем, тяжба с Белой венгерским была не с руки для Фридриха. К тому времени Барбаросса возложил на себя Крест, собирал христианские народы за Землю Святую постоять. Но дал грамотку к Казимиру ляшскому (16), велел порадеть справедливости.

И, воссияла правда! Занял Владимир Ярославич стол отчинный. Потом с дядей Всеволодом списался, прося защиты от недругов. Великий князь и первенствующий по Рюрикову племени приказал князьям земли русской, oprичь того и иным государям, не обижать племянника. Как постановил, так и есть сейчас! – закончил радостно свою речь послушник.

Отчасти, я был осведомлен о раздорах в доме Осмомысла, но выслушал Акима до конца, не перебивая. Не скрою, мне любопытно узнать – каково мнение здешнего люда о страстях их князей? Подтверждаю: услышанное совпадало с оценками, бытующими на европейских весах.

В благодарность бескорыстному рассказчику я восславил божью справедливость, завсегда творимую ко благу людскому. Однако страждал больше узнать о сегодняшних событиях в обители. Прости господи, завлекла меня тайна нераскрытого убийства монастырского библиотекаря. Аким на сколько мог, постарался исчерпать мой интерес.

Он поведал, что новый настоятель поставлен в киновию чуть ли не самим митрополитом Киевским (17). Новоиспеченный иерарх Кирилл видом важен и нелюдим, как и подобает, быть человеку сановному и вельми грамотному. Начальник он щепетильный и взыскательный, праздность иноков преследует, суровые епитимьи на послушников налагает, себя держит в особой строгости, мясного совсем в рот не берет, впрочем, так и заказано православному игумену. Хотя монахи из вредности злорадствуют, что авва Кирилл лаской и покровительством епископа галицкого Мануила не пользуется. Сам же владыка чрезмерно заглядывается на Царьград, на вселенского предстоятеля.

И еще любопытно? И епископ, и игумен – оба законного Владимира не жалуют, покорствуют только, страшась преступить наказ Великого князя. Понятно, они люди пришлые: Мануил, тот грек понтийский, Кирилл же родом из Чернигова, ранее подвизался в Выдубицком монастыре, оттого и боготворит Киевского Святослава Всеволодича (18). Злые языки сочиняют, мол, соглядатаем от него поставлен на Галич. Оттого или как, но нового настоятеля братия в душе не чтит. Лишь малая часть чернецов ходит к нему на исповедь, большинство отдает предпочтение старым духовникам Евлогию и Парфению – старцам праведным и чистых помыслами. Монастырские прочили в игумены Парфения, самого уважаемого иеромонаха в обители, да не получилось, князья церкви рассудили иначе.

Так-то, на первую поглядку (со слов мальчика), в обители тихо и благостно. Правда, он слышал, умные головы кажут о затишье перед грозой. Сколь оно продолжительно, никто не ведает?

– Признаки грядущей бури налицо! Хотя бы, взять вчерашнее убийство библиотекаря. Захария определил начальствовать в скрипторий игумен Кирилл. Да своим ли путем он поставлен-то? Иноки всякое болтают, – парень заговорил загадками, – возомнил себя библиотекарь выше некуда. Почету требовал, аки второй игумен. Ан не вышло! Господь ли отвел? Страшно и помыслить, чья воля его уничтожила, всякое судачат, а иноки люди бывалые. Ясно одно, Захария сгинул неспроста...

Тут малый замаялся, видно смекнул, что сболтнул лишнего, начал уверять, мол, не послушнического ума сии передрыги. Юношеское дело: блюсти устав монашеский, приготавливая себя к пострижению. Я понял: большего мне от монашка не добиться, и на том спасибо. Расстались мы с послушником Акимом по-приятельски.

Примечания:

1. Рясофоры – пострижение в рясофоры еще не делает монахом, обеты не даны, послушник имеет право покинуть монастырь.
2. Василько – Василько Володаревич (+1124), кн. Тербовольский, ослеплен в 1097 г.
3. Тербовль – город Тербовль в Закарпатье.
4. Киновия – общежительный монастырь.
5. Плинфа – широкий и плоский обожженный кирпич, применявшийся в строительстве X – XIII веков в Византии и на Руси.
6. Владимир Ярославич – Владимир Ярославич (1151—1198), кн. Галицкий (1187—1198).
7. Никола Лях – Николай Краковский, полководец польского короля Казимира.
8. Королевич Андрей – сын короля Венгрии Белы III.
9. Осмомысл – Ярослав Владимирович Осмомысл (1135—1187), кн. Галицкий.
10. Олег Настасьич – Олег Владимирович (1161—1188) незаконнорожденный сын князя Ярослава Осмомысла.

11. Анастасия – Настасья (+1175) незаконная жена князя Ярослава, сожжена боярами, как колдунья.
12. Ольга – Ольга Юрьевна (+1189), жена кн. Ярослава Галицкого.
13. Юрий Суздальский – Юрий Владимирович Долгорукий (ок.1090—1157), кн. Ростовский, Суздальский, вел. кн. Киевский.
14. Роман Волынский – Роман Мстиславович (+1205), кн. Волынский и Галицкий.
15. Фридрих Германский – Фридрих I Гогенштауфен – Фридрих Барбаросса (ок.1123—1190), император (с 1152) Священной Римской империи.
16. Казимир Ляшский – Казимир II Справедливый (+1194), польский король.
17. Киевский митрополит – Никифор II, митрополит (1183—1198).
18. Святослав Всеволодич – Святослав Всеволодович Черниговский (+1194), кн. Владимиро-Волынский, Новгород-Северский, Черниговский, вел. кн. Киевский

Глава II

Где иноки волнуются у церкви, а мудрый старец расставляет все по своим местам.

Мне не терпелось поделиться услышанным с Андреем Ростиславичем. Более того, я знал обостренный интерес боярина к распутыванию такого рода загадок, сказывалась пытливость недюжинной натуры, да и немалый опыт следопыта, нажитый на ниве княжьего мечника. Его внутренней потребностью было достижение предельной ясности в любой задаче, он не терпел недомолвок и особенно двоякости. Преднамеренное убийство, без сомнения, пробудит в нем былую страсть к розыску.

Я понимал: в обители полным ходом идет расследование. Интересно, как далеко оно продвинулось, какие выдвинуты версии, кто впал в подозрение? Может статься, кого-то уже уличили? Определенно, найдутся и такие, кто намеренно путает нити сыска, направляет по ложному следу? Впрочем, одно, несомненно – замять содеянное нельзя. Уж, коль простой послушник источается домыслами, то можно представить, какая мешанина царит в головах маститых иноков. Ко всему прочему, дело осложнилось присутствием княжьей персоны, наплывом служилого люда. Князь, бесспорно, примется вязать своею рукой, внося еще больше хаоса и неразберихи.

Даже в моей душе разгорелся суетный зуд. Любое, пусть даже самое незначительное происшествие в монастырских стенах берedit умы братии. Оторванные от внешнего мира, лишенные подпитки токов людского коловращения, мы, помещенные в микрокосм обители, за диковинную отраду воспринимаем любое мало-мальское проявление подлинных людских страстей, пусть даже и грешных, но от того еще более соблазнительных и увлекательных. Инока медом не корми, лишь дай посплетничать, да посудачить о мирском, о житейском, о простых вещах, но в силу его пострига уже недоступных для участия в них. Монах, что женщина, если та заперта в тереме, то чернец в обители. И если говорят, что женщина вместилище явных и скрытых пороков, порожденных путами семейного затворничества, то, как порочны мы, пытающиеся своим отшельничеством пресечь соблазны плоти и лукавого ума?

А сколь радостно молодому, здоровому телом мужчине вырваться за стены обители? Я сам вкусил прелесть оказаться свободным как птица, вольным как ветер, быть обязанным лишь самому себе. Меня осудят: высшая свобода внутри нас, раскрепости свой дух, не позволяй земному подчинить тебя, и тогда ты обретешь высший смысл бытия. Согрешу, но сравню сей удел с уделом булыжника придорожного. Но камень, он и есть камень! Я же человек и живу среди людей. И не к лицу мне становиться обручком безжизненным и слепым, искать просветления только в умственном напряжении. Ибо даже сами слова, которыми мы говорим, греховное семя есть, так как от жизни рождены. Тогда, истинные праведники слепоглухонемые, ничего не ведающие? Мир от них закрыт, но это сущая бессмыслица.

С такими своевольными мыслями приблизился я к паперти монастырской церкви. Как и давеча, округ толпились монахи, правда, заметно прибавив числом. Братия была явно взволнована, до меня донеслись обрывки фраз возмущения и недовольства. Я поинтересовался, что происходит? Малюсенький чернец с приплюснутым носиком, тонким, писклявым голоском пояснил:

– Заявились княжие люди, будь они неладны, угрозой выгнали всех из храма. Не дают братии по-человечески проститься с покойником. Заперли притвор на засов, никого не пускают, велят идти восвояси. Прямой произвол учинили в стенах обители! Стоило объявиться князю, так можно и устав отринуть? Где это видано: неволить иночество? Ну и порядки пошли, совсем от Бога отпали, думают им все дозволено?

В разговор ввязался чистенький, ухоженный инок:

– Сказывают – осмотр чинят убиенному.... Там один видный боярин распоряжается, по обличью чужак, не галицкий. Наши-то господа у венгров моду одеваться взяли. А этот, по виду чисто немец или франк, да и речёт не по-нашенски. Я так думаю, что он суздальский.

Подступили другие монахи, загалдели все разом:

– От этих суздальских проходу нет, взяли волю везде хозяйничать! Почто им такое право дано?

– Они, думают, коль Всеволод (1) первейший князь, так им все с рук сойдет?

– Это еще посмотреть, кто боле велик Суздаль, али Киев? Суздаль, он далеко, а святая София близко!

– У Всеволода, братцы, сила! Кто силен, тот и прав!

– Киев – мать городов русских, там митрополичий двор, там святой престол Владимиров!

– Это раньше, братья-иноки, из Киева судили-рядили, тепереча удача суздальцам вышла.

– Дураки вы, простофили, кабы не Всеволод Юрьевич не сидеть бы нашему Володке в Галиче, не быть миру в нашей сторонке.

– Оно то, конечно, так, – согласилось большинство.

– Братия, о чем спор-то? – вмешался почтенного вида старец в овчинной шубейке поверх рясы, осанкой и видом схожий с библейским патриархом. – Главное ведь, не под уграми ходим! Хвала Суздаю, что Русь сплачивает, от обидчиков заступает! Кабы не северные князья, не быть Галицкому княжеству. Всяк на Галич зубы точит: и лях, и венгр, и Киев, и Овруч. Суздаль-то, он Русь в руке держит, иначе передрались бы все насмерть давно. А что Киев? Андрей-то Боголюбый неспроста пожог город, – не своевольничай супротив старшого. А то, что выгнали вас на паперть, – правильно сделали, чай розыск идет. И заметьте, – инок воздел длинный перст в небо, – по-серьезному сыск пошел, сразу видно дока взялся, не чета нашим тиунам судейским, – заключил старик рассудительно.

Серьезные доводы старца вразумили разгоряченных чернецов. Со всех сторон раздались одобрительные возгласы: «Парфений правду глаголет! Чего мы, братия, воду мутим? Чего негодуем, в самом-то деле?»

Черноризцы сникли, для приличия еще чуток посудачили, осаживая гонор самых упертых буянов, и как-то все разом умолкли. Понурия, помаленьку стали расходиться.

Миротворец по имени Парфений обратил на меня внимание, подступив с нескрываемым интересом, молвил ласково, по-домашнему:

– А ты, отче, откуда взялся? Чего-то не припомню я тебя? В диковинку видать наши говоруны? Да ты не бойся, они так болтают, что в ум взбредет. Иноки безвредные, поорут, пошумят, да и опять в разум войдут, – и повторил, любопытствуя. – Откуда идешь, куда путь держишь иноче?

Мне ничего не оставалось, как откровенно поведать о себе. Повторяться не стану, а постараюсь подробнее описать благообразного старца, ибо многое будет связано с ним в моем повествовании.

Годами он далеко перешел за шестой десяток, хотя плотью и не телесен, но его жилистые и крупные руки, говорят об особой природной силе. Подобно кряжистому, замшелому дубу старик несгибаем. Но плотская статья не шла в сравнение с исходящей от него аурой духовного величия. Высокий лоб мыслителя, проницательные глаза, седая львиная грива, да и весь просветленный лик монаха, источали живительные токи святительского тепла и умиротворения. Я сразу осознал: передо мной личность высокой подвижнической жизни, человек огромного духовного авторитета. Парфений – пастырь, но он и вождь!

Итак, наш разговор продолжился:

– А я сразу смекнул, что ты при суздальских состоишь, – тепло улыбнулся старец, и, отведя меня в сторонку, продолжил, как с давно знакомым. – Нет на матушке Руси более

благодати. Порухена основа миропорядка, заложенного двести лет назад царем Владимиром. Порвались узы перехода высшей власти от отца к сыну. Распалась Русь на враждебные уделы. Князья ненасытны, норовят любой ценой отщипнуть клочок земли от родича-соседа. Идут на всяческие изжоги, лишь бы столы свои приумножить.

Народ в край распустился, впал в пьянство и суеверия, обленился как никогда. Духовенство тому блуду потворствует, да и обмиршилось оно совсем. Никто не хочет радеть об отчей земле. Каждый норовит быть сам по себе, спешит скорей набить мошну. Оскоромиться не боятся, надеются, что золото все отмоет. Глупцы и невежды, самонадеянные скопцы, – вот кто они! Усекая собственную душу, отсекают Царство Божье от себя. Но уж, коль не верят в Страшный суд, пусть пораскинут глупыми мозгами о будущей участи своей и сродников своих.

Или нет у нас врагов внешних? Алчные и хищные, – со всех сторон точат они зубы на Русь святую. А недоумки наши им в том пособничают. Призывают нехристей судьями на тяжбы свои. Корусти и злобы ради наводят басурманские орды на люд православный. Али мы без царя в голове, али мы отщепенцы и безбожники? Отчину рушим, кромсаем ее со всех сторон – грех тяжкий, да и только, прямо беда!

Одна надежда осталась у нас, истинных печальников за Русь, токмо на Всеволода Юрьевича! Почто он медлит? Подобно старшему брату Андрею, призвал бы князей-стяжателей к порядку, поставил бы Киев и Овруч на колени. Хватит Руси междоусобий! Хватит попусту лить русскую кровушку! Пора за разум браться! В единстве наша сила и правда!

Не впервой мне приходилось слышать схожие речи. И Андрей Ростиславич, да и дружина боярская того же мнения. Да не только лишь суздальцы, по всей Руси Великой честные люди понимают: заказано жить в раскорячку, негоже грабить единоверцев, нельзя потакать распрям.

Я почтительно выслушал старца Парфения, поддакивал ему искренне, и без всякой на то корусти вошел в доверие к нему. Затем разговор наш сошел с высоких материй, пора было опуститься на грешную землю:

– Помилуй, отче, а что у вас-то, в обители случилось? Слышал, смертоубийство злое произошло?

– И не говори сынок, за согрешения свои кару несем. Убили вчера в полдень, лишили жизни Захарию библиотекаря. Он ведь совсем недавно за старшего в скриптории, – ощутив мой не подходящий интерес, инок подробно пояснил:

– Вижу в тебе книжного человека, лицо ты не мелкое, посему и разговор наш будет серьезным. Начну сначала. Настоятель наш – Кирилла, в бытность свою у митрополичьего стола ведал упорядочением законов церковных. Ты, верно, знаешь, подобная работа издревле ведется по русским кафедрам, а уж у киевского владыки особо целенаправленно.

Коли ты хоть чуть разумеешь в судебном деле, то представляешь, что есть право церковное и право княжье. Второе основано более на предании, на старых заповедях отеческих, на исконном славянском порядке. Витязи варяжские из племени Рюрика также привнесли в Кормчие свою долю. Богатый судебный опыт прошлого постоянно пополняется новыми княжескими указами, а то и показательными судебными решениями, мудрыми приговорами. Но есть одна существенная особенность. Княжья «Правда» хоть и писана в книги, но, в большинстве своем, судьи судят по заветам и по памяти. Порой князь, верша правосудие, опускается зачастую до прямого произвола.

Церковный суд ведает судьбой людей духовного звания. Церковное право издревле и детально разработано, подробно изложено в греческих судебныхниках. Надеюсь, ты ведаешь каких: Номоканон, Эклога, Прохирон и прочая, и прочая. Но наша, русская жизнь отлична от ромейской. Порой, разбирая чад, приписанных к церкви, княжеское и церковное право в вящее противоречие меж собой впадают. Да и провинности, и казусы всяческие с мирской

и церковной сторон неисчислимо множатся, а все нужно увязать, разложить по полочкам и записать письменно.

Для этой-то цели и ведется кодификация законов, они сличаются, уточняются, и составляется выверенный их свод. Примером тому служит новая «Пространная Правда». Эта работа бесконечна от века.

Иеромонах Кирилл рукоположен тому труду. Да и любо ему, аки червю книжному, судебники перелопачивать. Получив обитель, он не оставил старых забот. Приказал расторопному библиотекарскому помощнику Захарии, собрать по Галицкому уделу тома уставные: и отеческие и от греческих владык. Покойный со всем прилежанием исполнил волю игумена. Угодил настоятелю и был поставлен на свободное место библиотекаря. Только произошло сие, через головы чернецов более достойных. Порухен был порядок очередной. Книжная братия возропала. Еще больше недовольство поднялось, стоило Захарии отпускать инокам книги не по надобности их, а по собственному выбору. Якобы, ему видней, что кому надлежит читать, мол, тем он оберегает братию от вольнодумства. Но это глубочайшее заблуждение. Свободомыслие оно не от книг, оно от людской нужды идет. Надеюсь, ты понимаешь меня?

Я согласно кивнул, так как считал свободу чтения первоосновой всякого знания. Старец продолжил:

– И окончательно озлобилась монахи, начни ретивый библиотекарь поучать скрипторных иноков, как тем вершить урочную работу. А главное, что нужно и чего не следует отражать им в своих писаниях. Вроде, те дети малые, неразумные, – старый черноризец осуждающе покачал головой. – А я тебе скажу, у нас в монастыре имеются головы столь высоко ученые, что и Софийского храма, не говоря о прочих пределах, мудрецам позавидовать. К примеру, отец Аполлинарий – с Афона горы нам явлен! А брат Даниил, а брат Феофил? Не один год подвизались они в киновиях града Константинова. Есть и еще иноки, исходившие веси европейские. Да и сам я грешный, пусть не столь учен как они, но у греков и латинян все же краешек мудрости постиг. Честно скажу, обиду нам учинили!

Захария-то возгордился, заимев этакую волю. Да вот не привел господь, вкусить сполна сию усладу. Конечно, жаль его – заблудшая овца, не обтесался еще, возможно образумился бы. Но, вот – убит! Пропала душа христианская, сгинула без покаяния, – и старец зашевелил губами, творя молитву божью.

– Скажи мне, отче, а кто мог содеять сей грех великий?

– Не ведомо мне. Я стал на братию прикидывать, – зуб-то многие на него имели, да не сподобится никто на такое злодеяние. Иноки горазды словесно бузить, а чтобы до убийства дойти..., не думаю? Нет таковых у нас – Бог милосерд! – Парфений истоиво сотворил крестное знамение.

– А из паствы, может из черни кто?

– Пойди, их разбери? Келарь было взялся за розыск, да какой прок от тиуна монастырского. Ходил, выспрашивал, но кажется мне, больше для отвода глаз, лишь бы внешний порядок соблюсти.

– Ну а пришлых – много в обители?

– Немало наберется. Но Бог им судия! Пойди, разгадай, что у человека на уме? Да и ушли уже многие. Обитель-то, что проходной двор, попробуй удержи, впрочем, и не удерживал никто.

– Скажи отец, Захарию-то убиенного как быстро обнаружили?

– Что тебе ответить? Нашли его в шестом часу, уже «готового». Ну, а на утренней трапезе его видели. Таким образом, убили в пределах до полудня. Как правило, в это время братия занята урочными делами. Кто в скриптории трудится, кто прочие требы вершит. Сразу-то библиотекаря и не спохватились. Конечно, отсутствовал он в книгохранилище, да свыклись все. Знали, что подвизается Захария в покоех у настоятеля, помогает игумну в трудах книж-

ных. Да, и опять, кто ведал, что беда произойдет? Кабы знать, может быть, и присмотрели бы за отцом библиотекарем. А так, нет его, ну и ладно, – монах развел недоуменно руками. – Кому он особо нужен-то?

– Однако в шестом часу потребовался? Зачем?

– Всякое говорят. Якобы, Антипе рубриктору (2) ибернийские (3) псалтири потребовались для образца. Заказ срочный поступил, книжицу миниатюрками изукрасить. Антипий, он по художеству всякому знатный мастер. Ты зайди в скрипторий, скажи, я велел, пусть покажут его рук творенья, чудные те рисунки, забавные зело. Так вот, Антипий инок и сподобился труп обнаружить. Примчался в библиотеку, всполошенный весь, слова не может молвить, того гляди, рухнет в припадок. Насилу отпоили сердешного. Он-то у нас страдает темной немочью.

Что потом началось, чистое светопреставление: братия ринулась в спальни, чуть не подавили друг друга, так спешили – нашли забаву. Каждый норовил взглянуть на покойника, пока келарь стражу не приставил. А я вот не пошел, прыти уж нет, да и грешно поглядки убиенному устраивать.

– Ну, а что копиист?

– Антипий-то, да отошел малость, чего ему содеется. Позвали потом к отцу-игумену, он и поведал, как мертвого открыл. Правда, от ужина болезный чернец отказался – не идет, мол, пища в рот. Ну и бог с ним. Сегодня, поди, уж совсем оклемался.

Тут Парфений засобирился, стал оправлять шубейку, должно озяб. Старик немощно захряхтел, показывая всем видом, что его уболтали. Но я не мог так запросто отпустить инока, и стал канючить:

– Помилуй, дедушка, обожди чуток. Интересует меня, – а были ли товарищи-приятели у новопреставленного Захарии? То есть, с кем он больше всех возжакался?

– Были, конечно, как не быть, – дед потуже запахнул в овчину. – То все больше наши компиляторы (4) скрипторные, кое-кто из изографов (5) – они по летам ровня, вот и знались. Тебе их назвать надобно? Да я сразу и не упомяну-то всех, разве по столам начать высчитывать: так, за первым у окна сидит Селиваний, инок усердный, за вторым у печи...?

– Довольно, отче, не неволь свою память. Ясно, что Захария со многими поддерживал деловые отношения. А был ли у него закадычный, душевный друг, с которым он мог поделиться самым сокровенным?

– Знаешь ли, вьюноша, жизнь обители особенно не располагает к откровенным изливаниям. Монах, прежде всего, советуется с Богом. Потом, каждый имеет духовника? Но мы с тобой знаем, не всякое откроешь на исповеди. А уж обнажить душу перед собратом, будучи мужем, сорока лет, есть верх неблагодария. Собственные тайны лучше хранить в себе самом, так надежней и спокойней. А впрочем, нет у инока особых секретов. Наша жизнь на виду. Все обо всех и так знают. Тут не скроешься. Монахи любят перемывать косточки друг дружке. А уж коли, есть что скрывать, так молчи по гроб. Касательно Захарии, он к себе никого близко не подпускал, больно горделив был.

– Ну, коли так, то может статься, у него были слабости, чисто человеческие? Я уж не говорю о тайных пристрастиях?

– Как сказать? К питию склонности, определенно, не имел. Касательно сестер Евиных, у нас это не заведено, мы на отшибе. Ну что еще? Если ты намекаешь на содомский грех, – пристрастие сие пагубное отмечено и у нас, никуда не деться. Иночество порой ввергает слабые натуры в сию геенну. Но, как мне казалось – Захария был весьма пристойный инок.

– Выходит, совсем праведной жизни человек?

– Праведность и чистоплотность телесная не равнозначные сущности есть. Была у Захарии одна страсть, пагубная потребность – жажда червя книжного. Ей он отдавал себя без остатка. Положение позволяло ему иметь всякую книгу, даже недозволительную. И он тем, безусловно, злоупотреблял. Ты знаешь, есть ведь книги сокровенного знания?

- Сочинения ересиархов богопротивные?
- Ты сам сказал...
- Так значит, он склонен к инакомыслию? А может статься, и в гнусных радениях участие принимал?
- Ты сам говоришь...
- А как же монастырское начальство?
- А при чем тут начальство? В душу каждому не влезешь?! Поди, усмотри – что у чернеца на уме? Ушли те времена, когда духовник знал всё обо всех. Меняется мир и люди в нём...
- У него были соучастники в тех деяниях?
- Знаешь иноче, получается, я как бы доношу на братию. Пожалуй, больше ничего не скажу. Понимаю, ты в одной упряжке с боярином Андреем. Я восторгался им, когда он, аки молот, искоренял скверну на севере Руси. Знатный мечник! Если ему нужно, то пусть спросит Парфения исповедника, я поговорю с ним. Все умолкаю, на нас уже оглядываются. Пойду, благослови тебя Бог!
- Спасибо старче Парфений за откровенность твою. И храни тебя Господь!

Примечания:

1. Всеволод – Всеволод III Юрьевич (Большое Гнездо) (1154—1212), кн. Переяславский, вел. кн. Киевский, вел. кн. Владимирский.
2. Рубрикатор – художник-миниатюрист, копиист, иллюминист.
3. Иберния (уст.) – Ирландия.
4. Компилятор – писец, переписчик.
5. Изограф – художник-иконописец, богомаз,

Глава III

В которой боярин Андрей рассуждает о кладах и надобности в них.

Едва я разминутся с толковым иноком, не успев еще остыть мыслями от занятой беседы, как слух мой был потрясен неистовым воплем. Правильней будет сравнить его с визгом свиньи недорезанной. Братия и я вслед за ними метнулись в сторону душераздирающего крика. Проникнув чрез круг сбившихся черноризцев, я увидел распростертое на земле истощенное тело в растерзанных, заблеваных одеждах, колыхаемое чудовищными конвульсиями.

– Темная немочь, темная немочь! – переговаривались меж собой иноки. – Ишь как, Антипу рубрикатора пробрало?! Это же надо так терзаться? Почитай, впервой так-то трясет. Болезнь сия – знак от Бога!

– Я смекнул, несчастного настиг приступ падучей. Двое, самых шустрых из братии, пытались удержать припадочного, но невероятная сила неизъяснимой болезни сокрушала их усилия. Тщедушная плоть изгибалась в немыслимых корчах, из уст, переполненных пеной, исходил булькающий хрип. Нашупав в кармане черенок липовой ложки, мне пристало оттолкнуть бестолково суетливых монахов. Откуда и прыть-то взялась? Оттянув втянутый в горло язык страдальца, я вложил меж челюстей спасительное древо и понудил иноков перевернуть болящего лицом вниз. Встав с колен, отряхивая мусор, прилипший к рясе, пояснил, что главное в таком случае – не дать человеку подавиться собственным языком и захлебнуться блевотиной. Среди братии прошел гул одобрения моей сметливости. Припадочный уже почти успокоился...

И тут внезапно раздался повелительный голос моего боярина:

– Ну, что сбились, будто невидаль какая? Снесите чернеца в келью! Ему теперь покой нужен. Да не оставляйте одного! – И затем обратился ко мне:

– А ты, брат, молодец – не сплеховал, хвалю за радение! Ну, пойдём, теперь уж без нас разберутся.

И мы отошли в сторонку. Я не смог сдержать любопытства, спросил у Андрея Ростиславича, мол, как там, в церкви, выяснилось ли что? Боярин посмотрел на меня с некоторым изумлением:

– Догадываюсь, ты, Василий, достаточно осведомлен об убийстве библиотекаря? Случай, скажу тебе, не из простых. Я внимательно осмотрел покойного, но, честно сказать, чего-то недопонимаю – черепная кость не проломлена, смерть определенно наступила не от травмы головы, а скорее от удушья, тому все признаки. Да и удар какой-то непутевый, – исподнизу, так не убивают. Келарь же напротив, – полагает, якобы покойный не ожидал нападения, пригнулся малость, вот и получил снизу затылка. Но тут же противоречит себе, отмечая, что крови было всего ничего, да и лежал покойный, скрючившись бочком на лавке. Много непонятного!? – Боярин чуток помялся, что-то обдумывая. – Я в большом недоумении: душили не душили, может, напоили чем? Обнаружили покойника в шестом часу, нашел его мертвым твой припадочный рубрикатор, тому, что-то потребовалось из книг...

– Да, да, – перебил я Андрея Ростиславича, – и мне сказали, что мертвеца обнаружил миниатюрист Антипий.

– Выходит, Василий и ты времени даром не терял? – кашлянув в ладонь, боярин произнес совсем тихо. – Улучил я минутку, побывал в келье библиотекаря. Только, как назло, перестаралось дубье монастырское, прибрали аккуратно кругом, – помолчав, заметил с ухмылкой, – а может статья, и не тупые вовсе? Полезных улик или хотя бы следов, как не искал, так и не обнаружил. Убит, – и концы в воду!

Да только, мне кажется, это не рядовое убийство, как пытался представить отец настоятель. Якобы повздорили монахи, и в горячке один уколошил другого. Да и сама причина

ссоры, – она должна быть очень веской, из-за просвирки не лишают жизни? К тому же, жертвою пал не простой чернец, а особа важная в иерархии монастырской. И что бы там не говорил игумен, чую, одним им не разобраться, да и хотят ли они того? Вот почему князь Владимир поручил мне заняться розыском, зная мой опыт мечника. Да и самому мне занятно докопаться до правды, – помедлив с намеком добавил. – Сам знаешь: даже невольное сокрытие смертоубийства, убийству равнозначно.

И тут, я взялся подробно излагать боярину слышанное от отрока и монастырского старца. И не заметил за пересказом, как мы оказались возле странноприимного дома. Андрей Ростиславич пригласил к себе. Его келья была поместительна и удобна. У оконца гнезвился старинный поставец для письма. По стенам прилепились широкие лавки, устланные коврами. В углу громоздился пузатый ларь, окованный медью, с висячим замком. Были даже резные полки, верно для книг и прочих хартий. Посреди кельи стоял громоздкий трапезный стол и два ременных стула. В красном углу, при богатом кивоте, еле теплилась лампадка.

Я продолжил пересказ. Выслушав характеристику Захарии, выказанную духовником, боярин Андрей несколько озадачился. Встал, задумчиво стал перебирать сваленную в углу поклажу. И, наконец, вымолвил:

– Поведанное тобой, как нельзя лучше дополняет картину, творимого в киновии бесчинства. Мне удалось переговорить кое с кем из умных людей, по сути, они сводят имевшее место душегубство к двум причинам. По одной, – библиотекарь был посвящен в тайну некоего великого клада, овладеть коим охочи многие в обители. И второе, – в монастыре по ночам творятся непотребные богомерзкие дела. Участие в том Захарии, если и не обнаружено явно, то, во всяком случае, их подоплека ведома покойному, – помолчав, боярин присовокупил. – Ты, Василий, молодец, смотришь в корень! Я насчет ереси говорю. Стоит пристальней полистать книги, что свалены у Захарии. Благо, вовремя опечатал его камору!

К слову замечу, печатка у Андрея Ростиславича особая: с гербом и монограммой суздальских князей, такой вещи цены нет. Но послушаем боярина дальше:

– Вернемся, отче к таинственному кладу, тут мнения расходятся.

Им может быть, как ты понимаешь, посмертный схрон Галицкого князя, его тайну до времени охраняют доверенные люди из киновии.

Но есть и еще одна, правда маловероятная версия. Ты удивишься такому повороту! Именно здесь в отдаленной обители могут проступить следы загадочной тайны, сотворенной Одой, женой Святослава Ярославича Киевского (1). Когда великий князь представился, более ста лет тому назад, – его супруга Ода, будучи сестрой графа Саксонского, воротилась обратно в Германию. Об этом всем известно. И вывезла из Киева мужнину казну – ценности необычайной. Но в пути, опасаясь разбойников, а скорее всего людей деверя – Всеволода (2), ставшего на стол брата, зарыла золото: толи на Волыни, толи тут, в Галичине. Причем умертвила поголовно всех участников сокрытия сокровища. Нет прощения вопиющей бесчеловечности княгини, и Бог ее покарал. Но злато прячут не для того, чтобы им никогда не воспользоваться. Так вот, возможно, место Одина клада для кого-то не составляет секрета. Что вполне очевидно, учитывая устоявшиеся связи тутошних насельников с империей, да и вообще, с латинским миром. Ну, а если сделать небольшое допущение, – уж не Захария ли библиотекарь, каким боком, вызнал про клад?

И в том и в другом случае, остается гадать, что за тайну он унес с собой в могилу? Унес ли, – не владеет ли ей кто-то еще? Одно правда, – много желающих дорваться до дармовых денег, тут все: и митрополит, и Святослав Киевский, и Галицкий епископ-гречин, да и сам Владимир Ярославич здешний князь. Уж кому-кому, ему это золото крайне необходимо, он ведь в неоплатном долгу перед германским императором. За помощь против венгров он обязался ежегодно выплачивать Фридриху две тысячи гривен, то великое ярмо на княжеской

вые. Казна Галицкая пуста. Барбаросса собирает Крестовое воинство, поэтому деньги вынь и положи. Не позавидую я легкомысленному сыну Осмомысла, – попал княже в передрагу.

Впрочем, есть одна закавыка. Отец Захария погиб накануне приезда князя. А с чем пожаловал Владимир Ярославич? Коли из-за денег, то его противники вовремя успели подслушаться. А как они смогли подгадать по времени? Вероятно, в окружении князя есть двурушник, который и уведомил убийц. Пожалуй, Галицкому князю стоит пошерстить приближенных. Пахнет изменой.

Сверх того, у меня к Владимиру Ярославичу особый разговор. Откроюсь тебе, – важные события надвигаются снежным комом, немалый интерес в их исходе у Великого князя Всеволода Юрьевича. Посему, придется мне весьма порадеть – деваться некуда.

Ну, и до кучи! Касательно сопричастности покойного отца Захарии богоотступничеству, чинимому в обители – нельзя отрицать правомерности этой версии, в наше время все возможно. Я не удивлюсь, обнаружив, что в монастыре творятся радения, подобные никалаилитским черным мессам. Много скверного случается в приграничных киновиях: стоят на собачьих стежках, их братия в первую очередь подвергается развращению. Латинское дерьмо, перебродив, аки по желобам стекает чрез них на Русь. Монастыри сии учинялись, как оплот православия, как преграда от проникновения прели латинской в наши пределы. Но видно заразна заносчивость людская. Не довольствуются гордецы заведенным миропорядком, тщатся отыскать некую истину, якобы намеренно сокрытую от них. Вопрос – истину ли, и для, чего скрываемую? Вот и плутают в умозрениях схоластических, и радуются, обнаружив подлые откровения ересиархов, и творят обряды по учению их, не ведая, что вымащивают себе торную дорогу в преисподнюю.

Я вполне допускаю, что поводом для убийства библиотекаря явилась его сопричастность таинствам, порицаемым святой церковью. Только, почему расправа с ним произошла в канун прибытия Галицкого правителя? Неужто злым дням нельзя было повременить?

Однако при розыске нельзя отбрасывать, пусть даже, несуразные версии. Поступки людские, на первый взгляд, бывают столь абсурдны, но при тщательном взвешивании обнаруживается их закономерность и неизбежность. Так что, не будем опрометчивы.

Пока трудно предполагать что-то еще, возможно, корни преступления совсем иные? Но, разбирая, расчлняя поводы и причины, лежащие снаружи, с божьей помощью, докопаемся до истинной подоплеки, – в этом могу тебя заверить.

Не впервой мне приходится сталкиваться с запутанным злодеянием, узелок рано или поздно развяжется, было бы времени достаточно. Но вот беда – его-то у меня в обрез, да и других, неотложных, дел по горло.

Мне нужен дельный помощник. Вот ты-то им и станешь, Василий! Как, берешься, порадеть общему делу?

Я, не раздумывая, дал свое согласие.

Боярин встал, разминая затекшие ноги, неспешно прошелся по келье, собравшись с мыслями, продолжил:

– Признаться, Василий, я и не ожидал от тебя иного ответа. Ну, коль так, то мой тебе совет, или поручение, считай, как знаешь. Постарайся, не выпячивая интерес, побольше выведай о покойном библиотекаре. Невзначай поговори о нем с иноками: чем жил – о чем помышлял, кто ему покровительствовал и кому он особенно насолил? Вызнай его окружение, для нас крайне важно переговорить с людьми близкими Захарии. Впрочем, ты сообразишь и так, не мне тебя учить. Главное, будь осторожен, – боярин в задумчивости присел, видно собираясь дальше продолжить нашу беседу.

Но тут гулко ударил колокол, призывая к обеденной трапезе. Устав монастырский нарушать никому не дозволено. И мы, с Андреем Ростиславичем, послушно поспешили в трапез-

ную. Признаться, в желудке уже изрядно свербело от голода, а что поделать – человек заложник телесных оков.

Примечания:

1. Святослав Ярославич Киевский – Святослав II Ярославич (1027—1076), кн. Владимиро-Волынский, Черниговский, вел. кн. Киевский.
2. Всеволод – Всеволод I Ярославич (1030—1093), кн. Переяславский, Черниговский, вел. кн. Киевский.

Глава IV.

Где герои трапезничают и слушают житие Иоанна Златоустого.

Трапезная являла огромную, до окон вбитую в землю, бревенчатую хоромину. С задов ее облепили ветхие сарайчики и чуланчики. Крохотные оконца столовой залы плотно перевиты ржавыми прутьями кованой решетки. Отчего древнее строение казалось подслеповатым, словно нищий странник на паперти.

К источенным временем порожкам балагурия, сходилась оголодавшая братия. Заняв место в очереди, встав по парам, иноки умолкали, принимали строгий и постный облик. Видом своим показывая начальству, что не для скотского удовольствия, не ради ублажения утробного, явились они сюда, а единственно для скромного поддержания тела во днях своих.

Андрей Ростиславич недовольно огляделся округ, отыскивая замешкавших сотоварищей, впрочем, те не заставили долго ждать. Без лишних слов, плотным рядком, группа суздальских пристроилась в хвост иноческой цепочки.

Согласно завету св. Пахомия (1) – родоначальника всякого монашеского устава, иноки благочинно входили в распахнутые дверцы трапезной. Как и положено – строем, плечо к плечу, неторопливо верша уставные «метания». Первый поклон у входа, – самый низкий, иконе Пречистой Девы Богоматери. Второй с отмашкой – сродственной братии, размещавшейся справа стороны. Третий – инокам, стоящим по левую руку. Также размеренно и неспешно проходили к столам, устроенным в виде длинной литеры «П». Располагались на закрепленных местах по раз и навсегда заведенному порядку, строго по старшинству и по заслугам своим.

Напротив входа, в глубине залы у поперечного стола степенно стояли, поджидая почетных гостей, настоятель и четыре главных иерарха обители. Нас опять любезно встретил келарь Поликарп, подвел к иноку, распорядителю омовением рук. Опосля сам обтер чистым полотенцем наши длани, опять же по древнему уставу, как дорогим гостям. Любезно пригласил Андрея Ростиславича к игуменскому столу, остальных и меня, в том числе, ласково усадил поблизости.

Все ждали Владимира Галицкого, оттого воцарилось некое тягостное замешательство, прерываемое лишь судорожным покашливанием престарелых иноков. Но вот, по трапезной внезапно пробежала искрометная волна, все напряглись, внимая торжественности момента.

И тут в залу стремительно ступил властелин Галицкий. За ним, наседая друг на дружку, неловко поспешали его царедворцы, разряженные по местной моде, в венгерские кунтуши.

Князь Владимир Ярославич оказался совсем не старым, лет тридцати пяти, довольно приятной наружности мужем. Его русые волосы и курчавившаяся стриженная борода лишь чуть тронуты сединой. Лоб и щеки прорезали вертикальные складки еще не глубоких морщин, придававших лицу князя горьковато-брезгливый оттенок. Я подумал: «Отметины былых страстей?», – так как был наслышан про неустроенную юность и бурную молодость сына Осмомысла. Князь, в отличие от своих выряженных вельмож, был одет по-домашнему, по-русски. Белая длиннополая рубаха с расшитым петушками оплечьем, оправленный серебром узкий пояс, зеленые сапожки с серебряными бляшками на голенищах. На голове красовалась маленькая шапчейка, отороченная куньим мехом, которую он малость помешкав, все же сдернул с головы. По одежде и не узнать, – отпрыск ли древа Рюрикова, или так, боярин невеликого достатка. Но по манере поведения, по властным жестам, орлиному взору, наконец, по всееляемому в людей трепету – пред нами стоял всамделишный князь.

Вся братия и гости склонились в поясном поклоне.

Встречал Владимира Ярославича сам настоятель Кирилл. Он омыл ему руки в специально заготовленной серебряной чаше и насухо вытер рушником, расшитым парчой. Князь и свита прошествовали к почетным местам во главу столов.

Установилось безмолвие. Настоятель, выдержав должную паузу, произвел условленный жест. И братия, вдохнув как можно больше воздуха в легкие, громогласно пропела величавую молитву.

Затем назначенный чтец, ранее неприметный, встав в углу у кивота, с разложенным на нем житием, спросил к игумену:

– Благослови, честной отче, прочесть житие в память святого отца нашего Златоустого Иоанна (2) Патриарха Константинопольского, светильника миру, учителя вселенского, столпа и утверждения Церкви православной и католической. Ибо нынче: ноября дня тринадцатого празднуется его память. (Экой я, грешник, совсем забыл, что сегодня светлый день памяти предстоятеля цареградского).

Игумен Кирилл торжественно ответил:

– Молитвами отцов святителей Василия Великого (3), Григория Богослова (4), Иоанна Златоустого, Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас!

И после заключительного «Аминь!», вновь иноки стоголосо пропели застольную молитву. Настоятель по заведенному правилу испросил у братии благословения на пищу. Иноки хором отвечали:

– Бог благословит!

Но вот дана команда «Принимайтесь!» Все стали усаживаться, стараясь сдерживать грохот скамей. Надвинули на лбы скуфейки и клобуки (у кого что), скрестили руки на коленях, потупили взоры.

Служки принялись шустро разносить пахучие чаши с едой. По древнему пустынному обычаю – одна чаша на четверых. В каждой четверке выборный старший, он первый зачерпывает варево, пробует – годится ли, солит на свой вкус. Остальная братия покорно выжидает, взяв в руки деревянные ложки, но не стучит ими, а держит аки свечу. По себе знаю, как текут слюнки в предвкушении трапезы. Наконец, можно хлебать! И все разом, сдержанно орудуя ложками, сосредоточенно, начинают двигать челюстями. При приеме пищи разговаривать нельзя, монах обязан внимать только читаемому житию.

И я вместе со всеми внимал чудесному повествованию. И душа моя ликовала уже с первоначала, стоило Иоанну посрамить своего злобного противника философа Анфимия.

Да вот те строки: «Когда Анфимий в споре с Иоанном стал произносить хульные слова на Господа нашего Иисуса Христа, то на него внезапно напал нечистый дух и стал его мучить. Анфимий упал на землю, корчась и извиваясь всем телом и широко раскрывая рот, из которого текла пена. Видя это, все окружающие ужаснулись, и многие от страха убежали».

И вспомнились мне недавно виденные муки припадочного Антипия. Но не решился я причислить его к стану богохульников, ибо заведомо то был больной иннок.

Но уже звучали покаянные слова Анфимия: «Исповедую, что ни на небе, ни на земле нет другого Бога, кроме Того, Которого исповедует Иоанн».

Чтец продолжал: «Когда он произносил сие, нечистый дух вышел из него, и Анфимий встал здоровым. Весь народ, видевший это чудо, взывал: – Велик Бог христианский! Он один творит чудеса!»

– Велик ты Господи! – подумал и я вслед услышанному.

Последовал удар трапезного колокола – грядет перемена блюда. Монахи кладут бережно ложки на столешницу, руки на колени, покорно ждут, пока служки произведут замену кушаний. Все размеренно, чинно, по уставу. И так продолжалось по всем переменам предложенных поварами угощений.

Но иннок на трапезе помимо вкушения еды, призван вкушать пищу духовную. И запали мне в сердце слова Иоанна, когда он подверженный гонению нечестивцев, на приказ царя Аркадия: «Удались из церкви!», – ответил: «Я получил церковь от Христа Спасителя моего и не могу оставить ее добровольно, если только не буду изгнан силой».

И подумалось мне: неужто безбожная сила выше церковной благодати? И с глубокой грустью выслушал я об оскорблениях, мучениях и скорбях святителя до самой его мученической смерти в день памяти Воздвижения Честного Креста Господня (5). Хочется мне лишь добавить, что ради праздника Воздвижения Церковь совершает память Иоанна Златоустого не в четырнадцатый день сентября, когда святитель представился, но в тринадцатый день ноября.

И погрузился я в печаль, ибо жалко мне было несчастного патриарха. Дело его светлое восторжествовало. Гонители его примерно наказаны. Но почто он выстрадал и перенес поболее их всех вместе взятых, – вот что несправедливо?

Однако погрешу против истины, утверждая, что мое внимание целиком было занято житием святителя Цареградского. Как не тщится человек казаться себе самодостаточным и независимым, что в общении с ровней сходит с рук, но в присутствии сильных мира сего проступает его подлинная рабская сущность. Так и я, оставаясь внешне степенным, на самом деле оказался по-холуйски любопытен и мелочен душонкой. Признаюсь откровенно, мой главный интерес на этой трапезе состоял в почтительном, и даже подобоострастном наблюдении за Галицким князем и его ближайшим окружением.

Владимир, в отличие от всех столовавшихся, ел совсем мало. Хотя следует заметить, что монастырские повара постарались на славу, что и понятно – игумену нельзя ударить лицом в грязь, потчuya владетельного гостя. Между тем князь, неловко стараясь соблюсти трапезное безмолвие, о чем-то вопрошал настоятеля, тот же, отвечая односложно, как будто оставался равнодушен к его интересу. Еще я обратил внимание, что Андрей Ростиславович с намеренно безучастным лицом, так и норовил склонить голову, прислушиваясь, в их сторону. В отличие от господина, княжья свита уплетала монастырское угощение за обе щеки, чрезмерно злоупотребляя венгерским, явно предпочитая его местной медовухе. Впрочем, Бог им судия.

Раздались три глухих удара колокола – трапеза завершена. Монахи разом встали, но еще не застыли недвижимо. Они наспех доглатывают непережеванные куски, по ходу запивая из квасных корчаг. Но вот все управились. Хором запеваются уставная молитва. Братия возносит благодарственные слова господу за пропитание и поможение в насыщении живота страждущих. Все низко кланяются, расслабив украдкой поясные ремни. По рядам проходят безусые послушники, собирают в кузовки «укрухи» – оставшиеся куски хлеба. Их надлежит раздать нищим. Да не оскудеет добродетель обители!

Также по порядку, строем, по двое иноки покидают трапезную залу. У выхода их уже поджидают повара, чумички и судомой. Кланяются каждому иноку, просят прощения, коль не так угостили и угодили. Особливо поджидают высокого гостя и настоятеля. Стоило тем поравняться с кашеварами, кухонные падают ниц. Меня оттеснили в сторону, так что не стану подробно описывать: как поварают насильно подымали, как игумен по-отечески благословлял каждого из них кроткими словами: «Бог простит!?» Скажу одно, настоятель Кирилл остался доволен сегодняшней трапезой. В противном случае, опять же по отеческому уставу, виновным следовала бы епитимья – наказание.

Обед удался на славу. Я не стал описывать множество перемен кушаний, обилие медов и узваров, не стал восхищаться поварским мастерством и изобретательностью отца келаря. Делаю так потому, что иной из читающих мою книгу возможно и не ел сегодня толком, зачем дразнить людей, ибо сытый голодному не товарищ.

Примечания:

1. Пахомий – святой Пахомий Синайский (292/94 – 346/48), основоположник общежительного монашества, написал «Правила» монастырской жизни.
2. Иоанн Златоустый – святой Иоанн Златоуст, патриарх Константинопольский (347—407)
3. Василий Великий – святой Василий Великий, архиепископ Кессарийский (330—379)

4. Григорий Богослов – святой Григорий Богослов, патриарх Константинопольский (320—389)
5. День памяти Воздвижения Честного Креста Господня – 14 сентября (по ст. ст.)

Глава У.

Где послушник Аким хвалит добродетельных иноков.

На выходе из трапезной, я лоб в лоб столкнулся с Акимом послушником, моим первым проводником в обители. Думаю, не ошибусь, но я и малый уже были на короткой ноге. Памятуя наставления боярина, мне пристало затеять познавательный разговор о всякой всячине, как-то:

Об устройстве бани монастырской, под предлогом – когда лучше помыться с дороги? Как оказалось, мыльни работали круглый день.

Далее, об обычаях на кухне и в трапезной. Можно ли, при необходимости взять нехитрый харч с собой в келью? Ибо я понимал, что при особом поручении, мне не всегда удастся столоваться с братией. Аким пообещал свести меня с чумичками, те все устроят.

Спросил я и о распорядке работы скриптория. Послушания продолжались двенадцать часов, не считая молитвенных бдений и перерывов на прием пищи. Книжные иноки, получив задание, в конце недели неизменно отчитывались в его выполнении. По воскресеньям урочная работа не была обязательной. Иноком разрешалось свободное чтение, или другие умственные занятия. Но всенепременно за воскресным досугом братии наблюдал библиотекарь или его помощник.

Все ли желающие имеют доступ в книгохранилище? Выяснилось, что на этот счет существуют неписанные правила. Вход в скрипторий заказан для людей недуховного звания, необходимо разрешение игумена. В библиотеку же, помимо ее служителей, вхожи лишь высшие чины обители, настолько заповедно сие место. Кроме того, черноризцам «на дом» книг не отпускают, считается, что чтение в келье сродни тайному блюду. Вообще, все, что связано с рукописным словом, совлечено в обители с каким-то мистическим трепетом. Как известно, издревле книги наделяют человеческими качествами, ибо, они есть извлечения людской мысли. В киновии же справедливо полагают, что неуместно иноку разделять ночь с другим человеком, пусть даже с его думами.

Можно ли беседовать в скриптории со строчащими письма компиляторами? В большинстве монастырей строго-настроено запрещено мешать переписчику в его трудах. Здесь же допускалось снисхождение, оказалось, умственные беседы вполне позволительны. При старом начальстве их даже поощряли. По рассказам старожилов, прежде в обители случались целые ученые диспуты, когда сторонники противных мнений часами отстаивали свои убеждения.

Будучи едва знаком с послушником, я вторично отметил про себя, что Акимий не по возрасту серьезен, как бы точнее выразиться, по-старчески рассудителен. Хотя срок его пребывания в обители не перевалил за год, он не только знал всех чернецов поименно, отличал их нравы, но и мог с уверенностью сказать, чем каждый из них дышит. Несомненно, у монашенка имелось пастырское дарование: видеть человека насквозь, разуметь его сущность, понимать поступки людей.

Вполне естественно наш разговор коснулся скрипторных сидельцев: переписчиков-компиляторов, художников-иллюминистов, рубрикаторов. Хотя послушник по своему званию и положению еще не приобщен к книжному труду, но он разбирался в том немало. Поразительная вещь, приставленный к коням, к черной работе, этот мальчик осознавал себя, по крайней мере, ровней пишущим инокам. Не унижая себя, он воздавал их трудам по достоинству, даже для начинающих переписчиков у него нашлось доброе слово. Улучив подходящий момент, стал я допытывать об Антипе припадочном.

Выяснилось, что Антипий страдал падучей совсем недавно. Причиной недуга послужила гнуснейшая казнь – порка кнутом, учиненная пьяными венграми. Полгода назад ожесточенные угры, рыская по окрестным весям, силой вошли в обитель и покусились на монастырскую

казну и церковную утварь. Настоятель решительно воспротивился, даже пожаловался полковнику. Тогда хорунжие венгерские в отместку взялись изгаляться над простыми чернецами. Антипа по нескладности и простоте душевной попал под горячую руку, монашка исполосовали вдоль и поперек, несчастного еле выходили. С того дня стоило кому прикрикнуть, или по-другому обидеть рубрикатора, Антипия начинали бить жестокие припадки. Его пытались лечить: прикладывали к чудотворным иконам, мощам, даже тайно водили к знахарям, но как-то не помогло. Сам инок и жалостливая братия смирились с уготованным испытанием, сердобольные чернецы старались не обижать убогого, но все же встречались и такие, кто не всегда окорачивал свою дурь.

Особенно «неравнодушным» был к бедняге покойный отец Захария. Впрочем, не точно сказано – он по-своему опекал, покровительствовал чернецу: избавлял болезного от работ, порой велел доставлять уроки и еду прямо в келью. Казалось, они чуть ли не сдружились. Но внезапно на Захарию находили приступы, беспричинного гнева. Он, при малейшей оплошности, прилюдно обсыпал несчастного эпилептика бранными словами, чуть ли не избивал. К подобным яростным взбучкам братия мало помалу стала относиться с пониманием, следуя известной поговорке: «Бьет, значит любит»

Странно, но после нагоняев Захарии инок почему-то в падучую не впадал? Со временем, все свыклись с их странными отношениями, и уже никто всерьез не обращал внимания на гневные выпады отца библиотекаря. Справедливости ради, нужно отметить, что Захария отличался вздорным и крутым нравом. Он и прочим скрипторным сидельцам не спускал малейших промахов: ругался редко, взыскивал не словом, а куда строже – морил чрезмерным трудом. Вот поэтому и не чттили в обители отца Захарию, отзывались о нем непочтительно, с нелюбовью, а иные, так даже боялись его.

Иллюминист (1) Антипий нуждался в жалости, как всякое малое, беззащитное животное. Но в то же время, никто не сблизился с ним, возможно брезговали его немочью, или просто, не воспринимали всерьез. Хотя совершенно напрасно, миниатюрист он был превосходный, даже из других княжеств получал заказы. Однако, как на Руси повелось, успехи в делах, никогда не были поводом для бескорыстной дружбы. Ибо свалившаяся на голову удача, талант ли, еще какая добродетель вовсе не козырь в людских отношениях, но скорее предлог зависти, а значит затаенной ненависти. В подобной обстановке, дабы не настроить против себя ближних, следуют казаться хуже, чем есть на самом деле. Тут главное быть ровней, парнем рубахой, на худой конец, казаться приятным человеком. Но хворый и замкнутый монашек не имел таких качеств, хотя и выглядел забитым и униженным. Жалеть – жалели, хвалить – хвалили, но приятельства с ним никто не водил.

Вчера, когда ему довелось обнаружить убитого Захарию, все ждали от Антипы, по крайней мере, очередного припадка. Бог миловал, рубрикатор лишь еще больше ушел в себя. Сегодняшняя его беспричинная немочь огорошила братию, однако, пойдя, разберись в чужой хвори, а уж в чувствах и подавно. То материя еще более тонкая.

Разговор наш грозил впасть в суемудрие. Рассуждения о нравственной стороне человеческих отношений, всегда порождают мысли о собственном несовершенстве. Я немного отвлекся, задумался о личном, наболевшем.

Но тут Аким взялся рассказывать о какой-то крохотной псалтыри, чудесно оформленной Антипием. Красочную книжицу за ее диковинность оправили в подарок митрополиту Никифору в Киев, и тот весьма был доволен. Звезда рубрикатора стремительно возносилась, посыпались заказы, одни другого дороже. Антипий же, вместо того, чтобы зазнаться, еще более приуныл.

Но дума о собственном прерванном поприще, произвела во мне остуду к припадочному рисовальщику. Его судьба и успехи перестали меня интересовать. Прервав, не выслушав

до конца, излишня послушника, я задал несдержанный вопрос: «Помимо Антипия, с кем еще вращался Захария библиотекарь?»

Но теперь Аким не слушал меня. Приняв отрешенный вид, кивком головы он указал на проходивших поодаль двух чернявых иноков, говоривших, как мне показалось, с заметным восточным акцентом, по виду, не то греков, не то сирийцев. Черноризцы-южане попеременно бросали на нас косые взоры. Я смекнул: они заподозрили во мне новичка. Удивлял недобрый, с хищным прищуром, темный взгляд этих иноков. Избавь Бог повстречаться с ними в темном переулке. Иной, даже напялив иноческую хламиду, остается разбойником в душе, бывает и на деле тоже.

Послушник, потянув меня за собой, вполголоса охарактеризовал незнакомцев:

– Люди, себе на уме: шастают, суют во все нос, вынюхивают что-то, аки тати полнощные. Братия поинтересовалась, – кто такие? Те лукаво ушли от ответа, мол пилигримы божьи. Свели их к келарю. Показали они грамотку малую, якобы идут из Полоцка в Галич. Ну, Поликарп-то и отпустил их с благословением. Да только нечисто обстоит с теми путниками. Услышал один из братии позвякивание каленого железа из-под одежды странников, должно клинки у них запрятаны. От греха, не стали с ними больше связываться. А может статья, то вовсе и не лихие люди? У всякого свой промысел. Калики перехожие ни с кем не задираются, не перечат, ведут себя смиренно, ничего плохого, явно нехорошего, воровского за ними не замечали. Да и то, как сказать? Внешность-то порой бывает обманчива, не зря кажут: «Ласковая лиса – всех кур перетаскала, а злой кобель хозяина от волка отбил». Так и люди, – благодный вид, еще не означает добрую душу. (Какой же ты разумный малец Акимий, прямо отец духовник).

Я поглядел в спину таинственным монахам. Они неспешно, мирно беседуя, удалялись в сторону братского корпуса. Иноки как иноки. Впрочем, много темной братии пробавляется по монастырям и церквам, ко всякому в душу не влезешь, поди узнай, что у каждого на уме? Ведь невзначай можно и обидеть доброго человека, а уж злыдень, тот завсегда утаит свою нужду. Но почему-то в мое сердце холодной змеей вползала тревога.

Когда черноризцы скрылись за углом, я повторил вопрос о приятелях Захарии. По всей видимости, Аким не заподозрил подвоха в том интересе, но сбитый с панталыка смуглыми каликами, отвечал невпопад, с запинкой:

– Да, еще травщик (1), отец Савелий ходил к Захарии. Зело ученый инок! Он отменный лекарь, пользует всю братию, лучшего врачевателя не сыскать! – малый чуток разговорился. – Савелий хорошо известен за пределами обители. Он ученый ботаник, знаток растений и трав. Стоит повидать собранные им гербарии, чего только там нет? Я ведь и не думал, что растительность Карпат отличается столь великим изобилием. Ну, полста, ну сто цветов и былинки, куда еще ни шло, – но их тысячи! Одним словом, огромный труд проделал травщик, не один десяток лет собирая травянистое чудо. Замечательный и чудный человек!

Привлекало еще одно качество послушника – он ни о ком не говорил плохо.

Мне пришлось деланно умилиться обителю, столь богатой разнообразными талантами. Хотя, нет большей ошибки, чем судить о человеке по чужим словам. Как говорится: «На вкус и цвет – товарища нет!» Каждый имеет собственное представление, и нет двух людей видящих мир одинаково.

Довольный моими похвалами, Аким вспомнил еще одного дельного инок – дружку Захарии:

– Еще Афанасий живописец, он давно вхож к библиотекарю. Они ровесники, и как мне кажется, родом из одних мест. Афанасий необычайно успешный человек: повидал белый свет, зело преуспел во всяческих художествах! – последнюю фразу послушник изрек как-то двусмысленно. Видимо тому была причина. Но Аким не успел досказать про изографа, сконфузился и покраснел. – Да, вот и он, сам идет к нам, легок на помине. Ну, я пойду отче, Бог даст, еще свидимся.

Примечания:

1. Иллюминист – художник-миниатюрист, рубрикатор
2. Травщик – врач, лекарь

Глава VI

В которой Василий знакомится с изографом Афанасием и тот рассказывает о приработке иноков через Захарию.

Я не стал удерживать послушника, и он опрометью рванул по своим делам. Мой взор обратился на высокого инока, лет сорока, с жиденькой щипаной бородкой и обильной проседью в патлатых сальных волосах. Подойдя ближе, черноризец, будто мы давние знакомцы, душевно пожелал мне здравия, рекомендуясь, назваля Афанасием, означил собственный промысел – писание ликов святых.

Надо заметить, в обители подвизалось богомазов, хоть отбавляй. Мастерская же их, называемая «малярней», находилась в рубленной избе, по ходу от церкви, ближе к северным воротам. Окна малярни, призванные наполнять ее дневным светом, выходили на монастырское кладбище и узкий проход к мрачной башне, вход размещался напротив скриптория.

Афанасий возвращался из мастерской, нам было по пути. Первым делом, выказал он признательность моей расторопности, благодаря ей припадочный Антипий отделался легким испугом. Потом, вовсе ненавязчиво пропел оду отцу настоятелю, который умелым попечительством обратил обитель во вторые Афины. Якобы всяческие искусства и мудрость книжная, благодаря его трудам, расцвели пышным цветом. Должно художник относился, как и Акимий, к далеко не редкой породе людей, восхваляющих ближних. Что за диковинная обитель? Все только и делают, что превозносят окружающих, и в тоже время тут водятся убийцы.

Я саркастически переспросил, мол, а раньше монастырь, выходит, прозябал?

Афанасий заверил, что и прежде обитель, отличалась трудолюбием и талантами своих иноков. И взялся воодушевленно рассказывать об ее питомцах. Никогда прежде я не слышал о старце Паисии, украшателе славных храмов Галичины и Волыни. Мой спутник, восхваляя того богомаза, невольно приоткрыл для меня мир живописцев. Грешным делом, я прежде недооценивал русских изографов. Я думал, что они еще не вышли из ученичества и поскольку лишены культурных корней, подражают греческим мастерам, редкий способен сотворить что-то стоящее, самобытное. Но самое главное, у нас на Руси некому оценить их искусство, ибо все познается в сравнении. А насколько я знал, ни один народ в мире не отличается столь замшелым домоседством как наш. Впрочем, тому есть вящая причина – чудовищно огромные расстояния.

И вот теперь, снизошло на меня приятное удивление. Не ожидал я обнаружить вдали от мест, где сам воздух наполнен музыкой и поэзией, где ваения и живопись составляют неотъемлемую часть уличного пейзажа, искреннее поклонение искусству. Возник во мне трепет сродни тому, как посреди дремучей лесной чащобы случайно встретишь белокаменный храм.

Впрочем, я преувеличиваю от избытка чувств. И теперь, и раньше, и всегда – была у русского народа тяга к прекрасному. И уж коль сами не умели сотворить рукотворное чудо, то не жалели средств, дабы заполучить его. Имея пример, образец – сотворяли по его подобию новые, я не скажу лучшие вещи, но и не хуже. Переимчивости нам не занимать, ученики мы прилежные. Постепенно наполняется Русь рукодельной лепотой. Стройны и величавы храмы православные, фрески и доски красочные украшают их, колокола литые переливчатым звоном возглашают добродетель. Отошел в прошлое грубый и скудный славянский быт. Посуда всяческая чеканная, украшения златокованные, яхонтами изукрашенные, паволоки узорчатые наполнили жилища – тешат глаз и душу русичей, живи и радуйся! Но я отвлекся.

Радужный Афанасий обещал показать роспись местной церковки, выполненную Паисием. Я был не прочь поглазеть, да не ко времени – покойник лежал во храме.

Узнал я и о других «восприемниках» апостола Луки, малюющих во славу киновии, именитых по весям Западной Руси и Венгрии.

Выказанный мною непритворный интерес к живописи, не мог остаться без подпитки, необходимо видеть сами художества. Сухие речи, становятся скучны. Вот и я, исчерпав запас воображения, перевел разговор на тему книжного радения обители.

Афанасий и тут зело преуспел в познаниях. Но я уже устал от отвлеченного умствования и подвел беседу к недавним дням, к отцу Захарии.

Оказалось, Захария – таки истинный подвижник и бескорыстный ревнитель мудрости книжной. Изограф искренне сожалел, что господь не привел расцвести во всю мощь талантам усопшего, великий столп явился бы миру!

Повторюсь, Афанасий по натуре неисправимый льстец, хотя зачем так раболепствовать покойнику?

Меня заинтриговала нравственная сторона личности библиотекаря. Прикинувшись недалеким простаком, я попросил поведать о жизненных стремлениях инока. Не раскусив моего подвоха, Афанасий взялся вспоминать... И, чего я и желал, – незатейливый рассказчик ненароком проговорился. Как говорится – начал во здравие, а кончил за упокой...

Отец Захария, будучи помощником библиотекаря, отличаясь расторопностью и деловой хваткой, ведал внешними связями библиотеки. Кроме того, по старой памяти (прежде состоял при казначее), он заключал сделки на рукоделие скрипторное: переписку книг и старых пергаментов, копирование миниатюр и прочее украшение книжное. Несомненно, то нужное занятие приносило монастырю не малую выгоду. Поначалу молодой сдельщик не обходил и простых трудяг-инок, чернецы те же люди. Не секрет, им тоже потребна денежка на личные расходы. Скажем – покушать сладенького, выпить браги, белишко какое прикупить, обувку потеплей справить. А откуда взять-то? Вот, радетель Захария и пристраивал тихонько заказы, малость, обделяя казну.

Братия помалкивала. Нет ничего дурного, коль меж делом, из любви к искусству, распишешь разжившемуся купчине киноварью Псалтирь, или цветисто изукрасишь липовую досточку, представив страсти господни. И тебе не в праздность, и людям в радость! Иноки разумели, что Захария вершит сие отнюдь не бескорыстно. Однако братия не роптала – как никак он помогал выручить копейку.

Афанасий не утаил, что помощник библиотекаря и его наделял выгодной работенкой. Изографу на удивление удавались святые лики, спрос в Галиче на них никогда не падал.

Уж как-то так случилось, что, будучи еще совсем молодыми, они сдружились, причем Захария относился к Афанасию с некоторым почтением. К тому времени художник успел повидать мир, вкусить его горечь и мед.

Долгими зимними вечерами, устроившись где-нибудь в потаенном уголке скриптория, они предавались заветным мечтам. Изограф жаждал стать великим живописцем, превзойти славой всех известных ему мастеров. Воображал, что рано или поздно он станет расписывать фресками храмы Царьграда и Салуни (1), именитые соборы Рима, Милана, Аахена. А, что до Киева, так туда рукой подать, – в Киев пригласят, чуть ли не завтра!

Помощник же библиотекаря вождедел заделаться, грешно и молвить, владыкой церковным, архиереем в одном из русских уделов. Разумеется, он чудесно понимал – достичь кафедры, ой, как не просто. Прежде следует стать библиотекарем, затем игуменом, потом духовником князя, его советчиком. Или в противном случае, добиться признательности у митрополита, а то и у самого патриарха. Захария примеривал на себя ризы Мефодия и Кирилла – учителей словенских. Он мечтал содеяться епископом-просветителем, миссионером, крестителем языческих народов. Нести свет христианства литовцам, ятвягам, пруссам, окажись он на Волыни или в Смоленске. Крестить карелу и чудь, обретаясь в Новгороде. Обращать в православие болгар, черемисов, мерю, будучи в Ростове. Великое множество неокрещенных племен

обитает округ матушки Руси, заслан тем народам свет истины несомый евангелием, ибо нет у них даже еще и грамоты письменной. О великом подвиге алкал инок Захария!

Нет ничего искренней, но в тоже время наивней и бесполезней юношеских грез. Любой, мало-мальски самолюбивый человек, переболел в молодости воображаемым почетом и восторгом у соплеменников, мня себя кем-то великим. Да только жизнь расставляет все по своим местам. Где вы непобедимые полководцы, где вы властители народных дум, где вы царственные небожители? Единицы становятся цезарями! Удел остальных мечтателей прозябать в неизвестности, влачить вериги бедности и зависти. А ведь немало из них Бог наделил талантами, многим прочили славную будущность, громкие дела ожидали их. Но не получилось. Чья в том вина? На исходе восьмого десятка, когда юлить и изворачиваться совсем не пристало, отвечаю: «Каждый сам виноват в собственных неудачах. Но и себя не надо винить».

Захария, не покладая рук, стремился достичь поставленной цели. Но можно ли то вменить ему в заслугу? Прискорбно, но он менялся в худшую сторону. Афанасий, уже по самому роду занятий, призванный иметь острый глаз, наблюдал перемены, происходящие в душе Захарии. Тот становился язвительней и жестче. Начальствующих порицал, без особой на то причины, подчиненных презирал, без всякого на то повода. С ним стало трудно общаться. Во всем и везде он считал себя правым. Мнение других, если оно не совпадало с собственным, высмеивал. Зачастую выставял людей дураками, что ему вполне удавалось, ибо делался все более и более начитанным, а потом и сам стал библиотекарем.

И тут я заметил, что богомаз Афанасий не столь добродушен и прост. Не стоило особого труда понять, что приятели соперничали между собой. Не желая уступить собрату, они впадали во вражду. Вот слова подтверждения тому:

– Я пытался повлиять на Захарию, исправить его нрав к лучшему, но безуспешно. Став по прихоти настоятеля библиотекарем, он возгордился даже со мной, – богомаз тяжело вздохнул. – Хотя, если честно сказать, его познания не столь универсальны, Захарии далеко до отцов Аполлинария, Феофила, Даниила (опять я слышу имена незнакомых мне старцев, произносимых с восхищением). Ему и простых компиляторов рано наставлять, а куда уж поучать заслуженных изыскателей, старцев пришедших с Афона.

Удивительно мне наблюдать, как человек, недавно превозносивший приятеля, уже порицал его. Поэтому я, набравшись наглости, напрямую, без экивоков, спросил у богомаза:

– А тебя-то он, в чем обошел, или как? Какая собака меж вас пробежала?

– Считай, что обидел, – шмыгнув носом изограф. – Поклеп на меня стал возводить, – умолчав суть, добавил. – И все за мое доброе к нему отношение, я не хотел ему зла, просто намекнул, что не стоит заноситься. А он всерьез замыслил на своего покровителя авву Кирилла. Какой чудовищный гонор! Захария возомнил себя превыше всех, считал, ему все дозволено, уверовал в собственную непогрешимость, думал, ему можно ломать судьбы людей. А сломал только собственную... – Афанасий удрученно замолчал, вдруг спохватился и назидательно заключил. – Фортуна наказывает неблагодарных, судьба не любит чужедов!

Я посмотрел в глаза художнику, тот не отвел взора, но в нем сквозила горечь и безысходная тоска.

Примечание:

1. Салунь – город Фессалоники в современной Греции.

Глава VIII

Где говорится о некоторых воззрениях боярина Андрея.

Внезапно меня окликнул Андрей Ростиславич, он шел со стороны игуменских палат. Наскоро простившись с художником, я заспешил к боярину. По пути в странноприимный дом, я выложил ему откровения Акима и Афанасия богомаза, назвав насельников своими приятелями. Андрей Ростиславич внимательно выслушал, но собственного мнения не выказал.

И лишь затворив келью, отметив мою сметливость, он разоткровенничался:

– Отче, хочу поведать о вещах, давно искушавших меня. Еще, будучи княжым мечником, задумал я разобраться в природе людского лиха.

Пришлось повозиться, – суммировать злодеяния по их основным свойствам. Раскласть как бы по полочкам. На одной, – по мере нанесенного ущерба или причиненных увечий, то есть по тяжести содеянного. На других, – по побудительной причине, по способу исполнения преступного умысла, затем, – по обстоятельствам, смягчающим или отягчающим возмездие. Откроюсь лишь тебе, я изложил свою задумку на письме, получилось дельное руководство для судейских тиунов. Обязательно прочти мои цидулки...

Тут удар колокола смутил мысли боярина, и вместо того, чтобы вещать нравоучения, он рассказал одну занятную историю. Поведаю ее, как запомнил.

Дело было при Андрее Юрьевиче (1), которого прозывают теперь Боголюбивым. Наш боярин только приступил к своему нелегкому поприщу. Но князь уже отличал тезку, во многом доверял и даже покровительствовал.

В одном из селищ Кучковичей (2), творилось неладное. Княжья родня почему-то устранилась от сыска, жалобы же шли не прекращаясь.

Уже второй год в окрестных лесах орудовал вурдалак. Пропадали молодые девки, а то и бабы, их потом находили в чащобе обесчещенными со вспоротыми от паха животами. Поначалу думали на своих, но кто из затюканных смердов горазд на такой ужас? Грешили на лихих ушкуйников (3), да князь Андрей давно перевел разбойников в своих уделах. Поначалу люди опасались ходить в лес, а потом и вовсе бросили это занятие.

Поползли слухи о всякой чертовщине. Самые темные людишки шептались о злобном лешем, дети и молодки присовокупляли к его проискам грязную сводницу нежитей – бабу-ягу. Мол, они на пару с лесовиком, или еще каким оборотнем, заманивают в дебри молодок, а опосля надругаются с ними. Бывалые люди вспомнили давние происки заволжских волхвов. Противоборствуя христианской церкви в голодные годы, языческие жрецы вспарывали женщинам животы, набивали чрево зерном – якобы эти ведьмы виновницы неурожая. Ведуны с ними борются, а церковь бездействует.

Говорили всякое... Даже решили миром ублажать нечисть. Собравшись ватагой самые смелые мужики не раз отправлялись в лес с жертвенным козленком, а то и с жирной свиньей. До толку мало, находили потом одни косточки, верно волки постарались. Нашлись умники, – предложили «подсадную утку», мол, снарядить в лес девку побойчее, ну и приставить ей охрану. Не получилось, – не нашлось смельчаков.

А, что тиуны и староста, спросите? Верхушка та сама в штаны наложила, дочерей и женок держали за семью замками, запаршивели те совсем без воздуха. Боярам же Кучковичам дела до холопских страхов нет, говорят ходатаям – врите, сами виноваты, нечего в лесах по ночам шастать, и весь ответ.

Народ потом стал грешить на местного дурачка, застали того за скотоложством, овцу пользовал, ну и прибили насмерть прилюдно. Только вздохнули, думали точно – он. Да следом еще две девки пропали: одна с огорода, другая по воду ходила – дура.

Ужас сковал селище, да бежать-то некуда... Тут терпенье смердов лопнуло – послали самых разумных к князю. Могла опять получиться незадача. Ходоки притопали поначалу в становище Кучковичей, те их гнать взашей со двора, собак спустили... Да ехал мимо Андрей Ростиславич, поинтересовался, что за шум и гам. Селяне ему открылись.

Кучковичи еще тогда в не особой силе были. Доложил боярин князю. Тот Кучковичей вызвал, а те отнекиваются, якобы, – брехня. Андрей Юрьевич разумел по-своему. Велел Ростиславичу вести сыск – сам, мол, подвернулся, да и не гоже страдать православному люду. Сродственники губы надули, но перечить княжьей воле не смогли. Обозлились на Андрея Ростиславича, обзывали доносчиком, но драться не стали, видели – ценил повелитель боярина очень.

С тех пор и повелась у Андрея Ростиславича лютая вражда с кучковичьим охвостьем, да и с князем, ни с того, ни с чего разошлись пути-дорожки. Замечу только, что боярин принимал участие в Михайловом розыске (4) по злодеянию Кучковичей над Андреем Боголюбским – вот тогда и повалялись изверги у него в ножках.

Прибыв на место, Андрей Ростиславич не стал проявлять показную ретивость. С сотоварищами, взяв толкового провожатого, он тихонечко объехал прилегающие доли и окрестности. Особо изучил урочища, по которым нашли тела девушек. Со стороны могло показаться, что молодой боярин не радеет порученному делу, так шастает в свое удовольствие с копьем по лесам, охотится на зверье и птицу. Кучковичевы соглядатаи поначалу насторожились, а потом махнули рукой, – так..., балбес еще зеленый... А боярину того и надо.

Очухались они, когда Андрей Ростиславич стал вызывать смердов на допрос, да не по одному в день, а чредой – друг за дружкой. Говорил даже с девками, – об ухажорах. Можно сказать, через неделю он знал все и вся в селище, лучше любого местного тиуна или старосты.

И вот какую картину он составил для себя.

Замучено было семь девок: две молодайки мужнины, четыре девицы на выданье и одна девочка, еще совсем ребенок. От старух, обмывавших покойниц, он узнал, что насильник ко всему еще и содомировал их. Животы девушек были взрезаны от самого лобка, просто распороты и более ничего. Естественно, тела мучениц были в ссадинах и кровоподтеках, как и подобает при пошибании (5), у одной сломана рука, у девочки разорван рот. На титьках жертв имелись следы укусов, явно не звериных. По всему следовало – орудовал человек, а никакой не оборотень или чудище. Да и естество у него было не великое. Значит человек – кто?

По времени – две убиты в прошлом году, остальные с девочкой в этом. Тела обнаружены, по сути, рядышком, в пределах одной версты. Привозили на коне. Определенно местные – больше не кому.

Осталось вызнать про следы подков? Ведь кто-то приметил тот след, не мог не приметить, живя в лесах нельзя не быть следопытом?

До поры боярин помалкивал о своей догадке, но пришел черед и ей. В одночасье он призвал самых опытных лесовиков. Поодиночке разговорил их. Они клюнули. Указали на бывшего господского конюха. Тот было взялся изворачиваться, пришлось припугнуть пыткой. Сознался подлец, таил про себя, – боялся убьют, но дыба страшней.

Впрочем, и сам Андрей Ростиславович уже понял, кто тот страшный убийца:

– Кучонок (6)?

– Он сука! – выдохнул посеревший конюх.

– Поедешь со мной, немедля, – приказал боярин. Он знал, – такому свидетелю не быть живу. Бояре Кучковичи родня князю по второй жене Улите (6). Замешанный в смерти их отца Степана Ивановича, князь Андрей всячески привечает и угождает им. Связываться с этим зловредным племенем не с руки князьему мечнику, а уж куда там какому-то смерду?

Выслушав доклад Ростиславича, князь Андрей не подал виду, что обескуражен. Обещал вскорости разобраться.

Боярин уже не верил князю. Пошел к епископу и рассказал все тому. Поведал владыке всю подноготную кучкова отпрыска: и бешеные загулы выроodka, и замятые братьями пошибания молодаяк, и иные извращения, хорошо известные горожанам.

Дело стало принимать нешуточный оборот. Улита-жена, Яким Кучка с родней за братца Кучонка горой: подумаешь там, какие-то следы копыт, конюх мог и напутать. Тут, как назло, и холоп пропал (может и убили)!?

Вызвал князь Андрея Ростиславича, в глаза не смотрит, говорит: «Кучонок не виновен, хлебом мне в том поклялся!»

Да не таков был Андрей Ростиславич – не утерся рукавом! Раздобыл-таки новые свидетельства. Все по дня, по часам рассчитал. Уйму народа опросил, не поленился людям очные ставки делать – вот у него все и сошлось.

Кучковичи – бандитское отродье, подговаривали лихих людей зарезать боярина, да у того все было схвачено в Боголюбово и Владимире, сами наемники доносили, боялись сесть на кол.

Два дня докладывал боярин Андрей князю о своем розыске – убедил все-таки князя! Андрею Боголюбимому деваться некуда – приказал казнить ката, дабы другим, какого роду племени ни будь – неповадно было.

Буквально запомнил я слова Андрея Ростиславича о необходимости смертной казни для насильников и изуверов: «Когда те мерзавцы изобличены – нет более покладистых и раскаянных, но то хитрая уловка. Иные добренькие из клириков оправдывают их гнусность помутнением рассудка, мол, человек не ведал что творил, пожалейте несчастного – в него вселился дьявол. Бред сивой кобылы! Сих негодяев щадить нельзя. Они неисправимы в своем ужасающем пороке, они не достойны жизни, они зачаты в аду и их место заведомо там!»

Строг и справедлив был боярин!

О многом переговорил мы в этот вечер с Андреем Ростиславичем, в завершении нашей беседы он сказал:

– Страсти людские неисповедимы и плодятся будто тля, не исчерпать изобилия людских желаний, пороков и путей их удовлетворения, оттого и множатся поползновения на жизнь человеческую, на сокровенный дар господень.

Но ты, Василий, знай, отчаиваться никогда не следует, коль клубок преступных замыслов возник у человека, то человеку же и надлежит его распутать. Ибо мозги у людей устроены одинаково: одному нечто пришло в голову, отчего же другому не помыслить о том же.

Поставь себя на место предполагаемого злоумышленника и несчастной жертвы. Раскрывать нужно с двух сторон. Уясни, чем они жили, в каких обстоятельствах, в каком окружении? Какие соблазны их окружали? В чем были ущемлены, в чем обижены, в чем сильны, в чем слабы? Что, наконец, связывало и разделяло их? Наш ум способен проникать во внутренний мир другой личности. То касаясь и палача, и казненного им.

Нужно лишь четко уяснить причину содеянного? Наступит миг, когда разом сойдутся и кат, и его жертва. И придет просветление – явится истина! И вот тогда, не робей, вяжи убийц тепленькими! Теперь уж злодею никуда не деться! – выдав на едином духу свою науку, Андрей Ростиславич в изнеможении плюхнулся на лежанку.

Должно долго вынашивались те думы, а теперь, выплеснув их наружу, опростался боярин духовно и телесно. Мне показалось, что он задремал. Я потихоньку поднялся, намеряясь уйти восвояси. Но хитрец боярин опередил меня:

– Знаешь, что Василий? Не пойти ли нам по горячему следу? Не наведаться ли немедля к болящему рубриктору? Как там его, Антипию, что ли?

Я согласно кивнул.

– Ну, коли так, мешкать нечего! – Андрей Ростиславич резво соскочил с лавки.

Примечания:

1. Андрей Юрьевич – Андрей Боголюбский – Андрей Юрьевич Суздальский (1111—1174) – кн. Вышеградский, Турово-Пинский, Дорогобужский, вел. кн. Киевский, вел. кн. Владимирский (1157—1174).

2. Кучковичи – семейство боярина Степана Ивановича Кучки – тестя А.Б по второй жене. Его сын боярин Яким Кучков, мстя за казнь брата, организовал со своим шурином Петром убийство А.Б. в ночь 29—30 июня. 1174 г., казнены (1975).

3. Михайловом розыске – Михаил Юрьевич (1145 (53) – 1176) – кн. Киевский, Переяславский и Торчешский, вел. Кн. Владимирский (1174—1176), расследовал убийство брата Андрея Боголюбского и казнил его убийц (1175).

4. Ушкуйник (уст.) – разбойник.

5. Пошибание (уст.) – изнасилование.

6. Кучонок – один из младших сыновей С. Кучки, казнен А.Б. за злодеяние —формальный повод заговора Кучковичей.

7. Улита-жена – Улита Степановна, дочь боярина Степана Кучки, вторая жена А.Б. (с 1148), участница заговора и убийства князя, казнена (29.06.1175)

Глава VIII

В которой инок Антипий признается в краже, очерняет Захарию и доносит на богомилов.

Братский корпус был неподалеку. Нашли мы Антипия закутанного в ветхое одеяльце, прикорнувшего на лавке. В тесной келье было зябко, да и каморку давно не проветривали. Как у всякого больного стоял затхлый запах целебных трав и мочи. Огонек лампадки, коптя, мерцал в полутьме, отбрасывая мертвенные полутени на лицо страдальца. Присмотревшись, рубрикатор слабо застонал, метнулся, пытаясь оторвать тело от ложа. Андрей Ростиславич упредил его попытку подняться. Справились о самочувствии. Монах крепился изо всех сил. Посетовав на божий промысел, боярин без обиняков, прямо спросил о покойном библиотекаре.

Чернец сообщил нам, что нашел Захарию лежащим на правом боку, с поджатыми к животу ногами и левой рукой вытянутой к двери. Крови было совсем ничего. Антипий попытался привести инока в чувства, но было уже поздно. Орудия душегубства подле тела он не обнаружил. В келье стоял несусветный хаос. Ящики ларя и поставца выдвинуты настежь. Книжки, обычно лежащие стопками на полке и столешнице, в беспорядке разбросаны по всему жилью, такая же участь постигла и многочисленные рукописи. Антипий, разумеется, не вникал – все ли на месте, понятно, не до того ему было. Уяснив тщетность усилий оживить убиенного, он во весь дух устремился к братии.

На каверзный вопрос боярина: «А где Захария хранил деньги?» – монах резко встрепенулся, потом обессилено распростерся на постели, на его челе выступил пот. Чернец начал отнекиваться, якобы ничего не ведает. Андрей Ростиславич стал наседать. Выложил припадочному, что знает о приработке монахов чрез посредничество отца библиотекаря. Антипий зримо обеспокоился, заерзал по одру. Боярин намекнул тогда с угрозой, якобы от розыска негоже скрывать значимые обстоятельства, выйдет себе дороже! Монах продолжил упорствовать, но стало понятно – инок лукавит. Вот тут его и подцепили, как безмозглого малька. Боярин, понарошку, негодуяще изрек:

– Антипа, грех на душу берешь! Ведь ты умыкнул, нечестивец, казну отца Захарии? Сказывай немедля – где денежки!

От столь резких слов что-то сломалось в душе Антипия. Монах слезливо залепетал, пытаясь разжалобить нас. Якобы нечистый попутал, позарился он на то серебро по дурости. Но, будучи христианином, все же не смог превозмочь «ужас» греха. Вчера покаялся он исповеднику Парфению, тот вечером заходил проведать его. Рассказал со всеми подробностями о своем падении и отдал старцу умыкнутое добро. Парфений же деньги принял, но приказал Антипию молчать о содеянном. Ограничился лишь легкой епитимьей, должно, взяв в расчет болезненное состояние черноризца.

– Много было сребреников? – спросил с ехидцей Андрей Ростиславич.

Монах зарыдал в голос, перемежая речь сопливыми всхлипами, пояснил сердешный:

– Ох, много! Должно гривен пять-шесть? А может и поболее!? Я страшился к ним прикасаться. Жгли оне руки мои огнем адским! Не чаял я, как от них избавиться. Благо Господь милость проявил, дозволил покаяться, снял с сердца мерзкий груз. Но душа все равно скорбит. Одно лишь утешает, что попали деньги в благие руки, не достались отребью монастырскому, не пойдут на разгул в вертеп окаянный.

– Погодь, дружок, малость! О каком таком вертепе ты сказываешь?

– Да, я так, к словцу, – Антипий стусевался, уяснив, что сбрыхнул лишнего.

– Ты уж, милоч, договаривай, сказывай все как на духу! Какие тут у вас непотребства творятся? Повествувай обо всем!

– Многие иноки zelo Бахуса почитают. Каждый медяк норовят спровадить в корчму. Бывает, так упиваются, что притаскивают их волоком, замертво. Но епитимьи строгие им в науку не идут, прежний игумен даже порол отчаянных выпивох, только все напрасно. Впавшие в порок пианства уже ни о чем не помышляют, токмо об опохмеле. Похмелье же подвигает их к очередному упивству, и так до скончания дней.

– Ясно! Не зря Владимир-князь говаривал, что веселие русской души в пьянстве состоит. Из веку так у нас! Ну, а касательно плотских утех, наверняка куролесят черноризцы?

– Не без того, шалют некоторые иноки. Полуденный бес – он силен zelo! Особливо по молодости, – редкий отважится ему противостоят. Блудят бесовы дети, грешат, как не грешить, распутничают! Рыскают по окрестным селищам, липнут к волочайками веселым, женкам порочным. Оно, конечно, в большинстве за деньги любовь покупают, бедной селянке каждый медяк в радость, особливо зимой. Пойди, попробуй, прокормись? Но случается, возникает и взаимная любовь. Бывает, встречаются среди Евиных дочерей во истину писанные красавицы, – никакой мужик не устоит. Что есть еще больший грех для инока, отринувшего себя от всяческих мирских соблазнов? А тут, сами понимаете, уже не похоть главенствует, а страсть. Похоть преходяща, страсть же надолго поработает человека, делает полной тряпкой, уж и не волен он в себе тогда.

– Ты, видать, Антипа, дока в сердешных делах, ишь как сладко сказываешь? Должно сам к селянкам бегал?

– Избавил бог, от этакой напасти. Я как постриг принял, сокрушил в себе плотскую юдоль. Да еще и болезни меня вовсе иссушили. Куда мне, да и греха я страшусь, ... очень.

– А имеются, значит, черноризцы, что намеренно погрязли в греховности любострастной?

– Всяких полно! У нас, как везде – всякой твари по паре. Есть и особливые поклонники свального греха, предпочитающие разом вдвоем, втроем иметь одну женку. И ведь находятся такие мерзавки? Одна частенько тут шастает, Марфой звать, а кличут ее наши – Магдалиной. Нехорошо конечно имя святой припутывать, но из песни слов не выкинуть. Вот уж сосуд разврата, не баба, а адские врата, сказывают, она и до девок охоча. Прости господи, о каких я непристойностях с вами говорю, лучше уж смолкну. Всякое у нас есть, оно и везде так...

– А к содомии есть склонные?

– И в этом говне найдутся охотники искупаться. Есть парочка милых дружков. Да еще один «бобыль» проклятый, замышляет на послушников. Да только никто ему тут воли не даст. По мне, набить на него колодки, да и спровадить, куда Макар телят не гонял. По делом ему было бы, нехристю! Скажу честно, сей грех пакостный у нас весьма омерзительным признается. Слышал я: у греков, там, за морем, вовсе не порицают подлых извращений. Но у нас не так! Мы тех паскудников и за людей-то не считаем. Хотя, всяк человек вочеловечен, но есть и грань! У нас с этим строго! И добро, что строго.

Если бы не воровской искус, счел бы я Антипия мужем высокого нрава. Но, признаюсь, подгадил он себе в моем мнении, должно и боярин также считал. Оттого, прервав излияния припадочного о кознях беса полуденного, он возвернул Антипу назад, с легкой усмешкой спросил у того:

– Стало быть, ты, отче, ведал, где у библиотекаря тайник устроен?

– Знал, как не знать, – иннок пригорюнился. – Захария-то, конечно, таился. Да я нарочно подглядел за ним. Схрон в полу под ларем. Нажмешь на рог овна, короб и сдвинется. Половица подпилена, съемная. Убежище поместительное, для мошны места хватит.

– А не скрывал ли он там еще чего? Скажем, писаний запретных?

У Антипия, пораженного таковым оборотом, онемел язык, монах, точно баран замекал несуразицу.

– Да ты успокойся, чего переживаешь-то так? Ну, видел что, так скажи!

– Имелись там книжицы какие-то. Но я их даже в руки не брал, смекнул, что богомерзкие писания, прикасаться к ним боязно, – монашек вобрал головку в плечи, косил глазками, словно зверок.

Андрей Ростиславович, уяснив, что затравка заглочена, поднасел на рубрикатора:

– А лучше, давай-ка братец как на духу. Да не трепещи ты! Я ведь знаю про ваши делишки.

– Помилуй, бога ради, господин хороший, о чем я должен ответственность, не ведомо мне?

– Не крути Антипий, не люблю! Не то, есть хорошее средство язык развязать, мало не покажется!

– Ослобони, боярин, век буду богу молить! Да я уж и исповедался обо всем старцу Парфению, он меня вразумил.

– Ты, как я вижу, мастак – в «балду» играть! На дыбу захотел? Я ведь не посмотрю, что ты припадочный. Еще как запоешь!

– Прости меня грешного! Прости Христа ради! Это все Захария, окаянный, удумал. Сулил исцелить меня от недуга. Робел я, простофиля, вот и поддался. Зачал он водить ко мне знахарей неотесанных, ведунов-хрычей богомерзких. Обихаживали они меня всяко, читали надо мной заклятья упыриные, навьи чары на меня наводили. Страху-то сколько натерпелся, но по юдоли своей питал надежду выздороветь. Уповал, а вдруг, поможет? – инок скорчил подлового мордашку, надеясь, подольстится к нам в обличье несчастной жертвы.

Ну и гнусный человечиска этот Антипий. Библиотекарь видимо хотел помочь ему, подбирал лекарей. Я то знаю, как у нас на Руси каждого мало-мальски сведущего в медицине человека провозглашают колдуном и чародеем. А припадочный держится тех же слухов, хотя и не такой он темный. Ясно, решил свалить с больной головы на здоровую, благо, что мертвец безответен. Вали на покойника, себя бы только обелить.

– Угу! – боярин гневно втянул в себя воздух. – Стало быть, ведовством занимались, а умыслил все отец библиотекарь? Выходит, тебя горемычного совращали с пути истинного? Ай, нехорошо! Говоришь, водил к тебе лекарей чернокнижных? А откуда он доставлял-то их?

– По моему разумению из селищ окрестных, не ведаю, вот те крест, тех весей! Дык ..., – инок замялся, чего-то не договаривая.

– Не скрытничай дурачина, что еще знаешь? Ты не безмолвствуй, отвечай! А коль нет – зараз клещами вытяну!

– Не надо, господине! Почто мне таиться, расскажу все как на духу! Я и так намеревался открыться. Однажды вверг он меня в самый, что ни на есть притон еретический. В крипту подземельную. Вот где узрел я страсти ужасные, грешно и вымолвить про испытанное мною.

– В какую такую крипту, где он – погреб этот?

– То склепа подобие, под развалиной часовни, на кладбище монастырском. Ведут к ней переходы подземные, по стенам вырублены мощехранилища... с протадышних времен. Очень страшное место, скажу я вам! Братия туда носа не кажет, бают о призраках и вурдалаках страшных.

– Ну, и чего деялось в крипте?

– Там служили тайную литургию, – молебен богомилов (1) распроклятых. Но тебе, господине, изреку истинно, – инок весь подобрался, личико его приняло решительное выражение, – я так помышляю, библиотекарь пришел туда из чистого интереса. А меня взял, дабы засвидетельствовать непорочность свою. Он сам признался в любопытстве. Я же, безмозглый, поддался на увещевания, пошел, ибо был признателен ему за попечение. Мы попросту стояли в сторонке, глядели, пока те вершили грязную мессу. Я в их радения не вникал. Страх меня объял великий. Не ведал, как ноги унести, насилу отстоял. Библиотекарь, тот со вниманием их выслушивал. Уж и не ведаю, зачем ему это надобно? Все о каких-то философах иноземных втолковывал мне, только мудрецы не в разум мне были, уж очень я перетрухнул. На кой

ляд мне эллинские наставления, когда истина явлена через пророков и апостолов Христовых. Почто мне Платон и Аристотель, почто ихние выученики. Почто мне Арий-совратитель и иные ересиархи, пусть и в патриарших ризах почившие. Осознал я тогда, что не ждать добра от этих походов, пропадем! Он-то еще раз, спустя седмицу, меня понуждал. Кинулся я ему в ноженьки: «Уволь, – прошу, – от поглядок тех. Помру иначе от страха!»

– Да, – заключил боярин, – без сомнения, ты прав! Ну, а в чем те радения заключались?

– Читали ветхозаветных пророков, потом из Ария (2), Нестория (3), еще кого-то. Говорили страшную ересь. Библиотекарь опосля сказывал, мол, павликианская (4) по сути их месса. Он то крепко учен, многое знает о противоборстве и расколах в лоне церковном. Рассуждал зело умно. Но я из слов его ничего не понял, и не желал понимать! Мне сие не нужно, мне своих грехов не замолить!

– Ну и кто же то самое бесчестье творил?

Антипа округлил в панике глаза, вроде язык не гнулся назвать имен злодеев. Стал сетовать, что они напялили на себя личины, мол, трудно было признать.

– Не увиливай чернец, говори, кто участвовал в кружале? Какие там еще маски, ты не чужой им? Называй всех без оглядки! Коль назвался груздем, полезай в кузов! Так, кто?!

– Ой, пропал я, совсем пропал!?

– Ты сам начал. Тебя за язык никто не тянул. Теперь уж не трусь! Ты малая сошка. Тебе зачтется, дурень ты безмозглый!

– Творили мессу Феодор-переписчик, Якимий-баньщик, Прокопий, Филипп, Макарий – черноризцы. Во второй раз был Фотий-дьякон, были еще пришлые иноки – всех не упомяну, одного звали Ювеналий из городской обители.

– Кто отправлял литургию?

– Феодор-переписчик помогал, Якимий тоже...

– Я спрашиваю – кто был иереем? Ну! – боярин грозно набычился.

– Ключарь наш, отец Ефрем, – монашек подавленно заморгал, – он на зубок знает все требы. Только ты не сказывай, что я донес, не жить мне тогда на белом свете.

– Не бойся иноче, теперь их самих со свету сживут! А поначалу на дыбу потянем, так-то вот! Ну, а еще кто из старших иноков обретался? Видел ли ты кого кроме?

– Нет, не было больше ни кого, клянусь, других не лицезрел.

– И давно вы ходили с Захарией на это сборище?

– С месяц назад. Больше я туда ни ногой! Не ведаю, бывал ли там еще библиотекарь, он про то не сказывал.

– А как часто они творят литургии свои богомилские?

– Захария упоминал как-то, – по пятым, тринадцатым, двадцать первым и двадцать девятым дням каждого месяца.

– Ого! Василий, кумекаешь ли? Сегодня как раз тот день!

– А как туда попасть, ну в этот самый склеп, как пройти...? – подал и я свой голос.

– Туда три хода. Один ведет из махонькой часовенки, у которой на крыше ангелок с обломанными крыльями, в ней дверца железная... Но там жутко среди могил. Другой – из западной башни, прозывается Арсенальной, что подле палат настоятеля. Прямо по порожкам ступай вниз и придешь куда надо. Третий есть из храма, из северного придела, зайдешь за кивот, ищи лаз и, опять, вниз по ступенькам. Должно есть лазы еще, да я их не знаю. Монахи-то раньше в пещерах обитали, – вот и понаделали ходов всяких.

Мы понимающе переглянулись с боярином, что не ускользнуло от Антипия:

– Да вы что, не иначе, туда собрались? Вы уж смотрите, а то заколют вас как свиней, да и заруют там же, в подземельях.

– Спасибо за заботу Антипий, – боярин усмехнулся. – Нас не прирежут, мы сами любому брюхо проткнем! Так-то вот, братец, Антипа. Ну ладно, лежи пока, болей. Оклемайся побыст-

рей, потом еще поговорим, вопросов к тебе много. Ты, я вижу, парень понятливый? О нашем разговоре молчок! Разумеешь? Особливо не горюй, я тебя в обиду не дам.

И признательный чернец, куда только девалась немочь, соскочил с одра и принялся рабски лобызать руки боярина.

– Ладно, ладно, не суетись, – Андрей Ростиславич безглаголиво отстранил слюнявого черноризца. И уже скороговоркой ко мне:

– Поспешим, Василий, нам нельзя терять времени! Пошли!

Примечания:

1. Богомилы – приверженцы еретического движения на Балканах в X – XIV вв. (затем до XV в. секта). Религиозно-философское учение Б. близко к павликианам, оказало влияние на катаров и альбигойцев.

2. Арий – священник из г. Александрии Арий (ум. 336), основатель религиозного течения в христианстве IV-V вв. Арианство осуждено как ересь церковными соборами в 325 и 381 гг.

3. Несторий – Константинопольский патриарх (428—431) Несторий основатель религиозного течения в христианстве V-VI вв. Несторианство осуждено как ересь церковным собором в 431 г.

4. Павликиане – приверженцы еретического движения в христианстве на востоке Византийской империи (в Зап. Армении) в VII – IX вв. Религиозно-философское учение П. основывалось на дуализме. Догматика П. оказала влияние на богомилство.

Глава IX

Когда обыскивают келью Захарии, а Василию достается томик Италла.

Покинув нору Антипия, ступив в темные сени спального корпуса, боярин придержал меня, взяв за руку, шепотом произнес:

– Василий видно нам сегодня не суждено выспаться. Сейчас, первым делом, отправимся в келью Захарии и пошукаем там. Ну, а когда иноки возлягут на покой, двинем в подземелье, посмотрим, что в крипте проделывают богомилы, уж очень мне интересно.

А теперь, сгоняй до наших. Вели Назару Юрьеву вместе с Варламом меченошей срочно прибыть в общежительный дом. Пускай поджидают у запечатанной кельи Захарии-библиотекаря. Да пусть скрытно ведут себя, помалкивают, чужого внимания не привлекают. А я встречу с княжым мечником, призову его людей. Обыск чинить станем!

Я все сделал, как было велено. Андрей Ростиславич заявился с высоким вислоусым дружинником, закутанным в долгополый плащ, из-под ткани явственно топорщился длинный клинок. Прозывали того мужа Филиппом. Наконец-то я разглядел «тень» Галицкого князя. Признаюсь, мечник не произвел на меня отрадного впечатления. Следом за ним грузно ступали два гридня (1), люди малоприметные, но тоже при оружии.

Боярин сорвал печать с запора, и мы толпой ввалились в черный провал кельи. Блуждая во тьме, Назар затеплил лампаду, потом масляные плоски по стенам. Мрак расступился. Нам открылось просторное помещение, но совсем необжитое из-за обилия манускриптов, разложенных по полкам и лавкам. Келья походила более на скрипторий, нежели на иноческую опочивальню.

– Ну, приступим с божьей помощью, – боярин перекрестился и взялся перетряхивать книжные завалы.

Последовав его примеру, я навскидку отобрал несколько томов. Первым лег в руки разбухший фолиант знаменитого греческого богослова Иоанна Дамаскина (2). Я трижды, вчитываясь, в разных местах открывал книгу. Подвернулись сочинения о мистической философии, против еретиков и гимны церковные. За необычайный поэтический дар Дамаскина называли «Златоструйный».

Следующей была ветхая книжица Дионисия Арепагита (3), афинского философа, окрещенного самим апостолом Павлом. Надо сказать, что в моих руках побывало «Таинственное богословие», – редчайший на Руси греческий список.

Потом открыл я затертый томик Немессия врачевателя (4) «О природе человека», тоже на греческом. Книжица изобиловала чудесными миниатюрами. Где каждая из болезней изображалась в лукавом женском облике, окруженная присущими ей немочами. А именно: болями, ломотами, корчами, судорогами, кашлями и прочими страданиями в образах гнусных адских исчадий.

Рядом лежал трактат астронома Аристарха Самосского (5). Сей мудрец считал, что Земля и другие планеты движутся вокруг неподвижной сферы звезд, внутри которой расположено Солнце. Учение, противоречащее основам церковного миропорядка, но очень любопытное и притягательное.

Далее мое внимание привлек увесистый том с почерневшими застежками. Какая радость – писано по-славянски! Что же это? Оказалось, великая хроника Георгия Амартола (6), сто лет назад успешно переведенная на славянский язык, широко известная по земле нашей. «Амартол» – грешник по-гречески, так премудрый инок уничижительно называл себя. Исторический труд охватывает время от сотворения мира до дней Кирилла и Мефодия (7) – славянских первоучителей.

А это что за чудо-фолиант? Ух, ты! За эдакую книгу по головке не погладят, упекут дальше некуда! Место ее в особом хранилище, доступ туда только с позволения настоятеля. Книга, запрещенная всеми соборами вселенскими. Книга-родоначальник всякого черно-книжия и колдовства. Книга, в которой заключен яд скорпиона. Карфагенский архиепископ Киприан (8) ее автор, его рукой водил сатана! Не хочу выговаривать заглавие опуса, чтобы не подвергать слабых духом искушению. Что же он, Захария глупец не упрятал ее подальше от глаз людских? Видно чтение гримуаров (9) являлось его каждодневным занятием, оттого и дал промашку?

Я окликнул Ростиславича, обращая внимание на запретную книгу. Боярин, поджав губы, с пониманием покачал головой, видимо моя находка подтвердила некий строй его мыслей. Киприана забрал мечник, дабы показать запретное сочинение князю.

Последний из попавшихся мне томов тоже греческий. Разобрав титульный лист, я обнаружил, что сей труд, принадлежит знаменитому светочу ромейскому Иоанну Италлу (10). Вчитавшись подробней, я догадался: это были широко известные в Европе «анафемствования», все одиннадцать тезисов. Странная судьба у сего сочинения? Я подумал тогда: «Не кляни ближнего своего, так и сам не будешь проклят!»

Тем временем, Андрей Ростиславич, закончив с книгами, подступил к массивному ларю, окованному чернозелеными пластинами. Сундук был мастерски изукрашен деревянной резьбой, местами она растрескалась, но отнюдь не потеряла своей притягательности. По боковинам, среди ветвей и плодов диковинных деревьев, искусно размещены всякие животные и птицы. Тут и лев с грозно ощеренной пастью, тут и непокорный единорог, и умиленный телец, и обезьянки – сродственники людские, и павлин с величаво распущенным хвостом, и гордый орел, и премудрая сова. Разглядел я снизу длиннорунного барана, единственного из овнов в сем замечательном bestiarii.

Ростиславич поманил меня к себе. Закрыв от любопытных взоров заветную часть резьбы, я позволил боярину незаметно нажать на отполированный рог овна. Раздался чуть слышный щелчок, и громада ларя сдвинулась с места. Мы, натужась, надавили на угол, и громоздкая махина легко, подобно дверной створке, отошла от рубленной стены. Половицы под сундуком вовсе не запылели. Боярин спросил у Варлама нож, всунул кончик в щель, поддел доску и вынул ее вон. Нашим взорам открылся поместительный погребец. Потребовали огня. Осветили самое нутро. Пусто! Лишь в дальнем углу на кирпичиках сиротливо лежали две потрепанные книжонки. Нагнувшись, я извлек их на волю. Тут любопытствуя, все разом обступили нас.

Первый томик писан еврейскими буквицами. Ни я, ни боярин не ведали той грамоты.

Со второй книгой было еще сложнее – ее страницы испещряли какие-то крючочки, петельки, вензельки.

Но Андрей Ростиславич и тут не сплеховал:

– Арабские письмена! – молвил он (стоявшие рядом удивленно ахнули), боярин пожал плечами. – К моему сожалению, из арабского я помню десять-двадцать слов, письма их совсем не знаю. Ну, ничего! Я думаю, в обители есть знатоки еврейского? Бог даст, и сарацинскую мудрость преодолеем! Должно быть заклинания, какие? – положив две последние книжицы в карман, спросил: – Все подтвердят, что в тайнике находились нечестивые писания?

Раздались возгласы согласного одобрения. Все были готовы удостоверить!

Приладив к месту половицу, мы грубо придвинули сундук к стене. Я отчетливо расслышал, как отрывисто клацнула защелка. Ларь встал, недвижим, как и прежде.

По случаю, я выщеганил себе Италла, задумав сделать перевод на славянский язык, так как находил, сей труд чрезвычайно поучительным. Он позволял выявить пути возникновения ложных воззрений и наглядно способствовать борьбе с еретиками. Ибо весьма показательно, когда автор, возглашая другим анафему, призвал ее на собственную голову.

Мы гуськом покинули келью, называя ее не иначе, как крамольным логовом. Наложив восковую печать на дверь, припечатав ее резным перстнем, боярин приказал всем идти восво-яси и, помалкивать. Остался лишь мечник Филипп, Андрей Ростиславич что-то зашептал ему, взяв под локоть. Длинноусый мечник, одобряя слова боярина, согласно закивал.

Я посромничал присутствовать при их беседе и двинулся в странноприимный дом, возымев намерение малость вздремнуть. Необходимо поднабраться сил для ночной разведки в монастырских катакомбах. Томик опального грека навязчиво терся при ходьбе о мой живот, втолковывая старую истину: не только хлебом единым сыт человек.

Примечания:

1. Гридни – княжеские телохранители, воины отборной дружины.
2. Иоанн Дамаскин – отец Восточной церкви (ок. 675 – до 753), византийский богослов, философ, поэт, один из представителей патристики, автор сочинения «Источник знания», церковных песнопений.
3. Дионисий Арепагит – епископ Афинский (I в.), один из первых христиан, обращенный в христианство апостолом Павлом. Автор сочинений «О божественных именах», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «Таинственное богословие».
4. Немесий – византийский философ из г. Эмессы (сер. V в.)
5. Аристарх Самосский – древнегреческий астроном (IV – III вв. до н.э.).
6. Георгий Амартол – византийский хронист (IX в.)
7. Кирилл и Мефодий – братья, славянские просветители, создатели славянской азбуки, проповедники христианства. Кирилл (ок. 827 – 869; до 869 Константин). Мефодий (ок. 815 – 885). Перевели с греческого на старославянский язык основные богослужебные книги.
8. Архиепископ Киприан – Киприан Фасций Целлий (+258), епископ Карфагенский, автор религиозных сочинений, в которых выступал за создание сильной церковной иерархии. К. приписывается создание сборников «Черной и белой магии».
9. – Гримуары – магические тексты и атрибуты.
10. Италл – Иоанн Италл (2-я пол. XI в.), византийский философ. Тяготение к традициям аристотелизма привело его к конфликту с церковью. Еретические тезисы И.И. преданы анафеме в 1082 г.

Глава X

В которой у Василия томится душа, но потом приходит просветление.

Пробудился я от унылых ударов колокольного «перебора», который означал, что совершается вынос теле усопшего Захарии. Похоронный звон выражает грусть и скорбь об усопшем. Неторопливый перезвон колоколов (от самого крохотного до великана) являет собой становление человека на земле, от ребячества до умудренной зрелости. А одновременный удар всех колоколов обозначает пресечение земной жизни смертью. Я помолился за беднягу, пожелав его страстотерпице душе вечной жизни со Христом.

Мне было тяжело. На сердце свербела докучливая мысль: зачем я позволил втянуть себя в боярский розыск? Не к лицу черноризцу напяливать на себя опорки судебных тиунов, усердствовать в сыскной гоньбе. Нелестный то удел.

Хотя, я, безусловно, разделял правду Андрея Ростиславича, не подвергал сомнению надобность восстановить истину, отыскать и покарать подлинного убийцу. Не капли жалости не испытывал я к супостату, посягнувшему на самое ценное – жизнь человека. Напротив, желал ему самого тяжелого наказания.

Но разум мой некрепкий раздирался в противоречивом томлении, якобы я согрешил, не зная в чем, а исповедью утешиться нельзя.

Подавляемый ощущением неприкаянности, явился я в опустевший храм божий, алкая искупительной молитвы. Молился долго, наконец, прочел девяностый псалом (1), – и полегчало мне. Смирненно дождался повечерия, и выстоял всю службу. В самом конце часа, заметив в темном нефе (у образа Крестителя) задумчиво стоявшего боярина, я осведомился у него, тщаь утаить свое смятение:

– Какие будут указания, боярин? Что мне прикажешь делать? Вечор с тобой идти, али как?

– Обязательно пойдем! Как же иначе? Без твоей помощи не обойтись. Не хочу привлекать суздальских, – ну их. Уж очень они нерасторопны, лишнее внимание привлекают к себе. Ну, а ты проворен и смекалист. Только на тебя и надеюсь. Наверняка мы вдвоем управимся.

Мне ничего не осталось, как поблагодарить Ростиславича за оказанное доверие. Меж тем он продолжил:

– Уж очень мне хочется посмотреть сборище богомильское. Похоже, они не причастны к гибели библиотекаря, а впрочем, как сказать, – пути господни неисповедимы?

– А, что ежели сходка еретиков не состоится? – подал я голос. – Неужто они столь безрассудны, что отважатся проводить мессу, когда обитель кишмя кишит князьими людьми?

Мой вопрос не смутил боярина. Он не раздумывая, ответил:

– В том-то и вся суть! Если они не виновны в смерти Захарии, чего им таиться? Наоборот, сегодня ночью до них никому нет дела, вся стража печется только о князе. Впрочем, что у сектантов на уме не ведомо, нам бы следовало поостеречься.

Так вот, мой тебе совет Василий: одень под рясу кольчужку, прихвати кинжалец, я видел его у тебя. Особо не робей, думаю, на нас не набросятся с тесаками. Черноризцы горазды на велеречивые измышления, а к телесному ратоборству никак не привычны.

А теперь условимся. Больше ко мне не подходи: и на вечера, и в трапезной. Сотворим для умников видимость, что на сегодня мы ничего не замышляем, пусть себе расслабятся и не мешают нам. Сойдемся в моей келье, часа за два до полуночи.

Я согласно кивнул головой, вознамерился уже уходить, но боярин, удержав меня, добавил:

– Я, Василий, с умыслом явился к повечерию. Хотел понаблюдать, как держит себя братия после погребения (2) Захарии? Может статься, кто-то выдаст себя непомерной суетой, или еще каким образом? И знаешь, – Андрей Ростиславич лукаво сощурил глаза, – не прогадал!

Ты стоял справа, и не мог заметить, что монастырские старцы Парфений и Аполлинарий, во время службы, уединились в пустом приделе и что-то оживленно обсуждали, вероятно, даже спорили. Судя по их взволнованному тону, они говорили на злобу дня, о насущном. Но препирались, скажу тебе, правда без вражды.

Ты был прав. На мой взгляд – у старичков определенно натянутые отношения с монастырской верхушкой. Но одно дело, недолюбливать отца игумена, ехидно подмечать промахи, посмеиваться над его оплошностями, совсем другое дело, – вести свою игру. И я не ошибусь, именно тем и заняты старцы Парфений и Аполлинарий. Жаль, правда, что не ведаю их помыслов, впрочем, отчаиваться рано. Но в одном не сомневаюсь. Весь мой предыдущий опыт мечника и ближнего боярина подсказывает мне – в обители назревает заговор.

Я намерен откровенно поговорить с отцом Парфением, тем паче, он сам вызвался. На первый взгляд может показаться, что лучшего союзника нам не сыскать. Ты сам говорил, как он горой стоял за Всеволода Суздальского, осуждал наших противников. Да только, – боярин облизал пересохшие губы, – мне ли не знать, доверие..., оно ведь не словом рождается. Делом слова должны поверяться! Иной ведь, корысти ради, прикинется сущим агнцем, а ведь подлец-подлецом. Будем надеяться, что старец Парфений порядочный человек.

– Не думаю, боярин, что духовник и монах с Афона способны запятнаться дурными делами, тем паче замыслить на жизнь собрата? – заступился я за безобидных иноков. – Мало ли о чем могли судачить старцы? И вообще, настоящий убийца и рта не откроет о тайно содеянном. Сам сказывал, боярин, – слово не воробей, улетит, не поймаешь!

А-а, – досадливо крикнул Андрей Ростиславич, – ты так ничего не понял, Василий! Я пока вообще никого не подозреваю, а уж тем более не виню. Пойми меня правильно. Для того чтобы подступиться к этому делу, а оно, как понимаешь, непростое, следует перво-наперво разобраться с обстановкой в обители. Уяснить, почему в успешном с виду монастыре произошло убийство инока, и заметь, – не рядового чернеца?

– Я к тому и говорю, – мне хотелось оправдаться в глазах Ростиславича, – Парфений, он многое должен знать.

Впрочем, мысли мои были сумбурны, ничего умного в голову не шло. Чтобы не показаться полным профаном, оставалось лишь поддакивать боярину. Но он и не слушал меня:

– Странная киновия!? С самого начала, стоило мне, очутиться в ее стенах я ощутил прель разобщения, какую-то рознь – соперничество между иноками. Так не должно быть. В обители напрочь отсутствует настрой, смыкающий братию, нет общего авторитета, люди сами по себе. Что печально, ибо чревато любой неожиданностью.

Ввергает в тревогу и сам игумен, поступки его странны, он как бы и не полновластный хозяин монастыря. То и дело подзывает келаря, духовников, пресвитера, советуется с ними по мелочам, будто не правомочен решить, как ему поступить. Ведет себя как временщик. Оно и понятно, его поставили в обитель против личной воли, заткнули им дыру. Он чуждый киновии человек, ее удел мало волнует его. Хотя, насколько я разбираюсь в людях, он не безучастен к собственной судьбе, ишь как его всполошили открытые обстоятельства смерти библиотекаря.

Задача аввы Кирилла – задобрить князя. Но как? У игумена только один способ отвести княжий гнев: замять убийство библиотекаря, что он и делал до нас. И вот тут-то – мы ему не товарищи! Настоятель видит во мне надоедливый недруг, который мешает спокойной жизни, покушается на его безоблачное будущее. За игуменом стоят клеветы, они прекрасно понимают, что подкоп под настоятеля, пинок под зад им самим. Несомненно, нам в розыске будет оказано сильное противодействие. Мой конфуз только на руку настоятелю. Но мне кажется, – мы не одиноки в этой борьбе. У нас обязательно должны появиться союз-

ники. И первым станет духовник Парфений. Хотя, если честно признаться, я не вполне доверяю вкрадчивому старцу, его назойливость беспокоит меня. Да, Парфений не так прост, ох не прост?

Ну да бог с ними Василий. Не станем опережать время. Все должно идти своим чередом. Поначалу разберемся с богомилами, а там видно будет?

Отдыхай Василий! Ночью свидимся. Главное, ничего и никого не бойся. Я сумею за нас постоять, да и не одни мы тут.

Облеченный доверием боярина, я возрадовался и гордый собой, все сделал, как он приказывал. Для пробы, одел прямо на рубаху, едва тронутую ржой панцирную сетку, пожалованную мне батюшкой. Спасибо тебе кормилец! Родитель сказывал:

– «Сия снасть для монаха не обязательная, но да не в тягость будет. Кроме господа и угольников, странника оберегает разум и опыт житейский. А здравый смысл предписывает: будь готов на путях своих к тяготам и испытаниям. Благо, коль они обойдут стороной, а ежели обрушатся, надобно не сплеховать. Оттого внутреннее приготовление к страстям и напастям, – суть монашеского обета. Дух силен, да плоть слаба! Ей квелой надобен оберег. От грешных соблазнов – молитва и воздержание. От хворей телесных – целебное питье и банька горячая. От булата и стрелы каленной – броня чешуйчатая».

– Благодарствую, родненький, за заботу о чадушке твоём! – помянул я отца старенького. – Жив ли сердечный, не помер ли? Сам же я живу лишь благословением, да молитвами родительскими.

Припас я еще тесак в сыромятных ножнах, из удалства, купленный у сарацина в Болонье. Стилет ловкий и острый, использовать который еще не привел спаситель. Да и не обучен я ратям. Но клинок сей к твердости духа располагает. Любое оружие придает сил и крепости хозяину его. Повязал я хитон вервием, попрыгал малость, чтобы улеглось и не бряцало, – сгодится.

Оборони, господи, люди твоя! Прости боже, что в чертоге твоём предстал видом непопулярным. Но так должно!

Разоблачась, решил я на досуге разобрать список Иоанна Италла. Года два назад довелось мне размышлять над тезисами, изложенными ритором более ста лет назад. Знаю точно, и по сей день не утратили они остроты своей и злободневности. Разжился я тогда Италлом в ломбардском монастыре. Начертанный на строгой латыни, оставил он в душе моей странное чувство неудовлетворенности, скорее всего вызванной плохим знанием самого предмета, бичуемого Италлом. Теперь передо мной лежал греческий список, не искаженный переводом. А главное, у меня было время и накопленные знания об ересь, плодящихся в лоне христианства. Ныне я был во всеоружии, – и это распалило меня. Расправив на коленях ломкие странички гнutoго пергамента, я стал медленно выговаривать звучный греческий текст.

Приведу без купюр несколько тезисов, чтобы каждый мог представить и оценить, соразмерно вере и чаяньям своим, манеру и дух ромейского ритора. Писано сие Италлом народу христианскому, для избавления его от грехов смрадных, супротив повсеместно лающих еретиков и их адептов. Но сами те писания были объявлены ересью. Вот, пойдя, и разбери, – где правда, а где ложь? А ведь нужно различать!?

«Тем, – которые всемерно стараются заводить споры и толки о тайне воплощения Спасителя нашего и бога, кои силятся познать, каким образом сам Бог Слово, соединившись с человеческой брeнностью, обожил принятую на себя плоть, и держат посредством диалектических умствований слагать и различать соединение двух естеств в Богочеловеке, – анафема!»

«Тем, – которые выдают себя за православных, а между тем бесстыдно привносят в учение православной католической церкви нечестивые мнения греческих философов о душах человеческих, о небе, о земле и прочих тварях, – анафема!»

«Тем, – которые слишком высоко ценят мудрость языческих философов и вслед за ними принимают переселение души человеческих, или думают, что они, подобно душам бессловесных животных, разрушаются и обращаются ни во что, а за сим уже отмечают воскресение мертвых, и суд, и решительное последнее воздаяние за дела настоящей жизни, – анафема!»

Что мне сказать о прочитанном? Пожалуй, отмечу одно, – про себя самого. Многому я учился, многое я постиг, но мудрым, как те отцы, осудившие Италла, не стал.

Примечание

1. Девяностый псалом – псалом Давида, так наз. «Живые помощи»
2. Погребение – в описываемые времена иноков погребали на следующий день после кончины.

Глава XI

Где помышляют о подземных лабиринтах действительных и мифических.

Признаюсь, испытал я колебания, чуть ли не страх, предвосхитив в воображении разведку в подземельях монастырских. В мою бытность в папской столице, доводилось мне спускаться в римские каменоломни. Интересами ради, отправился я поглазеть на потайные молельни первых христиан. Катакомбы те представляют собой чрезвычайно разветвленную сеть подземных ходов и пещер, с древнейших времен высеченных под городом, для добычи строительного камня. Как сказывал провожатый – никто толком в Риме не знает всех хитросплетений и ловушек этого подземного левиафана. Он безвозвратно поглотил в своих недрах не одну сотню любопытных и податливых на острые ощущения пилигримов. Не говоря уже о сонме местных обитателей, которые, так и не приспособившись к жестокому нраву подземных капищ. Мне посчиталось ненормальным поведение городских властей, оставляющих доступ в губительные подземелья донельзя свободным. В тот лабиринт ведут многочисленные лазы в грудах античных развалин и распахнутые люки городской клоаки. Порой, даже из винного подвала уютной трагтории вы можете ступить в осклизлую темень и уже никогда не узреть божьего света.

Но не только в Риме подвергал я себя риску, остаться во век в царстве Плутона (1), еще не ступив в могилу. Как правило, все старинные города европейские имеют подземное чрево. И уж, коль не предначертано вам заблудиться в его недрах, то ограбленным или зарезанным безбожной чернью уготовано наверняка. Везде, где я побывал, молва об опасности подземелий обыкновенно дополнялась жуткими историями о гнездившихся там душегубах и разбойниках. Так что страждущему страннику строго настрого заказано изучать таинственные лазы без опытного вожаго. Человека, знакомого не только с каменными норами, но главное, с теми нелюдями, обитающими в них.

Вспомнился мне по случаю греческий герой Тесей убийца Минотавра – выблядка оскотиневшей царицы Пасифаи. Царственная потаскуха зачала того монстра от быка, в которого воплотился Зевс-соблазнитель. Обретался тот получеловек – полутелец на острове Крит, в глубине подвальных урочищ царского дворца, называемого Лабиринт. Питалось чудовище человечиною, в виде дани ежегодно отсылаемой покоренными народами тамошнему государю Миносу, мужу Пасифаи, язычнику и несомненному рогоносцу. Ради спасения сограждан, обреченных Минотавру на заклание, Тесей, притворясь жертвенным овном, заявился на Крит. Подлежа скормлению чудищу, дожидаясь очереди, он, не теряя времени даром, влюбил в себя царскую дочь Ариадну. Царевна, презрев волю отца, снарядила героя клубком веретеной пряжи. Привязав конец нити у входа в подземелье, Тесей заколол отвратительного монстра и благополучно выбрался вместе с соплеменниками из подземной ловушки.

С тех пор всякие умышленно созданные хаотичные ходы, рассчитанные на невозврат угодивших туда, называют «лабиринтом», памятуя критский чертог мерзости и человекоядения.

Вычитал я дивную историю (как и прочие не менее увлекательные) у Иоанна Малалы (2) в его «Хронографии». Увлекательный сей труд, является любимым чтением молодых иноков в киновиях греческих и италийских. К слову сказать, повести те пробуждают в молодом теле соблазны и похоть, противные чину монашескому. И знаю по шкуре своей, редкий чернец в тех странах полуденных блюдет целомудрие. Но скажу и более, едва ли найдется в тех краях кто из наставников или иерархов высших, способных своим примером помешать чинимому блудодействию. Ибо порой сам папский Квиринал более походит на лупанарий, нежели на цитадель святости. Впрочем, памятуя притчу о блуднице, – кто в этом мире не без греха?

Итак, нам с боярином предстояло спуститься в хладный, подземный мрак. Приготовил я загодя масляный фонарь. Позаимствовав его у запасливого дядьки Назара. Не раскры-

вая вящего повода, сослался на неотложные письменные труды. Щедро заправил светильник, кроме того, положил на всякий случай в карман рясы два сальных огарка. Смеха ради стоило бы предъявить боярину нитяной клубок, упреждая опасение заплутать в монастырских лабиринтах, по примеру Тесея. Но не было у меня столько нитей, а побираться на стороне, только сеять ненужные подозрения. Да и уместны ли шутки в подобном предприятии, ибо не ведомо нам, на что горады еретики, ради сохранения тайны, а значит и жизни своей.

Андрея Ростиславича, похоже, так же впечатлил наш поход. Он встретил меня радостным возгласом заядлого искателя приключений. Ему не терпелось пощекотать нервы острыми похождениями, оттого он собирался на дело, будто на игрища, со смехом и прибаутками. Нарочно испытывая меня, он спросил:

– Оставил ли Ты, Василий посмертную записку или иное, какое извещение о том, где нас искать? Ведь не ровен час, сгинем за компанию в капищах подземных. Зарюют нас аки псов, без погребальной тризны, да еще камнями могилки завалят.

На что я ответил: «А кому я нужен-то, ибо обо мне кроме отца с матерью и вспомнать-то некому. И поддерживая игривый тон боярина, добавил:

– Тебе самому Андрей Ростиславич более пристало оставить памятку. Не то суздальская гридва, шукая тебя, разнесет обитель по камешкам.

Впрочем, смех – смехом, но я понимал, что перегибать палку не следует. Нельзя выщучивать предстоящее серьезное дело. Там наверху, где сплетаются нити судеб, где выстраиваются событийные связи, в отместку нашему нерадению, может произойти сбой. И все затеянное нами полетит в тартарары. Хорошо, коль задуманное, а то и сами сгинем.

Должно и Андрей Ростиславич подумал схоже, став серьезным, он заключил:

– Ладно, Василий, пошутили и баста! Будь ты не инок, предложил бы я испить по чарке зеленого винца. Не для храбрости, а почину ради! А так, как одному мне пить не пристало, то давай-ко брат, перекрестясь, двинемся с Богом.

Что было и сделано. Как можно тише, сдерживая дыхание, покинули мы странноприимный дом. Не хватало нам разбудить кого-нибудь из иноков, тогда уж точно сплетен не оберешься.

Ночь стояла хоть глаза выколи. Постояв малость у входа в укромной нише, свыкаясь со тьмой, ступили мы на скользкий наст. Боясь оскользнуть, сшибить друг друга, разошлись на расстояние вытянутой руки. Но вот боярин нащупал посыпанную песочком дорожку, идти стало легче, и я перевел дух.

Словно заядлые заговорщики, направились мы к западной башне. Согласно указанию Антипия припадочного в ней расположен вход в подземное нутро обители. Андрей Ростиславич, предвосхитив столкновение с богоотступниками, взялся шепотом наставлять меня. Тщась не уткнуться ему в спину, я не мог взять в толк резонов боярина, да и собственный трепет одолевал меня. Я гнал трусливые мысли, но они, наслаиваясь, друг на дружку, совсем запутали меня. Сейчас, пытаюсь вспомнить их рой, я различаю лишь тени некоторых из них:

Я увижу тайное бесовское радение!? Не зачарует ли оно меня? Не введет ли оно в соблазн, или еще какую слабость или ничтожество? Не лишусь ли я остатков воли, зачарованный наваждением? Не обращусь ли в бессловесную, не способную на сопротивление скотину? Не подведу ли боярина, обнадеженного мной?!

Примечание:

1. Плутон – мифологический (др. гр.) царь подземного царства.
2. Иоанн Малала – византийский хронист из г. Антиохии (VI в.). «Хроника» И.М. состоит из 18 книг. В четырех первых томах излагаются античные мифы.

Глава XII

Где, пройдя подземным ходом через мощехранилище, боярин Андрей и Василий выслушают речи еретиков.

Не встреченные никем, подобно татам ночным, прокрались мы чрез подворье и вступили в заполненный хламом притвор башни. Благо дверь была смазана и растворилась беззвучно. Затеплив фонарь, мы осмотрелись. Сверху тяжело нависли заиндедеввшие своды нижнего яруса. В углу, вращаясь в кладку, уходила вверх шаткая лесенка без перил, с узкими обледенелыми ступенями. Под ней за уступом стены обнаружили узкую нишу. Осветив темную полость, узрели выложенный камнем спуск, осклизлые порожки почти отвесно ныряли в черный провал. Мы осторожно, боясь поскользнуться и загромыхать в преисподнюю, стали спускаться.

Толку от вонюче коптящего фонаря совсем не имелось. Огня хватало лишь, чтобы не натолкнуться друг на друга в окружавшем промозглом мраке. Приходилось, не доверяя глазам, идти на ощупь, простирая руку, дабы не разбить голову о нависшие своды. До конца спуска я насчитал двадцать ступенек. Число отнюдь не мистическое, но оно напомнило, что столько же дней я знаком с Андреем Ростиславичем. Даже и не верилось, всего нет ничего, а кажется, знаем мы давно.

Идти стало гораздо легче. Под ногами податливо вминался влажный песок, проход стал гораздо просторней и выше. Даже фонарь поумень, разгорелся ярче. Его свет обозримо высвечивал грубую кладку стен и овальных сводов, позволял различать выступы препятствий. Изредка трогая камни, я с удовлетворением отметил, что их поверхность стала суше и теплей. Хотелось вслух поделиться теми наблюдениями, но боярин негодуя одернул меня. Так, натужно молча, мы пробрались до слияния прохода с более широким коридором. Я смекнул – он шел из церкви, и чуть опять не раскрыл рот, желая выказать собственную смышленность.

Но вдруг, боярин, крадясь первым, резко остановился, предупредительно коснулся моей груди. Я, изготовясь к худшему, что было сил, напряг зрение и слух, но ничего достойного опасений не уловил. Андрей Ростиславич справясь с возникшим сомнением, потянул меня за собой.

И тут, впереди в отсветах фонаря я различил, что в нишах каменных стен вповалку лежали люди. То, несомненно, человеческие тела! Сердце зашло от первобытного ужаса, леденящая судорога сковала мои члены. Стараясь пребороть страх, я напряженно пытался уяснить: «Кто они? Зачем их там положили?» А толстокожий боярин упрямо тянул меня к ним. Наконец, пришло прозрение – мы оказались в монастырском мощехранилище или, как его называют, оссуарии.

Мне стало стыдно за малодушие. Ну, разумеется, в каждой, уважающей себя, обители испокон существуют пещеры, где покоится прах предыдущих поколений монашествующей братии. Начало тому положено во времена обретения Русью христианства. Задолго до повального крещения немногочисленные еще иноки – люди иной жизни, селясь в уединенных местах, вырывали нору для жилья, где и находили потом последнее пристанище. Эти киновии постепенно из дикого пещерного состояния преобразовывались в обители, привычного для нас облика, но обычай хоронить чернецов в пещерах-склепах остался. Расчет на то, что в сухом подземном климате изможденные останки, лишаясь влаги, превратятся в иссушенные, окаменевшие мумии. Невольно напрашивалось сравнение с мореным дубом. Если тому необходима влага, чтобы сохраниться в веках, то здесь, условием вечности является ее полное отсутствие.

Мы подошли к мощам. Луч фонаря осветил почерневшие и сморщенные, будто скрутка отжатого белья останки, обряженные в истлевшие саваны, источающие запах смерти и поту-

стороннего мира. Меня всегда удивляло, как монахам удается сохранять трупы в пещерах, что даже и крысы не зарятся, видно используется особый состав мази, отпугивающий всякую тварь и гниение. Иные мертвяки лежали в гробах-колодах с откинутыми крышками, то, видно, были не столь древние захоронения. Зрелище не для слабонервных. Картина ужасов усугубилась. В одном из вырубленных в камне отсеков на широкой полке горкой лежали черепа с чудовищными оскалами и провалами глазниц. Должно выжидалось – не явится ли в каком из них мироточение? Известно, – мироточивые главы большая редкость, а значит и ценная реликвия, призванная к вящей славе обитатели.

Я сознательно помедлил, внимательно разглядывая склеп. И был поражен, увидев на особом постаменте огромный, диковинно приплюснутый кумпол. Он вовсе не походил на людской череп, принадлежа какому-то монстру-великану. Возможно, взаправду бают про перволюдей гигантов, уничтоженных потопом. Но строгий боярин не позволил расслабиться и поразмыслить над увиденным. Дернув за рукав, он грубо увлек меня вперед. В его напористости проскользнуло недовольство нашей медлительностью. Я поспешил исправиться и больше не отставал от Андрея Ростиславича.

Миновав очередной изгиб туннеля, мы разом отпрянули назад. Впереди отчетливо пробивался факельный свет. Пригасив лампу, для пущей надежности прикрыв ее полкой рясы, я мужественно нащупал рукоять клинка. Боярин, угадав мои намерения, пресек героическую попытку, решительно прошептал:

– На рожон не лезь! Никто нас не тронет. Знай, не они нас – мы их ловим!

Осмотревшись, потянул меня за выступ стены. Чутко прислушиваясь к малейшему шороху, на каждый всполох света вжимаясь в камни, мы опасливо, но неуклонно приближались к заветной цели. Чудно, но страх совсем пропал. Я сполна прочувствовал сказанное боярином. Действительно, мы тут охотники, выслеживаем уготовленного зверя! К лицу ли ловчему трусить на гоня? Смешно бояться стычки с обреченным животным. Охотник в том находит особое упоение. Ради того мига и ценит он свое ремесло.

Свет ближе и ближе. Стали слышны приглушенные голоса. Андрей Ростиславич шепнул мне на ухо:

– Они в крипте. Свет ослепляет их. Изнутри не видно, что в переходе. Отойдем к противоположной стене.

Ход расширился, образуя перед капищем подземные сени. В торце гульбища начинался ступенчатый подъем, путь в кладбищенскую часовню. Вправо коридор резко сворачивал вниз, по-видимому, спуск к реке. Налево, красным жаром светился проход в мешок крипты. Мы приблизились к его зеву. Заглянули внутрь.

Откровенно признаться, меня постигло разочарование. Оно сродни напрасным ожиданиям, что, болезненно распалив воображение, при соприкосновении с явью рассыпаются в прах. Я надеялся увидеть если не жуткую оргию, то хотя бы завораживающую сцену, подобную ритуальному карнавалу цехового братства. Участники которого рядятся в диковинные одеяния, напяливают уродливые личины и дотошно разыгрывают древние мистерии.

В багровом мареве пылавших по стенам факелов, я разглядел весьма поместительное убежище, со сводчатым потолком. Оказывается, вот какова потаенная крипта?!

Но все внимание на вершимое действо! Полукругом, спиной к входу, огибая вырезанный из цельного камня аналой, молились коленапреклоненные иноки, с непокрытыми головами. Лики сокрыты пергаментными полумасками. Подле каждого, на земляном полу мерцала зажженная черная свеча. У самого престола, возложив десницу на истрепанный фолиант с массивными застежками, вещал надтреснутым голосом упитанный с виду иерей. Его белая мантия, не нашего покроя, расшитая по груди и плечам загадочными символами, воскресила в моей памяти рассказы о еретиках катарах (1), прозываемых еще – «альбигойцами».

Возникнув в марках Лангедока и Тулузы, вероучение то чудовищно быстро распространилась по всему побережью Срединного моря. Миновав Альпы, проникло в Ломбардию, сочетаясь там с еще более древним инакомыслием.

В чем же притягательная сила еретических учений (и уж вовсе не для простолюдинов)? Каждому известно, ересиархи возвращают адептов, прежде всего из людей примитивных. Так как «простецы» неизмеримо больше подвержены земной юдоли, и от того чрезмерно податливы на всякое иноверие, оно сулит им скорое избавление от тягот бременной жизни, грозит покарать угнетателей. Простонародье возлагает надежды на грядущую в мир справедливость и праведное воздаяние каждому по заслугам.

Однако ересь катаров увлекла и бедных горожан и сиятельных синьоров, ибо противостояла римской церкви. Папская курия, стремясь к мирским наслаждениям, ради пребанды, ущемляла права господ и городов. Претендуя на первенство в духовной жизни, оставалась охранителем закоснелых патриархальных устоев. Катары же призывали к обновлению существующего миропорядка, сулили каждому, готовому принять их постулаты, рай уже на земле. И он, по их представлениям, был вполне достижим.

Но не бывает полной правды на земле. Уже в собственных рядах катары устроили несправедливость. Община их делилась на две неравные части: рядовых приверженцев и посвященных избранников, которых величали «чистыми». Так вот, те избранные особи обряжались в кипенно-белые мантии и, по молве, вели девственно чистый образ жизни, хотя последнее, скорее из разряда досужих домыслов. Я не верю в идеальных людей! Во всяком случае, праведники, встреченные на моем пути, при ближайшем знакомстве, оказывались корыстными самолюбцами, да такими, что упаси бог.

Катары, оскверненные сонмом нелепиц, вменяемых им в вину невеждами, считаются в латинском мире самыми отъявленными и злокозненными еретиками, они – самая опасная язва христианства. Папские наемники давно бы с ними разделались, кабы не кровные связи «чистых» с местными владетельными сеньорами. Пожалуй, следует присовокупить к тому тяжелую обузу крестовых походов, разногласия с императором и королем Франции, да и многое другое, что всегда стоит на пути столь внушительных замыслов.

Вот на такой полет мысли подвиг меня белый хитон незнакомого иерея. Впрочем, стоит послушать, о чем глаголет богомилский священник. Определенно, это и есть злополучный ключарь Ефрем, так его именовал припадочный Антипий. Мне пристало наострить уши. Хотя Ефрем вещал довольно громко, речь его была излишне многословна и оттого малопонятна. Да и обороты его мыслей, вполне ясные сподвижникам, мне, стороннему наблюдателю, порой были совсем недоступны, так что пришлось поднапрячься.

– Братие, – зывал он, – во дни скверны, да не опоганены будете! Да не оскормят вас требы нечестивцев, обряженных в тоги правдолюбцев! Истина, которой похваляются лжеучителя, почитая ее за божественное откровение, излагаемая их святыми книгами (а мы то с вами знаем, кем они написаны), – вовсе не правда Божья, а туман, напущенный Дьяволом! Отвергнем же то писание и приобщимся к сокровенному знанию – заветам Праведных, изложенных в великой Тайной книге (2), – он потряс толстенным фолиантом над склоненными головами прозелитов. Втянув воздух, продолжил с надрывом. – Праведные постигли слово Божие не по писанному, а по реченному через правильных пророков...

Сказано сильно, но и запутано весьма, однако слушаем дальше:

– Ведомо Вам, что завистник Отца своего – Сатанаил, уговорил ангелов от первого до пятого небес отвергнуть Бога единосущного. И проклял их Господь, отняв ангельское окончание их имен. И низверг вновь названного Сатану с его когортой с небес, в хаос и грязь земную. Зачал изгнанный Сатана и рать его вершить задуманные в гордыне дела. Устроил моря и горы, самое Солнце возжег и Луну приспособил, и всякое растение и тварь создал. Из мерзкого праха земного слепил он перволюдей и оживил их, наполняя духом падших ангелов.

И разжег людей на телесную утеху, первородную причину всякого греха. Ибо плоть всей юдоли основа и пристанище, ибо плотью воплощается животное начало, а значит скотское и нечистое. Плоть, содеянная Сатаной, человеку голова и причина! А кто лукаво сотворил ее, – тот и хозяин, и повелитель человецех. Вот он и терзает свои детища, мучает и изгаляется над ними, в угоду ложеснам проклятым. Он нарочито ввергает людей не токмо в телесные соблазны, но и в оскудение ума и воли. Для того научает он демонов и громких витий прелюбодейству над человеком. И терзается род людской, зазря тратит силу свою и рассудок в разумении всяческих лжеучений и пророчеств.

Сам Моисей, явивший каменные скрижали – кто он? Отвечу: он и есть первейший лжепророк! Ибо заветы те не от Бога, а от кого, – сами догадываетесь? Что нам принесли те скрижали? – спросил иерей громогласно, и сам ответил. – Да ничего, одну токмо суету, печаль, да муку кромешную.

Я подумал тогда: «Слышали мы схожие словеса, только на иных языках, бывало, прямо из телеги, везущей на эшафот».

Меж тем Ефрем продолжал изрекать:

– И сжалился Господь Бог Саваоф над страданиями племени людского и послал во спасение миру своего сына Иисуса. И пришел Христос на землю грешную и начал учить истине. И сплотились округ него преданные люди. Да мало их было. А Сатана силен! И отошел сын божий к отцу горнему, просветив мир, но дьявольскую волю в человецех не победил. Не хотят люди стать праведниками во имя Божье. Ох, как не хотят они расстаться с похотливым научением Дявола! Но мы богомилы, чрез вожей наших, постигли истинные заветы Иисуса Христа. Взалкали мы праведной жизни, и ничто не устрасит нас на том пути. Мы с нетерпением ждем второго пришествия Христа, когда праведники будут спасены, а блудодеи останутся гореть в вечном огне.

Я негодовал: «Ах, ты, лжепастырь, поганый!»

– Вот она – Книга! – Ефремище раскрыл том посредине. – И она глаголет: «Вострубит божий ангел громоподобно и весь мир ужаснется звону гласа его и упадет ниц, оглохивая, – сделал многозначительную паузу (приспешники еще ниже вогнули головы). – Померкнут, затухая, светила, а сорванные звезды скатятся с небес. Подобно урагану всколыхнет тот глас море и твердь, и рухнет все. Сын человеческий во главе ангелов божьих и святых апостолов, восседая на престоле своем, распахнет книгу жизни и явит миру суд свой.»

Я озлился: «Путает все нарочно, мерзавец!»

– «Воскреснут мертвые, и с четырех сторон приидут на сей страшный суд, ведомые светлыми ангелами. И разделено будет скопище человеческое на праведников и грешников. И воцарится справедливость! Сатана, его сотоварищи, а также и вся грешная рать людская, не возжелавшая прислушаться к истинному завету Бога, будет низвергнута в огненную бездну без дна и конца. Сын же человеческий, с ангелами и праведниками явится по очи Отца своего. И станут праведники – ангелами. Исчезнут беды и горести, и не будет больше несчастья. И время тогда кончится и останется одно лишь благо».

Обида глушила меня: «Ворует у Иоанна Богослова, – гад!»

– Внемлите мне грешники! Гоните от себя все земное и плотское, забудьте всю юдоль поганую! Всепокайтесь! Молитесь богу нашему особливо. Лишь в личном обращении к Богу – ваше спасение. Не верьте попам, они вовсе не нужны для вашего спасения. Все их литургии и требы лишь скоморошья игрища. Не почитайте икон, не становитесь идолопоклонниками. Не верьте в чудеса и прочие сказки – их придумали для спольщения, не льстите лживым кумирам!

То, что Ефрем был сильный проповедник, слов нет. Да только у меня грешного уши стали гореть, выслушивая такую нечестивость.

Дальше, больше! Ключник перешел всяческую грань. Он обрушился с открытой хулой на святое причастие, обзывал его «жертвою демонам». Причастные хлеб и вино именовал обычной едой и питьем, которого съедено и выпито за всю историю христианства такое множество, что тело Христово было бы подобно горе, а кровь – морю. Изрекал еще всякие гадости и мерзости, особливо про Пресвятую Богородицу.

Этого вынести нельзя! Да как же земля терпит негодяя, такого кощунника? Я в ужасе отпрянул прочь от окаянной дыры в преисподнюю.

Вскоре за мной последовал и Андрей Ростиславич. Удрученные увиденным богохульством, мы поспешили покинуть дьявольское становище. Боярин гневно ругался, обзывал раде-ние словом – «б... во!»

Едва взойдя наружу, бросились мы без оглядки, напрапалую в ночной тьме, бежать в свои кельи. Без всяких рассуждений, наспех простясь на ночь, каждый остался наедине со своей совестью.

Примечание:

1. Катары – приверженцы ереси XI – XIII вв., распространившейся в Западной Европе, главным образом в Италии, Фландрии, южной Франции. Считая материальный мир порождением дьявола, К. осуждали все земное, призывали к аскетизму, обличали католическое духовенство.

2. Тайная книга – вероучительный сборник богомилов «Тайная книга» относится к середине XII в., выстроен в форме вопросов и ответов во время беседы Иоанна Богослова и Христа.

День второй

Глава I

Где говорится об учении еретиков и вспоминается самозванец Федорец.

До срока, придя к полуночнице, зачумлено бродил я по полупустому нефу, ощущая себя вымаранным в грязи и кале от пят до макушки. Очиститься от вечор увиденной мерзости мне никак не удавалось. Прибегнул в келье к спасительным молитвам и множеству земных поклонов, да без толку. Совсем разбитым чувствовал я себя, сказались бессонная ночь и пустая маета минувшего дня. Намерился разыскать я боярина, чтобы обсудить с ним давешний ужас. Смутно надеялся обрести хоть толику утешения в совместной беседе, ибо ни что так не избавляет от скорбей и духовного разлада как дружеское общение.

Храм мало-помалу наполнялся заспанными черноризцами. Натянув камилавки по самые брови, они точно сомнамбулы, кружа в медленном танце, выстраивались в отведенных местах. Тяжко ночное бдение для плоти человеческой. Миряне, развежась на горячих перинах, в сладких грезах пребывают. Монах же, укрощая юдоль телесную, уповает токмо на дух свой. Но и сам дух тот, едва очнувшись со сна, малым подспорьем бывает. Порой, не совладав с дремой, валится инок с ног. Чтобы воспрепятствовать той немочи, в киновиях принято, назначенным загодя черноризцам бродить с зажженной свечой меж рядами братии, выискивать сомлевших. Растормошив соню, вручить ему свечу, чтобы уже он сам отыскивал полусонных. Дабы праздно не шастать по храму, напросился я в светильщики. И очень скоро нашел боярина Андрея, в уголке, притулившего к шершавой колонне. Сознаюсь, я мало рассчитывал на успех, ибо к полуночнице мало кто являлся из мирян. Андрей же Ростиславич пришел, видимо по схожей со мной причине.

Мы упорно, до боли в пояснице, выстояли долгую службу. И, наконец, с чувством исполненного долга вышли на свежий ночной воздух. Прохлада взбудрила нас, прочистив мозги от хмари. Дремать уже не хотелось. Мы наблюдали, как иные нерадивые иноки рванули обратно в спальный корпус досыпать, что, вообще-то, возбранялось. Устав предписывал до Утрени находиться в бодрствовании. Послушники обязаны на зубок заучивать требы. Чернецы же должны пребывать в «правиле молитвенном» или хотя бы, просто, размышлять, приуготавливаясь к дневным тяготам. Почивали лишь храмовые служки, да монастырская челядь. Мы с боярином присоединились к степенным инокам, что отрешенно прогуливались по подворью. И стоило нам остаться наедине, боярин не преминул высказать некоторые соображения.

И опять, я был поражен обширности познаний Андрея Ростиславича. Зачем мирскому человеку обстоятельно знать толк в разных вероучениях? Когда не каждый настоятель способен объяснить, в чем различие ариан (1) от несториан (2)? Мой же боярин все знал, как «Отче наш».

Что за этим? Осведомленность добросовестного княжьего мечника? Природная ли, врожденная любознательность? Где он почерпнул столь основательные сведения, в каких таких скрипториях, в каких школиях (3) штудировал?

Естественно, Андрей Ростиславич поначалу гневно, со свойственным ему сарказмом, осыпал бранью монастырских еретиков. Но в его бурных тирадах я уловил некую насмешку, лучше сказать пренебрежение к богомилскому радению. Позже мне стало понятно, почему боярин так ветрено ироничен, ибо уяснил, что галицкие богомилы не столь высоколобы, даже в сравнении с болгарскими собратьями.

Богомильская блажь, имела предшественником опыт многочисленных восточных ересей, тут и арианство, и несторианство, ереси монофизитов (4) и пелагиан (5). Она вызревала на протяжении веков среди ученых мужей, прошедших выучку в лучших скрипториях империи, оттачивалась в несчетных диспутах первейших умов православия. И, разумеется, учение то не сводилось к изложению примитивного миропорядка, тем паче, к дерзкому кощунству над общими святынями. Оно располагало своей оправдательной философией, обладало сонмом мучеников за право иметь свое место.

Андрей Ростиславич, разбирая догматы богомилов о сотворении мира, сравнил их с воззрениями павликиан, главными предтечами богомильской ереси. У тех, на земле существовало два начала – бог добра и бог зла. Второй – творец и властитель этого мира, первый же – лишь будущего. Отсюда павликиане выстраивали свою систему противоречивого мироздания. Сочетали с силами зла земную церковь, поэтому и отвергали все главные христианские догматы и таинства. Они совершенно отрицали Ветхий Завет, библейских пророков называли гнусными разбойниками. Из книг Нового Завета еретики признавали лишь четвероевангелие, «Деяния апостолов», ряд посланий апостола Павла, послания Иакова, три послания Иоанна, послание Иуды. Первоверховного апостола Петра люто ненавидели, именно за то, что он свято почитаем основателем самой церкви. Они приписывали ему защиту неравенства и угнетения. Павла же, наоборот, боготворили, видя в нем идеал христианского общежития, добра и справедливости.

Я нескромно проявил и свои познания, упомянув о читанном мною в Италии сочинении Козьмы Пресвитера (7) «Беседе на новоявленную ересь». Где писатель изложил, что во времена болгарского царя Петра (8) объявился некий поп Богумил. Козьма насмешливо обзывает его Богунемил. Сей выкрест и начал первым учить новой ереси. Автор подчеркивал, что адептами учения являются в основном люди простые и грубые, которыми учителя их вертят, как хотят. Козьма отмечал, что, умаляя пресвятую богородицу, богомилы стоят на том, что женщина отнюдь не ниже мужчины. Но коли оба пола созданы Дьяволом, то и различие их несущественно. Поэтому в богомильских общинах женщина участвует в требах наравне с мужчинами.

И тут я решил блеснуть: «Даже Евфимий Зигавен (9) отмечал, что среди богомилов обрелись женщины-иереи, которые правомочны, исповедовать и отпускать грехи».

Еще мы говорили о том, что богомилы проповедуют против семьи, считая рождение детей сатанинским попусением. И оттого, по их мнению, тот, кто думает о спасении души, не должен сочетаться браком и иметь детей. Естественно, они порицали и прелюбодейство. Богомилы проповедовали аскетический образ жизни, осуждали всякое стремление к мирским благам, презирали имущество и богатство, запрещали есть мясо и пить вино, поскольку все перечисленное учредил для совращения людей отец греха – Дьявол.

Тут, мне вспомнилась история тридцатилетней давности о самозваном архиерее ростовском Феодоре (10). Пользуясь попусением суздальского князя, тезоименитого нашему боярину, он занял место усопшего епископа, без согласия на то патриарха и митрополита. Этот возгордившийся Федорец закрыл церкви, начал гонения на иереев и монашество: стриг им бороды, колол глаза, распинал их по бревенчатым стенам. Сей нехристь хулил всячески богородицу, сомневался в божественной природе самого Христа. Ну, чем не богомильский выблядок? После смерти своего покровителя, лжеепископ был отправлен на исправление в Киев, в митрополию, где его и казнили, поначалу урезав язык, отрубив правую руку и выколол глаза. Воистину казнь достойная мерзавца.

Я совершил, опрометчивый поступок, вторгнувшись в надел, заведомо принадлежащий боярину: и по месту его рождения, и по близости к суздальскому столу, да и по его возрасту. В те времена Андрею Ростиславичу было за двадцать лет, он знал те события доподлинно, отнюдь не из чужих уст. Боярин не замедлил детально ниспровергнуть мою версию о Федорце ростовском. Я передам его рассказ:

– Князь Андрей Юрьевич так возгордился своей силой и мощью, что вознамерился поставить митрополита возле своей персоны. Подвигнуть киевского владыку на такой переезд было невозможно, и князь собрался учредить новую митрополию во Владимире своем стольном граде. Вовремя под рукой оказался годный к такому сану человек. Им оказался Феодор: женатый, белый поп. Выделялся он между прочими необычайной физической силой, зычным басом и заметной, царственной статью. Особенно отличало его необузданное своеобразие, грубая дерзость, упрямство и надменность.

К чести Феодора боярин не скрыл, что был тот священник необычайно начитан, весьма сообразителен и шустр на умное слово. Ловко владел риторскими приемами, к тому же увлекался философией, а это немало по тем временам. Андрей Ростиславич знал Феодора, тот производил на окружающих незабываемое демоническое впечатление:

– Человечище броский, стягивающий на себя внимание толпы. Каждый стремился попасть попу Феодору на глаза, заручиться его благосклонностью. И от того все заранее были готовы хоть в чем-то услужить ему. И сами, не ведая того, люди замороженные его статью и сладкоречием, притупляли бдительность, необходимую в общении с начальством, расслаблялись. А ему того только и нужно! Тотчас заглывал человека, подчинял его волю без остатка. И люди становились рабами Федорца. Но коли кто проявлял строптивость или, упаси господи, противоречил Федору, то уж тут – держись! Не было человека более ехидного и коварного. В зависимости от имевшихся слушателей, он смешивал строптивца с грязью. Добро бы, просто поддевал, смущал, так нет, будучи по натуре провокатором, он подсиживал, подставлял, наговаривал на человека невесть что, озлоблял против него присутствующих, а то и самого князя. Хитер был бестия, сметлив, изворотлив. Ах, была бы тогда моя воля, не сдобровать бы наглецу, выдрал бы я его! – разжегся Андрей Ростиславич.

Но оставим горячность боярина. Попробуем спокойно разобраться.

Князю Феодор-поп приглянулся еще потому, что его не следовало опекать и наставлять. Он сам напрашивался на столь высокое поприще. Ему требовалось лишь дозволение князя. Обретя которое, он сам бы пробился к цели, не стесняясь в любых средствах.

И вот, два честолюбия совпали. После светлого успения владыки Леонтия-Ростовского, князь Андрей умело провел Феодора в положение «нареченного» епископа Ростовского и Суздальского. Что дало тому полную власть в епархии еще до хиротонии. Будучи уверен в напористости и недюжинном уме своего ставленника, князь отправил его ходатаем к патриарху, просить о дозволении на новую митрополию, а заодно и своим рукоположением на нее. Но оба просчитались. Их опередил киевский Ростислав, в том же году снарядивший собственное посольство в Царьград, ради поставления на Киев митрополита-грека. Киевские послы поставались живописать патриарху Луке Хрисовергу (11) суздальского просителя, выставили того настоящим исчадием ада. Что естественно сокрушило чаянья Феодора, тот возвратился назад ни с чем. Хрисоверг отказал, ссылаясь на действующие правила, запрещавшие передел существующих границ митрополий.

Но позже, уже Всеволод Юрьевич, обратившись к истинным знатокам законов церковных, негласно уличил патриарха в подтасовке. Запреты действуют лишь на территории империи и не препятствуют внешнему росту церкви. И более того, другие каноны открыто вещали, чтобы церковное управление увязывалось с мирским, то есть была правда князя Андрея.

Приехав домой, Феодор не образумился, а возжелал заделаться архиепископом Ростовским с поставлением на кафедру самим патриархом, дабы не подчиняться киевскому митрополиту. Хрисоверг частично уступил, хотя опять слукавил, дозволив сан архиепископа, но хиротонию обязал осуществлять все же в Киеве. Федорец в митрополию не поехал, понимая, что там его после всех сделанных изобличений не только в «архи», но и, просто, в епископы не поставят. Уж лучше оставаться на Суздальщине «нареченным» владыкой, чем оказаться постриженным в дальнюю обитель.

Возникает вопрос, в чем таки обвиняли Феодора? Он, будучи женатым, отвергал иночество, как условие для приятия архиерейского сана. Велеречиво рассуждая, доходил вообще до отрицания монашества. Конечно, Феодор клеймил симонию, продажность иерархов, особенно насаждая на киевских. Кому могли понравиться его злобные нападки? В то же время он заносчиво носил белый клобук, что весьма раздражало и клир и мирян. Подобное вольномыслие и своеобразие подрывало весь церковный порядок, и было недопустимо.

После возврата Феодора из Царьграда его ждало открытое противодействие белого духовенства и иночества. И тут, Феодор закусил удила! На свое непризнание он ответил жестокой, бесчеловечной, расправой. Ему пристало использовать даже церковное наказание, по-латински *interdiktum* (12), он затворил во Владимире все церкви. Но сие – непомерная гордыня есть! Пришло увещание митрополита, да и пресветлый ум Руси Кирилл Туровский (13) корил Федорца в эпистолах к князю Андрею. И князь уступил давлению, а может статься, сам разочаровался в избраннике.

Неволей, явившись на суд митрополита Кирилла в Киев, где весь клир был озлоблен на Суздаль за недавний погром города, Феодор понес неизбежное, суровое наказание.

Да, на многие вещи из недавнего прошлого открыл мне глаза Андрей Ростиславич. Так мы проговорили с боярином больше часа. Выходило, что мы знаем о богомилах гораздо больше, чем они сами знают о себе. Зачем тогда слушать проповедь еретика Ефрема, зачем терзать в подземелье свои сердца? Но все правильно, мы получили неоспоримые улики. Правда, против кого? Вот о том теперь и стоит порассуждать...

Примечание:

1. Ариане – не принимали один из основных догматов официальной христианской церкви о единосущности бога-отца и бога-сына (Христа); по учению А. Христос как творение бога отца – существо, ниже его стоящее.

2. Несториане – утверждали, что Христос рожден человеком и лишь впоследствии воспринял божественную природу, внешним образом соединившись со вторым лицом троицы – богом сыном.

3. Школии – *schola* (лат.) от *schole* (греч.) – учебное заведение, система образования.

4. Монофизиты – сторонники христианского учения, как реакции на несторианство, М. трактовали соединение двух природ во Христе, как поглощение человеческого начала божественным. Осуждено Халкидонским собором (451).

5. Пелагиан (ство) – учение христианского монаха Пелагия (ок.369 – посл. 418), в противовес концепции благодати и предопределения ставило «спасение» человека в зависимость от его собственных нравственно-аскетических усилий, отрицая наследственную силу «первородного греха». Осуждено как ересь на 3-м Вселенском соборе (431).

6. Иконоборцы – участники религиозного движения в Византии в 8—9 вв. направленного против культа икон, отчасти спровоцированного павликианами.

7. Козьма Пресвитер – Козьма Пресвитер (предпол. вторая половина X в.), болгарский епископ.

8. Царь Петр – царь I Болгарского царства (927—969).

9. Евфимий Зигавен – Евфимий Святогорец (955—1028) византийский писатель, родом из Иверии.

10. Епископ Феодор – епископ Ростова и Суздаля (+1173)

11. Лука Хрисоверг – византийский патриарх (вторая пол. XII в.)

12. *interdiktum* (лат.) – интердикт, запрещение, временный запрет совершать на территории, подвергшейся наказанию, богослужение и религиозные обряды.

13. Кирилл Туровский – епископ г. Турова (ок.1130 – до 1182), древнерусский писатель, проповедник, автор торжественных «Слов», поучений, молитвенных канонов

Глава II

В которой боярин Андрей пытается осмыслить богомильский след, а Василий в буквальном смысле ищет его.

Выявление богомильского вертепа никак не вытеснило из сознания Андрея Ростиславича основную цель наших действий: поиска убийцы библиотекаря Захарии. Размышления боярина постоянно вращались вокруг таинственной смерти.

Меня же занесло в рассуждения, кстати, довольно здравые, о несомненной связи меж богомилами и останками поклонников древних культов, блуждающих по дальним весям. Язычников по-прежнему наставляют неусмиренные кудесники, что таятся по лесным чащобам. Волхвы те люто ненавидят христиан и являются желанными союзниками ересям и толкам, изобильно плодовитых в русских киновиях. Словно садовая тля самовозрастают в злопахательных потугах те лжеучения. Я хотел развить мысль к тому, что демоны – суть идолы славянских верований, как никто лучше отвечают низвергнутым ангелам богомилов, и у тех, и у других много общего. В древних сказаниях на первом месте стоит противоборство добрых и злых сил, достаточно вспомнить вражду Белобога и Чернобога. Но боярин не дал досказать, молвив, что мысли мои заслуживают особого внимания, и так походя грешно разбрасываться столь глубокими рассуждениями, лучше вернуться к ним в более располагающей обстановке. Я не стал супротивничать.

– Василий, меня посетило одно соображение! Надеюсь, ты поймешь меня. Антипий постарался навязать нам версию, – поймав мой недоуменный взгляд, поправился. – Ну, ладно, пусть без умысла преподнес, что убийство Захарии обусловлено его связями с богомилами. Давай-ка, покумекаем...

Положим, Захария, вхож к еретикам, и, повздорив с ними, угрожал выдать их тайну. Его умертвили за день до приезда Владимира Ярославича, стало быть, он собирался объявиться именно князю. Допускаю, что настоятель Кирилл знал о том, что в обители обосновались богомилы, но, благоволя к ключарю Ефрему, почему-то не пресекал его омерзительных упражнений. Вот библиотекаря и выпало воззвать к княжьей справедливости. Богомилы же, предугадав возможное развитие событий, жестоко упредили Захарию. А что им оставалось, – не на дыбу же идти? Чем не повод для кровавой расправы, речь ведь шла о жизни и смерти вероотступников. А, что им еще делать? Но это лишь на первый взгляд...

Андрей Ростиславич рассеянно улыбнулся, но я знал, его мозг безостановочно работал:

– Пока мы пытались отыскать богомильские корни, одна мысль, возникнув, не дает мне покоя. У оголтелых еретиков, а у богомилов особенно, пострадать за собственную веру слывет достойным уделом. К чести отступников скажу, что, как правило, людей слабых духом, изворотливых ничтожеств, пройдох всяческих у них не держат. К тому же там неуклонно соблюдают, пусть доморощенные, но нравственные заповеди, «не убий» – главная из них. Навряд бы они безоглядно ринулись спасать свои шкуры, не гнушаясь смертью человека. Я допускаю, может статься, в сей обители, собрались богомилы особые, неправильные. Вот и банщик-содомит в их среде, а мы то знаем с тобой, что люди порочные, как правило, и подлы. Пусть экононом Ефрем труслив и беспощаден, но он должен разумеет, что всякое тайное, рано или поздно становится явным. Не Захария, так иной кто все равно бы донес на них. Так, что всех подряд убивать?

Да, многое не вяжется. И я уверен: на убийство они не пойдут, даже будучи отъявленными негодьями, уже потому, что откройся то злодейство – покаянием и ссылкой не отделаться. И еще добавлю, лишить человека жизни не просто, тут нужно особое нутро, а они людишки мирные, воцерковленные. Из них никто не посмел бы поднять руку на Захарию:

и по воззрениям своим, да и по складу своего естества, у них просто духу не хватило бы. А главное, зачем?

Боярин перевел дыхание и опять предался гадательным рассуждениям:

– Учти, мои рассуждения основаны на том, что якобы библиотекарь собрался их выдать. Ну, а если у него тех мыслей отродясь не было, тогда как? Ну, а коль он совсем с ними не ссорился? Надобно бы откровенно, без обиняков поговорить с богомилами, хотя по душам, скажу тебе, скорее всего не получится. По княжьему уставу я обязан принять меры против любой крамолы, а тут бесчинствуют еретики, пусть даже не убийцы, – все равно, мы должны искоренить инакомыслие. Сегодня же по утру обо всем доложу князю, пусть он призывает владыку и учиняет церковный суд. Настоятеля Кирилла, по всей видимости, сместят, да и поделом, совсем запустил монастырь.

Считаю, что под стражей богомилы станут более покладисты. Глупо в их положении оберегать монастырские тайны, им уже нечего терять. А утопить ближнего, когда сам идешь ко дну, человек всегда готов, даже при всем своем благочестии. Не станут они порывать добреньких благодетелей, а уж гонители их, так те хулы не оберутся

В этой обители каждый кулик себе на уме, пока не прижмешь крепко, никто толком ничего не расскажет, не объяснит. Хотя я убежден, – знают, но набрали в рот воды, полагая, что умолчание лучше откровения. Уж так устроены люди, правду только клещами вытягивать, добровольно не хотят признаться. Впрочем, угроза дыбой любому молчуну развяжет язык! Люди, они как думают: считается, скажет он правду, так ему зачтется. Глупцы! У дыбы свой суровый закон! Она как жернов перемелет и зерно и плевелы. Мельнице лишь бы крутиться, а там, что не клади под камень.

Вот, не было счастья, так несчастье помогло! Подвернулись под руку эти отступники. Но совесть моя чиста, не по напраслине людей понуждаем. Да и кто-то должен, наконец, сказать правду?

И еще хочу отметить, – ныне я самый большой враг убийце. Коль злодей не дурак, то должен избавиться от меня, как и от Захарии. Ибо, даже не догадываясь, что мне известно, он уже боится. Ты поймей это в виду. Кстати, ты еще не знаешь каково быть агнцем, обреченным на заклание, ожидать готовящейся расправы не ведомо от кого?

А вообще-то, Василий, я не шучу. Я уверен, доподлинно убежден, наша любознательность, уже многих лишила покоя. Посему инок, мой любезный, будь готов ко всякой случайности. Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь, но боюсь, как бы ни отыгрались на тебе. Раскаиваюсь, что втянул тебя, не подумав. Хотя, вышло как-то само собой, без умысла с моей стороны. А, может быть, я слишком накручиваю, возможно, и не стоит бояться. Ну, уж нет! Нюхом чую, не чисто тут, в воздухе витает опасность, кровью пахнет!

Ну, да ладно, не буду стращать тебя. Иди-ка лучше вздремни, да и я прилягу. Ну, а потом, как и намечено, с рассветом отправлюсь к князю Владимиру Ярославичу.

Странно, но спать мне совсем не хотелось? Верно, возбужденный мозг, еще не отошел от ночных переживаний и нуждался в подпитке горючим материалом, в виде новых соблазнов и страхов. А они носились в воздухе. Мне пришла блажь обследовать богомильскую крипту-капище, а заодно разведать лаз из кладбищенской часовни. Внутренне чутье подсказывало, что мне особенно некого опасаться. Несомненно, после ночного бдения сонные еретики завалились дрыхнуть, да и какой им резон охранять пустую молельню.

Снарядившись на скорую руку, под покровом предутренней тьмы я отправился на погост. По пути от гостиницы до кладбищенской калитки мне никто не встретился, и, слава Богу. Монастырское кладбище представляло собой поросший редкими деревцами треугольный участок земли. Его тесно зажала стена с двумя башнями и цепь приземистых строений, наиболь-

шим из них являлась молярня. Так никем не замеченный, по узкому проходу меж припорошенных снегом надгробий, приблизился я к часовенке.

Ущербная луна, выглянув из-за облачной мглы, осветила ангелка с обломанными крыльями, водруженного на пику четырехскатной кровли. Я даже различил выражение его лица: по детски наивное, оно, в то же время, не поощряло моего любопытства. Но меня не останавливать! Готовый к неизбежным препонам, я с силой потянул обрешеченную железом дверцу склепа, странно, но она подалась весьма легко. Я юркнул вовнутрь. В обступившем мраке, изрядно намучившись, я, разжег лампу и огляделся. Часовня изнутри проросла густым слоем инея, скрывшим за искрящейся опушкой признаки церковности, возможно то и к лучшему, ибо спуск в подземелье не вызывал покаянных мыслей.

Посреди часовенки на невысоком постаменте, размещалась грубая каменная колода, плотно накрытая гладко тесаной плитой. Сдвинув тяжелое покрытие, снизу мокрое и заплесневелое от потоков тепла, исходящих снизу, я осветил нутро колодца. Вниз уходила кованая лесенка, не мешкая, ступил я на ее заиндевелье перекладины. Пригнув голову, усилием плеч изловчился задвинуть на место крышку люка. Негоже понуждать стороннее любопытство, избобличая собственную пытливость.

Чем ниже я спускался, тем суше становились стенки люка, тем тверже стоял я на ступеньках. Но вот под моими ногами возникла твердая почва. Повернувшись, ступил я в проход, покато уходящий вниз. Вскоре он вывел меня к преддверью крипты, откуда расходилось еще два хода. Один, наш вчерашний, ведущий к центру обители, другой спуск к реке. Вытянув вперед руку с фонарем, освещая дорогу, вступил я под своды подземной залы.

Вырубленное в податливом известняке просторное помещение правильными формами походило на храм-ротонду. Удивительно, но гладкий куполообразный свод сообщал пространству внутреннюю легкость. Совершенно не ощущались толща земли, нависшая над головой, и даже воздух, наполнявший капище, был чист и свеж. Особенностью крипты было то, что кроме каменного аналоя напротив входа, ничто более не привлекало стороннего взора. Я еще не встречал в жизни столь пустого чертога. Дальнейший осмотр позволил обнаружить два неглубоких алькова внизу за аналоем, да высверленные в стенах отверстия под факелы. Сообразив, что если в крипте и имеется тайник, то мне его никак не отыскать, я удрученно направился к выходу.

Попав в темный коридор, в противоположном от спуска направлении, к своему ужасу, я различил всполохи огня. Прикрыв фонарь полой рясы, преодолевая естественный страх, поспеваю за ускользящим светом. Сократив вполовину разделяющее нас расстояние, я отчетливо распознал черноризца, убегающего в глубь подземелий. Прячась за уступами стен, со всей осторожностью слеую за ним, неуклонно уменьшая разрыв между нами.

Беглец свернул в отсек, ведущий, по моим понятиям, к церкви. Страх мой ушел, стоило мне сопоставить наши стати, найдя их в свою пользу. Подогреваемый азартом, я оклинул инокка. Но тот, прибавив ходу, внезапно отбросил от себя горящую лампу и устремился во тьму. Разлившееся от удара лампадное масло ярко вспыхнуло, преградив мне путь. Перепрыгнув через палящий костер, выставив собственный фонарь, уже не таясь, я вознамерился догнать хитреца. Но не тут то было. Он словно испарился. Сделав остановку, я стал высвечивать изломы подземного коридора, вскоре в толще стены мне открылась ниша с крутыми ступенями. И тут я отчетливо услышал стук закрываемой сверху дверцы.

Не помня себя, что было сил, я ринулся наверх. Со всего маху приложился к створке, рассчитывая сшибить чернеца с ног, коли он замешкался. Воротина от удара легко распахнулась настезь. Я оказался за кивотом в проеме столпов храмового придела. Отметив с отрадой, что чутье меня не подвело, я попытался в церковном полумраке обнаружить преследуемого монаха. Но тщетно. Среди в изобилии молившихся коленапреклоненных иноков мне его не найти. Тут лязгнула входная дверь, должно беглец успел покинуть церковь. Глупо гоняться

за призраком. Загасив фонарь, я со смирением вышел на улицу. Еще не светало, однако утро уже наступило. Безумно хотелось спать, я не чаял, как дошел до кельи и рухнул, не разоблачась на голую скамью.

Глава III

Где князь Владимир Ярославич сердится, а боярин Андрей все улаживает.

После утренней трапезы Андрей Ростиславич счел нужным подробно поведать мне о встрече с галицким князем. Князя Владимира, к недовольству нерадивых гридней, пришлось разбудить ни свет – ни заря, но дело того стоило. Отрадно, что галицкий властитель, не привередничая спросонок, оставаясь в исподнем, принял у себя в почивальне. Боярин детально обрисовал ему неприглядную монастырскую явь. Сделал упор на том, что начальствует у еретиков влиятельный инок – ключарь, по сути, доверенное лицо настоятеля. Владимир крайне поразился новости и спешно послал за мечником. Он негодуяюще возжаждал сурового розыска, хотел немедля заковать «в железа» хриstopродавца Ефрема купно с беспутными иноками.

– На дыбу, только на дыбу мерзавцев! – запальчиво воскликнул сын Ярослава. – Велю палачу, – жилы вытянет из злодеев! Ишь, чего не хватало – дедовскую веру поганить, болгар с мадырами в учителя записать. Чтобы подобно шлюхам из лупанария (1) пластаться пред латинством поганым, – и облизав пересохшие губы, заключил. – Я-то распрекрасно понимаю тех, кто издали натравливает еретиков, они тшатся порушить православие, сделать нас духовными сиротами.

Было видно, что князь, недавно вернувшийся из плена, помимо венгров, заодно взбеленился на всех схизматиков вместе взятых. Всякое поползновение на русский дух, всякая, даже мельчайшая, измена русскости воспринималась им как посягательство на его независимость, как нравственную, так и личностную.

Боярин Андрей, пытаясь охладить княжий пыл, пояснил существо дела. Следовало помнить, что киевский выкормыш игумен Кирилл, подвизаясь на правоведческом поприще, считался большим докой в церковном законе. И просто так, за здорово живешь, его не обойти. По бытующим церковным правилам каждая христианская обитель находится в полной юрисдикции отца игумена. На территории монастыря лишь он вправе вязать монахов. В противном случае не оберешься нареканий от церковных владык, в особенности киевского предстоятеля. Подобало семь раз отмерить, прежде чем ввязываться в тяжбу с киевским клеветом.

Но владетель галицкий взбеленился не на шутку. Клял беспутные церковные законы, лишившие его полноты власти в собственном уделе. Договорился до того, что сказал: «Плевать я хотел на киевских скопцов, потатчиков разврату. Не указ Рюриковичу греческие евнухи и их русские прихлебатели!». Сильно было сказано.

Как мне кажется, сам Ростиславич подлил масла в огонь, исподволь возбуждая в князе ненависть к православным иерархам, и в первую очередь к киевскому, так как всей душой разделял противостояние Всеволода Юрьевича митрополиту Никифору. К тому же ведая кумовство гречина со Святославом Вселодичем, великий князь знал об их взаимном наушничестве цареградскому кесарю и патриарху. Следствием той давней вражды явилось настоятельное желанье сыновей Долгорукого учинить собственную митрополию. При том боярин Андрей понимал, что следует поступить благоразумно, надлежит пригласить епископа Галицкого в монастырь. Чтобы он, по праву святительского сана, дозволил розыск еретиков в обители. А пока, нужно призвать настоятеля Кирилла к порядку и посадить уличенных иноков в поруб. Опечатать, предварительно описав, их имущество и книги. Князь Владимир Ярославич, покобенившись, внял доводу разума.

Здесь же, в опочивальне, не долго гадая, общими усилиями сочинили грамотку владыке Мануилу. Князь наказал доставить преосвященного хоть прямо с амвона, ибо промедление не допустимо. А коль владыка станет препираться, то пусть везут силой. Гонец стремительно ускакал в Галич.

Послали за настоятелем. Тут уж, закусив удила, усердствовал мечник Филипп. Уж он то без колебаний, окажи игумен непочтение, показал бы иерею, где раки зимуют.

Кирилл явился без задержки. Вид имел обиженно-недовольный, зло оглядывался на мечника, наступавшего ему на пятки. Очевидно, Филипп грубо обошелся с настоятелем, что впрочем, не делало ему чести, ибо страж знал об уготованной Кириллу участи. Да и князь повел себя не лучшим образом. Когда игумен, сообразив, что попал в переделку, в попытке сохранить приличествующее сану лицо, как равному пожаловался князю на доuku, чинимую постоем дружины, то его не стали слушать. Владимир Ярославич, намеренно повернувшись к иерею спиной, взялся отдавать тиунам какие-то малозначимые приказания. А когда Кирилл в разумных пределах повысил голос, князь досадливо отмахнулся от игумена, как от прилипчивой мухи. Тем самым поверг чернеца в окончательную досаду.

Не зная, что предпринять, да и вообще, как себя вести, Кирилл, проявив твердость, спросил к боярину Андрею: «Ко времени ли он?» И Ростиславичу пришлось взять на себя смелость, растолковать игумену причину столь поспешного вызова. Настоятель, ошеломленный удручающим известием, просто опешил. Потеряв дар речи, он в ужасе закатил глаза, того и гляди рухнет на пол в припадке, подобно Антипию рубрикатору, но, слава богу, обошлось.

Вернув самообладание, игумен взялся лукаво упорствовать, не признавая существования в обители богомилов. Он тщился уверить боярина, что тот ошибся, мол, виденное им речение отнюдь не богомильская треба, а так, какое-то недоразумение. Несчастный иерей договорился до того, что даже призывал боярина не верить глазам, намекая на зрительные видения и чуть ли не на помутнение рассудка. Что было уже слишком. Даже благопристойный Андрей Ростиславич чуть не взорвался от подобной наглости. Собрав волю в кулак, он терпеливо и толково пояснил Кириллу о невозможности ошибки, и более того, обрисовал весь ужас положения самого игумена.

Тут, не вытерпев пустопорожних препирательств, вмешался сам князь, ему прискучило играть роль стороннего наблюдателя, пришла пора показать упрямому игумену, кто здесь главный. Пообещав набить изумленному строптивцу колодки и отправить в острог, коль тот станет препятствовать розыску, князь потребовал у настоятеля согласия на арест еретиков. Гневные речения князя парализовали волю и без того перетрусившего иерея. Полностью уяснив серьезность своего положения, Кирилл уже и не помышлял упираться. До него, наконец, дошло, что самое лучшее в его положении оказать всемерное содействие следствию, глядишь, и пронесет мимо. И игумен безвольно закивал головой, согласный на любые назначенные условия.

Князь Владимир, отдав мечнику последние распоряжения, как бы невзначай, для пущей остроты, перечислил мучительные наказания, которые заслуживают еретики. Неумолимый жернов княжеского самовластия стал с грохотом раскручиваться. Окрыленный княжеским напутствием служака Филипп поспешно отправился сажать под стражу эконома Ефрема, дьякона Фотия, банщика Якима, иноков Федора, Макара, Прокопа и Филиппа. К слову сказать, припадочного Антипия боярин просил пока не трогать.

Авва Кирилл с посеревшим лицом, чуть дыша, ни жив – ни мертв, переводил вопрошающий взор то с князя Владимира, то на боярина Андрея. Игумен в ужасе пытался предугадать, а что же станет с ним самим?

На вопрос Андрея Ростиславича, как же допустили разгул еретиков в обители, Кирилл обреченно повинился, от всей души стараясь выглядеть искренним.

В самом деле, внезапная весть о богомильских радениях в обители явилась для игумена ударом под дых. Разум его отказывался воспринимать случившееся. Он все еще таил надежду, что произошло чудовищное недоразумение, и все вскоре благополучно разрешится. «А уж коли, нет, – плакался он, – то пусть бог немедля лишит меня живота! Лишь бы не уязвляться позором, ведь это клеймо на всю оставшуюся жизнь!».

В наказание Кирилл обязался принять самую суровую схиму, какая только есть. Он вознамерился изуверски покарать себя. Ибо нет прощения пастырю, который проворонил паству, позволил угнездиться греху и пороку в ее рядах.

Но каковы черноризцы-то? И уж на кого Кирилл никак не мог подумать, так на Ефрема ключаря. Неужто этот распорядительный и прилежный инок сподобился подложить такую пакость. Подумать только: Ефрем ни разу не навлек на себя недовольства настоятеля, ему всегда доверяли, считали кристально чистым. Ишь как затаился мерзавец? Вот после всего... и доверяй людям.

Впрочем, боярину Андрею было уже не до эконома Ефрема, – главное не сплеховать, не растележиться. Не дать варнакам разбежаться. Железо куют пока горячо! Тихая до сего дня обитель еще не знала, что в ее мирной жизни произошел ужасающий перелом.

Приложение:

1. Лупанарий – публичный дом.

Глава IV.

В которой Василий настораживается, но на попятную не идет.

Я удивился, когда спустя час придя во храм, обнаружил, что монастырская верхушка наличествует на утрени не в полном составе. Что явственно ощущалось по вопросительным взорам и взволнованным репликам чернецов. Ибо по обыкновению, именно старшины в первую очередь приковывают благовейное внимание нечиновных иноков. Осмотрясь, я заметил, что даже ряды самой братии, в полуночи кучно заполнявшей церковь, ощутимо поредела. Не стоило изошряться, чтобы понять причину столь редкой необязательности черноризцев, не говоря уж о пастырях. Резон лежал на поверхности, определенно, князь Владимир Ярославич привел в исполнение обещанный план.

Хвалитны тянулись по-сиротски. Пресвитер вершил требу без вдохновенного огонька. Нудно и тоскливо отбивал пастырь положенную повинность, потому и причт не проявлял рвения, нехотя и нерасторопно, точно лунатики с обрюзгшими лицами, слонялись служки по амвону. И сие нехорошо, ибо по уставу строго-настрога возбранялось бездушное богослужение. А что тогда спрашивать с неполно наличествующих монахов и послушников? Недоуменно переглядываясь, явно тяготясь службою, понуждаемы они были стоять утрени лишь из заведенного порядка. Знаю по себе, при общей расхоженности, в головы чернецов лезет не столь молитвенное чтение, сколь пустые досужие домыслы и вредные кривотолки.

Вздых облегчения прошелестел по рядам иноков, стоило службе завершиться. Черноризцы разом, как по команде, всем скопом устремились к выходу, в минуту церковный корабль обезлюдил, даже причт мигом ускользнул неизвестно куда. Я поддался общему настрою и бездумно поспешил втиснуться в сбившуюся в проходе гурьбу братии, обезличенную из-за полутьмы.

И тут, некто довольно верткий, ловко прошмыгнув мимо, будто и не ко мне произнес: «Иноче, большой грех берешь на душу. Поплатишься еще!» Я порывался ухватить его, да куда там, руки не воздеть, так сдавила окаянная толпа. Чтобы догнать нечестивца и речи не было. Монахи толклись, как слепцы без поводыря, а с моей статью пропихнуться меж них, увы, не так просто. Но наставления боярина не прошли даром, во всполохе лампы я успел узреть на тощем плече юркого обидчика стежок заштопанной прорехи. Мелькнула мысль: «Ага, есть коготочек-то!? Ну, беги, беги, милоч. Далеко тебе теперь, все равно, не убечь».

Но вот и свежий воздух! Вдохнув полной грудью и как-то разом захмелев, я раздумал затевать поиски щуплого наглеца. Да и кого разыщешь-то в полутьме. Осталось вернуться в странноприимный дом. На мою удачу встретился Варлам оруженосец, он торопился к Андрею Ростиславичу. Гридня и поведал мне, как прошло взятие под стражу еретиков.

Я все больше и больше удивлялся проворству суздальской дружины, отличившейся в задержании богомилов, и особенно хватке ее воеводы. Опытный в розыске дядька Назар, недаром столько времени состоял при мечнике, рассчитал все, как по нотам.

Первым делом выудили из-под пуховика утробистого эконома. Ефрем, не взяв в толк, почто за ним пришли, поначалу нагло огрызнулся, грубо перечил, козыряя своим саном. Испытав неослабевающий праведный напор, поняв, наконец, что с ним не шутят, инок пытался усювестить, увещевать гридней. Но только раззадорил молодцов, те, не упустив случая, отвесили ему смазную оплеуху, ключарь живо присмирел и впредь вел себя покорно. Варламу видно доставляло явное удовольствие помыкать людьми, ранее бывшими в силе, он злорадно усмехался: «Знай, дядя, – не век коту масленица! С нашими парнями не шути!»

Таковая же участь постигла переписчика Феодора и черноризца Макария. Те олухи препирались совсем уж не по чину. Со слов Варлама, а малый не выбирал выражений, строптивые

чернецы получили по первое число. Первый из них оказался уж шибко начитанным, но быстро растерял свою грамоту, схлопотав пару увесистых тумачков, завыл затюканной благошей. Макарий же, тот – задиристая гадина, первым бросился драться. Ну и отведал, по самое «не хочу», аж потом отливали.

Банщик Якимий, тот сразу не разобрал, за какой такой грех его подгребают. Он в одном исподнем ползал в ногах гридней, умаливая пощадить его. Варламу-то было невдомек, но я сразу смекнул, отчего трепетал Яким: в народе с мужеложцами расправлялись беспощадно. Когда я пояснил оруженосцу опасения банщика, парень сожалеючи заметил:

– А мы и не знали про его вонючие шалости. А то бы полено в ж... вставили и, – чеши вперед с песней! – и заржал по-жеребьячи (веселый, однако парень – меченоша Варлам).

Монашек Прокопий, должно заранее предугадывал свой плачевный конец. Он безропотно встретил уготованную участь, покорно оделся, но, оказавшись за порогом кельи, не выдержал и заплакал, сердечный. Варлам пожалел Прокопа, как жалеют несмышленных детей и прикормленных животных.

Черноризца Филиппа взяли в трапезной. Он, было, хотел прибегнуть к защите келаря, но затея оказалась пустой. Поликарп, сообразив в чем дело, мигом ретировался.

Дьячка Фотия, как ни бились, найти не удалось.

Выслушивая Варлама, я досадывал, что все вершится без моего участия. По пути в гостиницу я выскребал в недрах своего воображения обидные домыслы: «Быть может, боярин не во всем доверяет мне? Да и кто я ему, высокородному князьему мужу, – так никто, приبلудный монашек, калика перехожий, пристрял в дороге, сущий пустяк, – и обуяло сомнение. – Уж не зря ли я сошелся с боярином Андреем? Не во вред ли себе радею его промыслу? А не прав ли, давешний вития, предостерегший меня?»

Но стоило мне оказаться в келье Андрея Ростиславича, увидеть неподдельную радость боярина при моем появлении, всю ему только свойственную деловитую поспешность, как я застыдился опрометчивости недавних суждений: «Какой же ты, Василий, щепетильный и самолюбленный. Так и мнишь, что норовят ущемить твою гордыню, обойти тебя, обделит в чем-то. Пора изживать дурные черты», – укорял я себя.

Андрей Ростиславич радушно подтолкнул меня к лавке, мол, усаживайся поудобней и, по-хозяйски обратившись к Варламу, весело спросил:

– С чем пришел меченоша, всех злодеев переловили?

Гридню испытующе посмотрел на господина, прикидывая, как воспринять его шуточный тон. Решив остаться серьезным, почесав макушку, насуплено сообщил, что намеченные боярином черноризцы, за исключением одного лишь Фотия, посажены в поруб. Уловив неудовольствие боярина, незадачливый докладчик, удрученно склонив выю, пояснил:

– Гридни перевернули всю обитель, но того и след простыл.

Желая выгородить безвинного оруженосца, я сочувственно заметил:

– Покорну голову и меч не сечет, – и выжидательно замолчал.

Боярин же внезапно вспылел, широко разведя руки в стороны, раздраженно выкрикнул:

– Так ищите! У вас есть воевода? Неужто нельзя было догадаться послать разъезд по шляху. Опросите смердов, приструните арестантов, – внезапно смекнув что-то, уточнил. – А в подземелья-то спускались? – не получив утвердительного ответа, закачал головой. – Ну, братцы, даете! Как же так оплошать? – и уже деловитым тоном, посоветовал. – Ступай, спроси у келаря толковых тиунов, пусть проведут по ходам. Да все лазы перекройте! – и уже по-доброму напутствовал. – Бог в помощь, не обмишурьтесь.

По всей видимости, боярину некогда было разглагольствовать. Не обращая на меня внимания, он прошел к столу и взялся сосредоточенно черкать на коричневом листе, причем столь размашисто, что брызги летели из-под пера. Порой, он отрывал взор от написанного, смотрел в потолок, машинально грызя кончик стилоса, даже раза два поднимался со скамьи, промери-

вал келью аршинными шагами. Но вот, завершив письмо, сложив треугольником, он запечатал его своей личной печаткой. Потом, поглядев рассеянно в мою сторону, спрятал конверт в нутряной карман кафтана. Я и по сей день не ведаю, что содержало то послание и кому оно предназначалось.

Но вот, черед дошел и до меня. Андрею Ростиславичу не пришлось долго объяснять, я заранее просчитал наши предполагаемые ходы.

До приезда архиерея Мануила нам предстояло перебрать скарб колодников и опечатать их имущество. Мне же поручалось разобрать их книги, поминальнички, прочее письмо, коли отыщется. Короче говоря, мы были обязаны, отделить семена от плевел, а уж если быть совсем точным, должны найти у колодников крамолу.

Глава У.

Где обшаривают у эконома и находят зловредную книгу.

После вынужденного замешательства, вызванного ожиданием особы отца-настоятеля, наша, теперь уже весьма представительная, процессия ступила под своды иноческого общежития.

Впереди семенил, пришаркивая, келарь Поликарп, с измученным выражением лица и темными нимбами у глаз, следствием постоянного недосыпания или иной еще какой хвори. Его узкая согбенная спина отнюдь не изобличала хозяина монастырского добра, – царя и бога корпящей в каждодневных послушаниях братии. Сказывали, вчера еще бравый тиун, он постарел за эти сутки, скукожился, будто продырявленный мех.

Следом продвигались, негромко переговариваясь, настоятель и Андрей Ростиславич. Отче Кирилл тщился выглядеть по-прежнему сановным, хотя тоже заметно сник и даже как-то повылинял. Окружающие, разумеется, понимали, что теперь не он здесь главный, планида игумена катилась к закату. Боярин же Андрей, наоборот, являл своим бодрым обличем душевное здоровье и властность.

За старшинами поочередно топали княжий мечник Филипп, воевода Назар Юрьев и три гридня, среди них выделялся косоглазый здоровяк, верно половецких кровей. Я, сотворив значительную мину на лице, шел предпоследним. Замыкал шествие незнакомый мне пожилой черноризец, из ближнего круга отца игумена. Я чуть поодстал и участливо, подстраиваясь под манеру простецов, заговорил с монахом:

– Вот, дела-то какие, что теперь будет? Не сдобровать богомилам подпольщикам?

– Да уж, и не говори отче, – ответил инок, тяжело вздыхая. – Попались, как кур во щи. И чего не хватало: в почете ходили, сыто ели, сладко пили. Не пойму я их? Толи черти попутали, толи изначально были испорчены, – помолчав, добавил совсем покаянным тоном. – Да, печально вышло, и как мы их не углядели? – и внезапно, словно отряхнувшись от дремы, прибавил уже без всякого сострадания. – А, впрочем, поделом изменщикам, пушай знают, где раки зимуют! – И отвечая на мой немой вопрос, пояснил. – Все они искарюты и хапужники! Взять банщика, – вредный человечиска, так и следил окаянный, чтобы братия лишнюю плоску кипятка не поимела. А ключарь Ефрем, – тот жмот похлеще! Заставлял старые голенища к сапогам пришивать, лежалое сукно втюхивал. А рассуждал, что твой Златоуст, сказывал все баснями, притчами. Да мораль-то у него одна: «Знай сверчок свой шесток». Думается мне, что он из жидов, болтали люди всяко. Ссужал денежкой, вроде помогал, а драл, подлец, крепко! Все они гнилой яблони падаль, не люблю я их. Пушай, теперича пострадают, отведают стервецы почем нынче лихо!

Внимая черноризцу, я определенно узнал мнение рядовых киновитов (1). Получается, монахам богомилам не стоит надеяться на сочувствие собратьев, осуждают их простые чернецы. И это правильно, негоже плыть супротив течения, да еще и других к гнилому делу подначивать, считая их полными идиотами. Добавлю только, – гордыня гордыней, но и червь мшелоимства давно угнездился в отверженных душах. Жадность, она всякому пороку голова, корысть – любому преступлению мать.

Первыми к осмотру наметили хоромы отца эконома. Жил Ефремище роскошно, будто и не мних вовсе. По стенам расшитые гладью убрusy, на резной лавке подушки пуховые. По углам поставцы и лари замысловатые гнездятся. Канделябров и кадилниц не счесть. Не келья, а светлица знатного торговца.

Гридни слушали указания боярина, едва скрывая нетерпение. Они жадными глазами оглядывали келью ключаря, предвкушая учинить великий погром.

Но вот дана команда приступать, и перья полетели по горнице. Должно, еще никогда с таким тщанием не обследовалось убежище еретика. Облазали буквально все и вся, даже вскрыли половицы, уповая углядеть крамолу в подполье. Но, кроме носильного барахла, да запрятанных по щелям грошовых заначек, как не старались, ничего путного не отыскали.

Я же принялся сносить на стол экономовы книги. Насчитал ровно тринадцать штук (чертова дюжина). Была там шивка «Шестоднева» (2) – подробного комментария к сотворению мира, с описанием всяческих чудес, поясняющих непостижимость промысла божьего. Свод сочинений почтенных святителей и преподобных отцов наших Иоанна экзарха болгарского (3) и Григория Низианзина (4). Первый, помнится, сказывал о тщетности геометрии и всей легкомысленной суете человеческого ума. Пузатилась рыхлая «Палея» (5), с изрядно выцветшими, но благолепными миниатюрами поучительных историй ветхозаветных. Источало мед бунтарского соблазна «Девгениево деяние» (6), повествующее о ратных и любовных похождениях богатыря Девгения, сына аравийского царя Амира. Уже греховная книга! Вот и «Александрия» (7) – сказочно диковинное житие Александра Македонянина. Чтение занимательное, однако, гордыню и безбожие сеет обильно. Еще, какие-то три рукописи – патерики (8) забытых обителей.

А вот и находка, да какая! «Книга волхвов» (9) – наименование сей пухлой рухляди. Сочинение запретное. Однако и по сей день глупая братия тайком ее переписывает, хранит с опаской, дает прочесть при условии клятвенного обещания не выдать хозяина книги. Впрочем, писанина пустая и глупая, проку от нее даже для ворожбы никакого. Так, одно языческое невежество.

Дальше больше, беру в руки «Видение Исаии» (10) – вот уж точно богомильская книга. Я слышал об этом подложном сочинении, рассказ в котором ведется якобы от имени пророка Исаии, воочию видевшего потустороннюю борьбу сатаны и его воинства с силами благочестия.

Бог, ты мой, а это что за расхристанный пухлый манускрипт? Интересно, писано по-славянски, так то – «Разумник» (11)! Слышал, слышал я и про эти богомильские бредни, примитивный сборник, в котором ученые сведения о мире дичайшим образом переплетены с невежественными суевериями, а что еще гаже, с самым неприглядным язычеством.

А вот и венец моих поисков – «Тайная книга вождей». Мне известно, что сие мракобесие, переведенное на латынь, в великой скрытности гуляет и по итальянским землям, ибо и там немало богомильских общин. Ведомо мне, что сия ложная книга приписывается еретиками аж самому Иоанну Богослову. Якобы он в форме вопросов и ответов передает ученикам беседу свою с Иисусом Христом, имевшую место во время тайной вечери. Главное, – от чего млеют еретики, читая опус, состоит в том, что в книге сказано как освободиться от зла.

Андрей Ростиславич несказанно обрадовался моим находкам, многозначительно взглянул на отца Кирилла. Тот втянул голову в плечи и зело присмирел, так нашкодивший пес поджимает хвост. Разумеется, настоятелю совсем не в жилу пришлись явленные богопротивные сочинения еретиков, они ему как гвозди во гроб.

Оно и понятно, разве мыслимо, чтобы секретные сочинения блуждали по кельям непорочной братии. Каждому мало-мальски книжному человеку известно, что содержимое потайной кладовой должно быть доступно лишь настоятелю и ее хранителю. Для остальных черноризцев даже поверхностный перечень запретного собрания закрыт семью печатями. Игумен отвечает головой за охрану текстов, включенных в индексы недозволенных книг (12). Ведь не ради упоения собственной ученостью, препирались в диспутах отцы церковных соборов, формируя те списки.

Итак, на лицо первое, самое легкое и непредвзятое обвинение – вина в халатном хранении запретных сочинений в обители. Я считаю, боярину придется устроить розыск и в книгохранилище. Надобно сверить каталог с наличными книгами. Я уверен, что многих томов

не досчитаются. А сие, еще одна оплеуха игумену, так что Кириллу не позавидовать. Но толи еще будет?

Настоятель не был дураком, осознав предстоящую Голгофу, он потупил очи долу и лишь тяжело вздыхал. Для меня ясно, как белый день, что боярин обязательно воспользуется его недоглядом. Игумену придется исправно содействовать розыску, вымаливая себе поблажку.

Оторвав меня от праздных раздумий, Андрей Ростиславич велел вести опись изъятых вещей. Занятие, надо сказать, противное, и я догадывался, что оно не минует меня, но уж не так вот сразу. Впрочем, ничего не напишешь. Я покорно разложил по столу письменные принадлежности, благо у отца ключаря они всегда имелись в наличии. Тем временем обыск продолжался. Однако, как ни старались гридни, ничего предосудительного более не обнаружили.

Примечание:

1. Киновиты – монахи общежительного монастыря (киновии).
2. «Шестоднев» – компилятивный комментарий о шести днях творения, свод сведений о живой и неживой природе, которыми располагала византийская наука.
3. Иоанн экзарх болгарский – архиепископ Иоанн (IX – X вв.) наместник константинопольского патриарха в г. Преславе, столице Болгарского царства.
4. Григорий Низианзин – Григорий Богослов (330 – 390), церковный деятель, епископ Низианзинский (Малая Азия), один из отцов церкви, боролся с арианством, автор посланий, религиозных стихотворений, поэм «О моей жизни», «О моей судьбе», «О страданиях моей души».
5. «Палея» – средневековый сборник толкований текстов Ветхого завета.
6. «Девгениево деяние» – византийский эпос о богатыре Дигенисе Акрите, перевод на русский язык осуществлен в XI – XII вв.
7. «Александрия» – приключенческий роман эпохи эллинизма, приписывается Каллисфену, историку, сопровождавшему Александра Македонского в его походах. Перевод на русский язык осуществлен не позже XII в.
8. Патерики – сборники рассказов о подвижниках какого-либо монастыря.
9. «Книга волхвов» – несистематизированный сборник древнейших текстов восточных славян, в т.ч. и магических заклинаний.
10. Видение Исаии – переработанный богомилами в XI – XII вв. древний апокриф «Видение Исаино».
11. Разумник – сборник переработанных богомилами в XI – XII вв. византийских естественнонаучных сочинений.
12. Индексы недозволенных книг – перечни запрещенных для чтения сочинений, повсеместно практиковались на протяжении всего средневековья. Древнейший список такого индекса входит в «Изборник» Святослава 1073 г.

Глава VI

Где продолжается обыск у богомилов, а игумену Кириллу становится плохо.

Закончив у Ефрема, мы направились в каморы его паствы. Макарий, Прокопий и Филипп по жизни пребывали в мелких сошках, в их убогих лежбищах даже монастырской мыши нечем поживиться. Книг у них не было, да и кто им даст книги-то.

Зато у банщика Якима нашли под лавкой в берестяном туеске отбеленную пелену с вышитыми магическими символами. Дальше, больше! Перерыли всю келью и в здоровенной корчаге с пахучими травами обнаружили двойное дно. Там завернутое в холстинку лежало сатанинское облачение для окаянных треб. Настоятель Кирилл еле удержался на ногах, удар был под дых. Весче доказательства измены православной вере не сыскать. Для игумена оно означало конец его иераршей стези. В лучшем случае спроводят в отдаленный монастырь, в худшем, и строжайшей епитимьей не отделаться. Мне стало жаль отца Кирилла. Подумать только, как ему подгадили иноки, которым он покровительствовал. Вот и вся людская благодарность!

Перешли в закуток дьячка Фотия, его самого еще не отловили. Ток вот, злыдень хранил за божницей свежепереписанные свитки на греческом. Насколько мне известно, дьячок не владел чужой речью. Спрашивается тогда, зачем держал? Боярин, из-за слабого в полутьме зрения, попросил меня перевести писанину, я взялся зачитывать вслух, то оказались богомерзкие требы, но меня прервали.

Сдвинутый в сторону поставец, открыл нашим взорам упрятанную в стенной нише пузатую склянку. Внутри посуды, в тягучей жидкости, плавал трупик мерзкого уродца с рожами. От удивления, я даже толком не успел перепугаться. Рассматривая диковинку на свет, Ростиславич задорно рассмеялся, перебарывая смех, пояснил:

– Эти идиоты выдают за бесенка едва сформированный козий зародыш, – потешаясь, боярин добавил. – Должно быть, козлиный опрост их святая реликвия!? Они благовеют этой мерзости? Вот нечестивцы, а скорее всего – ослы. – И закончил недоуменным возгласом. – Н-н-да?

И тут, внимая боярину, у меня зародилась каверзная мысль. А ведь Андрей Ростиславич не воспринимает всерьез добытых нами улики. На неискушенный взгляд они чудовищны и неопровержимы. Боярин же смеется над ними, как над детскими побрякушками. Да и самих святотатцев, скорее всего, считает дремучими дурнями, нежели преступниками. Однако розыск налаживает по всем правилам, скорее всего у него сугубый умысел: он хочет использовать полученные свидетельства, как орудие претворения в жизнь другой, не совсем мне пока ясной, цели.

Машинально, под диктовку заполняя листы описи, я предался размышлению о духовном разврате, чинимом на европейских весах, в тамошних монастырях и замках. Ни от кого не секрет, что в расплодившихся сектах и толках, творятся черные мессы, сопровождаемые мерзким блудом и оргиями. Наличествуют и человеческие жертвы, приносимые извергами на алтарь сатаны. Богомилы, патарены, катары, вальденсы, лионские братья, павликане создали тайные мощнейшие организации. Порой и светские князья, да что там, короли и императоры, потворствуют им, даже сами участвуют в дьявольских радениях. К примеру, германский кесарь Генрих III так погряз в паскудном николаитстве (1), что святейший папа отлучил его от лона апостольской церкви. Не могу умолчать, случается и у папского престола, не считают зазорным поклоняться Люциферу. А что спросить с аббатской братии, коль столь зримы чудовищные примеры среди высших мира сего? Обретаясь в закордонных землях, я немало раздумывал над этим, находя себе поддержку в здравых суждениях университетских профессоров, маститых клириков. И вот что выяснил для себя.

Любая ересь, каких бы высоких материй она не касалась, преследует целью не бескорыстное облагораживание сердец поборников, а затуманивание мозгов, с целью получения власти над их душами. Посулами и обманом пополняя ряды приверженцев, вожди еретиков добиваются их безраздельного повиновения, и все ради захвата реального, земного владычества. Ере-сиархи вожделеют светский венец!

Ну, а как же обманутые прозелиты, чего страждут они? По-всякому...

Одни, одураченные наставниками, впадают в духовную смуту. Их разум помешан. Они воспринимают богопротивные словеса как истинное откровение, готовы положить жизни ради надуманных заветов.

Другие, следуя своекорыстным чаяньм, уповают заполучить покровительство сильных, а впоследствии и мирские блага.

Третьи, что из породы доморощенных умников, приобщаясь к тайне избранных, тешат свое самомнение.

Четвертые – сами тому не рады, пошли за компанию, уважили приятеля, кума, сеньора.

Пятые – слабовольные горемыки, были принуждены силой, угрозой, еще каким спосо-бом.

Да, много еще причин, что побуждают людей спольститься проповедью лжи.

Встречаются и такие особи, которые стали еретиками ради забавы, ради интереса, ради неудовлетворенного сладострастия духовного и телесного. Они находят в вершимом идоло-поклонстве и чернокнижии увлекательное времяпровождение. Оно острой новизной берedit нервы, понуждает трепыхаться сердца. Эти мятущиеся личности, не понимая, что преврати-лись в ненасытных похотливцев, плохо кончают. Пожалуй, к этому разряду стоит отнести боль-шинство сектантов черноризцев.

Монахами становятся по-разному. Людей ненароком принявших постриг, как правило, со временем постигает разочарование в иноческом поприще. Вот они и выискивают свежих впечатлений, новой душевной отрады. Мне кажется, таковы и наши грешные иноки. Заплу-тали, заигрались, думали, что баловство сойдет с рук. Да не тут то было! На то и силен Сатана, – любым путем поработая людские души, он наносит безвозвратный урон стаду господнему. Вот и запутались пташки в адские тенета, пойдн, объясни теперь, что по дурости. Мне их, право, по-человечески жаль, но по делам и суд, – не гневи Бога!

Хотелось мне, поделиться теми мыслями с Андреем Ростиславичем. Смекал я, скорее всего, боярин думает одинаково со мной. Не может он считать по-иному, чай видел мир в коло-вращении, во всей его суеде. Но не рискнул я открыться, уж очень тонкая материя людская натура, людские заблуждения. Может статься, сам я помышляю лукаво, а черти меня тянут в свой омут? Спаси Господи и сохрани!

Тем временем перешли мы в келью Феодора переписчика. Из книг у инока была лишь Псалтырь (2), да затертый требник (3). Видно его не объяла страсть книжного чтения, да и к трудам келейным особой потуги чернец не имел. О чем сужу по тому, что работы своей на дом он не брал, должно хватало ему часов за перепиской в скриптории. Вот, еще раз под-тверждается моя мысль о нерадивости грешников, и как следствие, их неудовлетворенность обыденной жизнью.

У Феодора под застеленной ветошкой лавкой нашли ладный струганный ларь. Вскрыли крышку. Вот, и инструментарий заблудших овец. Ящик напичкан всяческой дребеденью. Кро-хотные тусски с вонючими мазями и маслами. Кучкой лежали изготовленные из меди и серебра иудейские символы: звезды, треугольники, бляхи с диковинными тварями, испещренные бук-вицами и знаками. Лоснились черные восковые свечи. Поблескивали два стеклянных шара: один размером с гусиное яйцо, другой с голубиное – внутри мерцали золотинки. В особом отсеке лежало кадило в виде оскаленного черепа и мерные весы с подставой в форме голой

жены, весьма красивые. Таким образом, мы обнаружили полный чародейный набор – все в яви, тут уж ничего не попишешь.

Игумену Кириллу стало совсем плохо. Его лицо из красно-бурого сделалось мертвенно белым. Авва побудился сделать заявление, но, охнув, завалился набок и распростерся на скамье, безжизненно свесив ноги и руки. Келарь Поликарп и инок-служка беспомощно засуетились возле настоятеля. Наконец кто-то догадался сунуть в нос игумену зажженную овчину. Тот утробно закашлялся и копотливо пришел в себя. Служка подал воды, Кирилл жадными глотками опорожнил черпак. Вид старца был столь нездоров, что боярин приказал сопроводить игумена в палаты и позвать к нему лекаря. Келарь Поликарп с чернецом, услужливо подхватили Кирилла под руки, но он вялым жестом остудил их пыл. Затуманенный взор отца настоятеля устремился на боярина. Собравшись с силой, настоятель произнес ослабевшим голосом:

– Молю тебя милостивый господин, Христом-Богом заклинаю, не отдавай меня во власть епископа Мануила. Сожрет он меня! Молю, пошли весточку в Киев, извести митрополита Никифора. Прошу тебя слезно, не дай пропасть христианской душе! Попридержи меня, не выдавай владыке. Век буду за тебя бога молить. Преподобный Никифор все поймет, благодарен тебе будет, заступись господине.

– Помилуй отче, – встрепенулся боярин, – не я здесь главный, сам князь суд вершит.

– Знамо, что князь, да только ты вяжешь тут. На тебя моя надежда, тебе вручаю судьбу свою, выручи боярин, в долгу не останусь.

– Ну ладно отче, переговорю я с Владимиром Ярославичем, думаю, князь обязан уступить. Но и ты поможешь мне. Ступай, отлежись пока...

Монахи, бережно поддерживая настоятеля, вывели того в подклеть.

Андрей Ростиславич озабоченно прошелся из угла в угол. Видимо внезапное недомогание игумена сбilo его с толку. Но вот, что-то решив для себя, он весело сообщил нам:

– Дело сделано ребяташки! Теперь им, голубчикам, никак не отвертеться. Назар Юрьев сын, ты сделал, как я говорил?

Воевода, вплотную приблизился к боярину, что-то приглушено зашептал тому на ухо, как я ни напрягал слух, различил всего несколько слов. Среди них послышалось одно имя – Чурила. Странно? Я вдруг поймал себя на мысли, а почему среди нас нет сварливого хрипуна. Ведь суздальский тиун настолько ушлый человек, что без его пронырства не обходилась ни одна боярская затея, а тут ведется настоящий розыск. Чудно, куда подевался тиун, непременно спрошу у боярина о хриплом напернике. Но события утра так закрутились, что я забыл о том намерении, а если потом и вспоминал о нем, то все в неподходящей обстановке, не располагающей к любопытству.

Уже во дворе Андрей Ростиславич уведомил меня приказным тоном, что после трапезы нам надлежит быть у князя.

Примечание:

1. Николаитство (николаиты) (1) – средневековая секта, получившая начало и развитие от Николая – одного из семи диаконов, о которых говорится в книге деяний Апостольских, гл.6, ст.5. Секта возникла из противодействия иудейству в первоначальном христианстве. Н. в своих взглядах проповедовали свободное сожителство людей при минимальном благословлении священника (подобные взгляды приписывались адамитам, базаликатам, барборитам, гностикам, капокрайтам, левитам, пикардистам, стратионикам, тюрлипинам, фибионитам).

2. Псалтырь – книга псалмов царя Давида, одна из библейских книг, содержит св. 150 псалмов, в средневековье основное учебное пособие для овладения грамотностью.

3. Требник – православная богослужебная книга, содержащая распорядок и тексты церковных служб и обрядов.

Глава VII

В которой, свидевшись с князем Владимиром, заподозрив его бояр, Василий наблюдает бунтующих иноков.

Княжеские покои, помещались в западном, широком крыле настоятельских палат. Через узкий, изломанный коридор нас провели в просторную горницу, служившую парадной залой. По ее стенам, меж оконных проемов развешаны боевые доспехи и оружие, в углу свалены седла и упряжь, по лавкам разостланы овчинные тулупы. На массивное кресло брошена медвежья полость, то, несомненно «княжий трон». Пришлось обождать выхода князя, мне то было на руку, полагалось освоиться в новой обстановке.

Но вот запахнулась резная двустворчатая дверь. Владимир Ярославич стремительно вбежал в горницу. Мы склонили головы перед властителем. Он крайне сдержанно отозвался на приветствия, уселся в кресло, заложив ногу за ногу. В горницу сходились ближние мужи, объявились бояре: высокомерный Горислав и старообразный Судислав. Потом мне сказывали, что они немало способствовали сожжению Настасьи, полюбовницы прежнего Ярослава. Судачили также, что крутят они князем, как им заблагорассудится. На людях вельможи стояли кротко угодливые, готовые к любой услуге. Изю всех присутствующих лишь боярин Андрей удостоился чести сидеть на лавке в присутствии князя.

Андрей Ростиславич в красках описал наш давешний розыск. Не перебивая, Владимир угрюмо выслушал его, затем велел огласить перечень изъятых у вражин вещей. Я проворно зачитал весь список. Князь мрачно изрек:

– Ну что ж, мне все ясно, не монастырь, а клоака вавилонская! Пригрели под боком сатанинскую обитель, – и, обратившись к надутому Гориславу, с ехидцей вымолвил. – И все ты, Славка, ишь желанник нашелся, ты давно потакаешь закордонным проишкам. Может, заодно с ключарем и б... вом занимался? – князь хрипло расхохотался. На минуту воцарилось неловкое молчание.

Обтерев ладонью уста, согнав с них улыбку, Владимир Ярославич произнес уже серьезно:

– Что станем делать-то бояре, черт вас побери?

Многим стало неловко: негоже, даже и кесарю, в обители поминать лукавого. Но князь ничуть не смутился:

– Я ведь приехал не с чернецами суды разводить? Мне ихняя возня по ..., – и грязно выругался, собрание еще больше присмирело. – Ты, Горислав, что мне обещал?

– Не вели казнить, государь, – дородный боярин виновато склонил седую чуприну.

– Ну и что дальше? – Владимир не замечал унылого раболепия. – Книжник твой представился! И не говори, – брезгливым жестом он упредил оправдания вельможи, – убили его там или сам зашибся. Мне от того не холодно, не жарко. Свою работу надо делать! Фридрих, он ждать не будет, вот и суздальский гость подтвердит.

Андрей Ростиславич согласно поддакнул:

– Император слов на ветер на ветер не бросает. Не в его правилах отступать от задуманного, какие бы причины не возникли.

– Что, опять к дядюшке Всеволоду в ножки падать? – князь, сотворил горемычную физиономию. – Помогите родимый сроднику безрукому! Эх вы, советчики, – и опять чертыхнулся, но не так зло. Бояре слегка оживели, гроза уходила.

Обратившись к Андрею Ростиславичу, Владимир участливо произнес:

– Ты, боярин останься, разговор есть к тебе, а вы, – небрежно махнул рукой в сторону бояр, – идите к ядрёной бабушке.

Вельможи безропотно попятнулись, и я вслед им последним выскользнул из гридницы, тщательно прикрыв тяжелую дверь, подумал: «Однако, каков князь-то Владимир, сущий орел!»

Оказавшись без пригляда, боярин Горислав, мигом отринув раболепную личину, зло насел на оторопевшего Судислава:

– Ты, старый, что не мог все обделать по-божески, да ты, видать, совсем рассудок потерял? Куда гнал-то, нас всех взбаламутил, тебя кто погонял-то? И еще этот суздальский, будь он неладен, откуда его только принесло? – и вдруг осекся, заприметив меня.

По холеному лицу Горислава бледной тенью скользнул испуг. Но он тут же нашелся, ласково подступая ко мне:

– Вот, посуди, отче, я ведь его, – изобразив сожаление, указал на пригорюнившегося Судислава, – остерегал. Прежде чем отправляться в дорогу надлежало в обители порядок обеспечить, ведь нельзя князя дергать по всяким пустякам. А тут, едва приехали, нате вам – мертвяк! Так не годится, княжеский визит обставляется благочинно, торжественно. Оно, пусть, господин желал содержать поездку в тайне, на то нам и разум дан: и князю угоди, и приличие соблюди. Я ведь прав, отче?

Мне ничего не осталось, как разделить его здравомыслие. Горислав, заручась поддержкой, не преминул и дальше наставлять удрученного приятеля. Впрочем, не трудно было догадаться, что теперь он разыгрывает роль специально для меня. Сболтнув лишнего, вот и заглаживает свою оплошность.

– Подобало, хотя бы за день, послать к игумену людей, – и настороженно взгляделся в меня, – предусмотреть, подготовить все по-людски. А ты, Судислав Брючиславич (так я узнал отчество старика) зачнешь молиться, так весь лоб расшибешь. Вот, и пожинаем плоды твоей поспешности. И прав будет наш господин, коль прогонит тебя от своей персоны. Ничего не поделаешь, заслужил старче.

Потом опять лисой обратился ко мне. Я же изобразил лицемерное простодушие, мол, нет мне дела до их сутяг, сам состою в воле господской.

Следует, между прочим, сказать, – на лике вельможи Судислава сквозило насмешливое пренебрежение к речам бойкого товарища, – что показалось мне странным.

– А ты, отче, давно при боярине Андрее состоишь? Сам-то, чей будешь, суздальский, али как? – ластился Горислав.

– Да нет, всего лишь попутчик, – я понимал, что нужно исхитриться. – Меня боярин из-за грамотности взял, для письма токмо (казаться дурней, чем на самом деле – старая русская уловка). Родом из Мурома, – наговариваю на себя намеренно, – по исполнению поручение отца игумена с оказией возвращаюсь в родные палестины.

– А что Андрей-то Ростиславич, – не унимался вельможа, – зачем он к нам пожаловал?

– Сие мне не ведомо. Я в боярские дела не лезу. Да и кто мне скажет-то?

– Оно, конечно, так. – Горислав стал терять ко мне интерес. – А не сказывал ли Андрей-суздалец, какие шаги он намерен предпринять для розыска убийцы библиотекаря? – Помедлив, добавил. – Ну и насчет игумена, какого он мнения?

– То лишь ему известно, – гнул я твердолобую линию. – Не годится мне выведывать боярские помыслы. Я и так не рад, что вовлечен в этакую коловерть. Мне бы отлежаться с дороги. А теперь, хочешь, не хочешь, знай, пиши ему.

– Ну ладно, отче, прости за любопытство. Сам знаешь, новый человек всегда занятен. Коли будет нужда, не бойся, заходи, поможем.

Мое кривлянье удалось, я тупо ослабилась:

– Спасибо боярин за заботу. Пока ничего не нужно. Благодарствую Вам на добром слове.

Сановные вельможи, выпятив животы, подались восвояси, переговариваясь вполголоса, уже без прежнего озлобления.

Подозрительная наигранность в поведении царедворцев вызвала саднящую смуту в моей душе. Я решил обязательно поведать Андрею Ростиславичу об их настоаживающем разговоре. Как видно, не все спокойно в уделе Галицком?

Будучи невысокого происхождения, я все же хорошо представлял шкурные чаянья родовитых бояр. Пожалуй, нет княжества на Руси, где ни плели бы знатные мужи интриг и козней супротив державных владык. Вот и приходится князю ради блага отчинного удела сдерживать корыстный норов и неумную жадность своих вассалов. И если бы не князя, дай боярству волю, давно бы Русская земля превратилась в дикое поле. Раскроили бы ее по кусочкам, превратили бы весь русский люд в бессловесных холопов, отняли бы самые крохи нажитого. Ненасытные они псы есть!

Распрекрасно я знал о борьбе Великого князя Всеволода супротив Ростовских и Суздальских вельмож. Кабы не Всеволод Юрьич захилел бы град Владимир, вознесенный из пригорода тех древних городов. Кабы не Юрьевич похерили бы бояре славу отца его и старшего брата Андрея. Кто, как ни старейшины ростовские науськали проклятого Кучку и свору грязных убийц на светлого князя Андрея Боголюбимого. Они самые явились потатчиками племянников Всеволода, змеенышей Ростиславичей (1), научая их расчленить Великое княжество, превратить царство в горстку убогих уделов. Гнусность эта деялась на потребу стяжательских натур ростовских бояр. Жаждали они потешить необузданное своеволие, вождели власти, вровень хотели стать с самими князьями. Да сук не по себе рубили! Всеволод, храня заветы отца и брата, не дал иродам сгубить отчину родную.

Наслышан я и о непрестанных дрязгах в галицкой земле. Издревле сильны и непокорны бояре Галича. Княжеская узда, едва унимавшая их бунтарский норов, зачастую дерзко рвалась ими. И тогда богатое княжество, вторгнутое в бесчинство, делалось полем распри, теряло мощь, становилось добычей хищных иноплеменников. Даже Ярослав Осмомысл – умница и воитель уступал притязаниям бояр, заискивал с ними, страшась потерять дедов стол. Бояре нахально диктовали Ярославу свою волю, немытыми ручищами влезали в семейные дела князя. Рядили с кем спать своему господину, кому быть его наследником.

Меня издавна потрясала личная драма Осмомысла. Ведь боярами объявлена колдуньей и сожжена его любимая женщина, а всеильный князь, чьи полки победно ходили на ляхов и половецких салтанов, уступил им в слезах. Но в противном случае и сам пал бы жертвой боярского произвола. Все мы знали, что Ярослав Василькович на смертном одре заручился клятвенным обещанием народа Галича взять князем Олега, сына той Настасьи. Да только бояре и не думали держать по принуждению данного слова. Еще земля не успела просесть над княжьем прахом, как провозглашен господином нынешний Владимир, сын от Ольги, дочери Юрия Суздальского, сестры Всеволодовой.

Но и Владимиру Ярославичу не поздоровилось, изгнали его спустя полгода, обвинив в пьянстве и прелюбодеянии. Якобы отлавливал он для любовных утех посадских женок и дочек боярских, а тому и крыть-то нечем. Был грешен молодой князь, но только в непомерном питии медов. Но, как говорится – где вино, там и блуд. Попробуй, открестись от лживых наветов собутыльников – сынков боярских, подучаемых лукавыми отцами. Те искариоты любого утопят в напраслине.

И по-новому начались скитания бедного князя Владимира. Спасибо Всеволоду Юрьевичу, заступился он перед Русью за сына Осмомыслова. Но и вторугодь получив стол, понукаем, был боярами, ибо имел слабость после кончины жены Болеславы (2), дочери Святослава Всеволодича киевского, открыто сожительствовать с замужней попадьей. Попадья та писаная красавица, при муже развалине имела грех возлюбить пылкого князя. Не переводились на Руси невольницы и наложницы княжеских прихотей, но редко осуждали князей за их похоть. А тут прицепились к Владимиру, ратуя за христианскую чистоту, – отрекись от попадьи, и все тут.

Вот и пришлось князю бежать с любовницей к Беле венгерскому, отдать княжество на растерзание врагам, а себя в полон.

Оттого и собрался я посвятить боярина Андрея в приоткрывшийся краешек вельможных интриг. Уж Ростиславич-то обязан разобраться в подоплеке тех козней, и если не поможет князю Владимиру, то хотя бы миссию, порученную Всеволодом, исполнит исправно.

Но не удалось мне наскоро переговорить с Андреем Ростиславичем. Помешали бурные события, нарастая лавиной, обрушились они на дремотную обитель.

Еще пребывая в настоятельских покоях, услышал я шум непомерный, гул голосов людских. Поспешил я на воздух из-за душных стен. И что же вижу, – глазам не верится...

Вся площадь перед храмом забита праздно галдящим монашеским людом. Это походило на бунты черни, не раз виденные мною на всеях европейских, случалось и в отчих палестинах. Всяк изгалялся на свой лад. Сбежав с порожка, я втесался в толпу, стараясь уразуметь – в чем дело? Наперебой звучали отрывистые выкрики, так как никому не удавалось выговориться членораздельно. Каждый торопился выразить свой протест, оттого все шумели разом и мешали услышать кого-либо. Однако, вникнув в повторные реплики, я ухватил суть дела – иноков поразило известие о вскрытом богохульном промысле их сотоварищей.

Но как всегда, при неполноте достоверных сведений, образовались разные партии. Одни кляли игумена Кирилла и его ближний круг. Другие возмущались засильем греков и исходящей от них растлевающей умы ученостью. Третьи выкликали, даже страшно подумать, против самого князя. Толи, требуя от него твердости, толи, хотели изгнать его с челядью вон. Иные гневно бесчестили нечистых на руку монастырских тиунов: кто-то порочил повара, кто-то келаря. А один шибко громкий, наянно призывал выдворить суздальцев, как незваных гостей из обители. Я разглядел поганца. Натравливал на нас молодой, моих лет, но не по годам тучный инок, до самых глаз, заросший огненно рыжей бородой. Собрав возле себя свору единомышленников, он вещал громогласным басом уже не раз слышанную мной песню:

– Почто у нас, на Днестре, оказались суждальцы? Приползли, аки аспиды из лесов дремучих. Какое им дело до Галича? Знамо, хотят свою власть учинить. Мало им Рязани, мало Новгорода... Киев порушили, подмяли под себя, хотят и нас подгрести. Не желаем холопствовать Всеволоду! – оратор был знатный.

Его паства, визжала от восторга, слушая крамольные речи. Рыжебородый вития, подогреваемый беснующейся толпой, продолжал измышлять паскудные наветы:

– Знаете ли вы, братия, что епископ Ростовский Лука (3) отказывается переносить кафедру в вотчину Всеволода, задрипанный городок Владимир, что на Клязьме-реке? Тот же! Митрополит Никифор так же тому противник.

Ах он лживый подлец! Я, было, хотел разъяснить людям, что игумен киевского «Спаса на Берестове» Лука, возведен в епископы усилием Всеволода Юрьевича. Поставлен вопреки воле митрополита Никифора, который хотел посадить на север своего соплеменника Мануила, теперешнего Галицкого владыку. Лука же, бывший Боголюбовский домоственник, человек на свой страх и риск, умыкнувший от Кучковичей тело убитого князя Андрея, всегда горой стоял за Великих Владимирских князей. Но мне не дали сказать, да и я вовремя смекнул, что не пристало мне метать бисер перед свиньями. Меж тем крикун продолжал сеять смуту:

– Вот суждальцы и замыслили опорочить «его» через нас, честных иноков, верных предстоятелю.

Я так и не понял, кого это мы собирались опорочить: Луку ли Ростовского, митрополита ли Никифора? Наверняка, и никто ничего не понял, ясно было только одно – нужно идти громить суздальцев. Злодей же не унимался:

– Ишь чего удумали! Ославить хотят Галич, чисто мы нехристи, чернокнижники и вурдалаки. Врете лесовики! Сами вы волховством промышляете, сами вы соснам молитесь, сами вы Бога продали.

Возбужденная толпа, ажник подпрыгивала, такая им радость – внимать грязным наветам. Но супостат, войдя в раж, уже призывал к открытому насилию:

– Люди! Али вы забыли, как безбожные суждальцы по приказу деспота Андрея явились ратью на Киев, двадцать лет назад. Вспомните, братия, как пожгли разбойники мать городов русских, как испоганили соборы святые. И мы прощаем, мы навсегда в ножки стелемся. Да где же правда-то, иноки? Изгонять надо злодеев прочь, вышибать из обители боярина нехристя! Посмотрите на него, да он в немецком обличье. Братцы, уж не латинянин ли он? Не хотим, чтобы схизматики проклятые нами заправляли. Ишь, что удумали – колдунами нас заделать. Не позволим, айда за мной!

Но тут боевой клич погромщика оборвался. Уж не знаю, как рядом с распоясавшимся провокатором оказались дружинники и в первом ряду меченоша Варлам. Он одним ударом запечатал слюнявую пасть горлопана. Крикуну не дали рухнуть оземь, дружки вовремя подхватили. И тут гридни (даром, что ли кашу ели) взялись сноровисто усмирять бунтовщиков, щедро раздавая направо и налево увесистые тумачи. Рыжего верзилу скрутили и повели к палатам. Остальных монахов растолкали, распинчили, слишком неугомонным крепко надавали по шеем. Чернецы, подобрав в испуге подолы рясы, огрызаясь, стали разбегаться. Слава богу, быстро усмирили смуту! Сыскать бы теперь зачинщиков, – один, правда, уже есть.

Примечание:

1. Ростиславичи – Мстислав (+1178) и Ярополк (+1196) дети князя Ростислава (+1151) сына вел. кн. Юрия Долгорукого, претенденты на Владимиро-Суздальский престол.

2. Болеслава – Болеслава Святославна (+1185), дочь Святослава Всеволодича кн. Черниговского, вел. кн. Киевского, в 1166 г. вышла замуж за кн. Владимира Ярославича.

3. Лука – возведен в Ростовские епископы в 1184 г.

Глава VIII

В которой разглядывают великолепные фрески, а затем богомаз Афанасий открывает свою тайну.

Невольно став очевидцем мятежного буйства братии, я впал в излишнее возбуждение. Немного успокоясь, ощутив нервическую усталость, мне захотелось уединения. К тому же возникла давящая потребность – поразмыслить над важными событиями, отмеченными в утренние часы. Да не тут-то было.

Улыбаясь, словно давнему приятелю, подступил вчерашний нечаянный знакомец, богомаз Афанасий. Он, памятуя обещание, возжелал показать мне живописные работы знаменитого Паисия и потянул за собой в церковь. Я растерялся от его навязчивости, потому и не смог отказать назойливому иноку.

Мы ступили под сумрачные своды безлюдного храма. В свободном, гулком пространстве было холодно и неудобно. Стук шагов по каменным плитам колокольным ударом отдавал в виски. Словно кощунники какие грохали мы по пустынному нефу. Неожиданно, нас высветил мощный световой поток, отвесной стеной упав с подкупольного пространства. И моя душа, страхнув мутную хмарь, очистилась и возликовала небесному свету. И жить стало радостней.

Афанасий, пройдя в центр подкрестья (1), освещенный со всех сторон словно ангел, взялся просвещать меня, показывая одну фреску за другой. Он восторженно величал своего учителя Паисия славными именами, его трепет передался и мне. И я грешный инок, вопреки недавним гнетущим мыслям, проникся щедрой прелестью этих картин.

Я лицезрел дивно удлиненные, искусно поставленные, бесплотные ангельские фигуры. Пребывая в заоблачной чистоте, они чужды мирской суеты. И в то же время их сомкнутые уста будто кричат, вопят о грядущей вечной жизни, заповеданной господом, призывая нас: «Люди, не марайтесь калом земным, не выскивайте крох жита под ногами, вскиньте головы, распрямите плечи, ибо вы подобие Божье, и на вас дух его святой и вечный!» И устыдился я каждодневной своей суеты.

Зрел я библейских праотцев и ветхозаветных пророков, участливо, с печальной мудростью, внимающих земной юдоли. Их кротость и отеческое попечение умилили меня.

А Мать Божья раскинула объятия ласковых рук, заполнив токами щедрого тепла всю алтарную апсиду, напомнила мне старую родительницу мою. Обеими бескорыстно любимый, я для них малый ребенок, и нет никого им дороже. Они не помнят о нанесенных мною обидах, словно их вовсе не было, и им нечего прощать. Я в их глазах непорочное дитя. И то, правда!

Господи! Как слаб человек пред грозным оком неизбежного рока, словно щепка, носимая в волнах океана. И не властен ничуть он над судьбой, и лишь только жалость способен вызывать.

Увидел я Иисуса Христа – Господа нашего, восседающего на горнем престоле. Пришло просветление: не владыку небесного зрю, а отца милосердного, приявшего казнь ради нашего спасения. Пожертвовав собой, он вызволил нас – детей строптивых из погибели, нас – неизменно предающих его. Но всякое детище, каким оно не будь, единственно и неповторимо родителю своему. Кому еще чадо может преклонить голову, выплакаться вволю, а затем получив целящее прощение, принять благословение?

И познал я тогда благодать. В душу вошли покой и уверенность в том, что не быть мне одному в подлунном мире, даже если нелегкая занесет в темный поруб. Не наедине останусь со скорбью своею, а с силой Божьей, и в его отеческой воле.

И взмолился я неистово, упав на колени, перед чудными творениями живописца Паисия. Но уповал я не стенам раскрашенным, а Царю Небесному, зримо явленному во фресках, меня одарившему личным присутствием.

Да, зело искусен Паисий богомаз. Воистину его кистью водил Дух Святой и благодатный. Поразительно мастерство человека, жившего возле нас, вкушавшего из братского котла простую пищу, но в то же время сумевшего столь явственно изобразить красками благую весть.

Афанасий подвел меня к северной апсиде. Смущенно открыл, мол, вот труды его рук. В мягком свете явились евангельские сцены: «Моление Христа в Гефсиманском саду», «Поцелуй Иуды» и «Отречение Петра». Постепенно я проникся щемящим чувством Афанасьевых фресок. Казалось, лучше и не передать одиночество Господне, его обреченность и в то же время внутреннюю силу Христа, готовящего себя к крестным мукам, к собственному закланию. Впечатлял и апостол Петр. Здесь он казался слабым, нерешительным человеком, неспособным воспротивиться жребию, предреченному Господу. Ужасен в продажной мерзости Иуда Искарот. Все в нем отвращало: и гнусная маска лицемерия, и зримо дрожащие кисти рук, и согбенная спина, признак близкого раскаянья. Я точно находился там, в яви, словно свидетельствовал о событиях пасхальной ночи, был их молчаливым очевидцем. Потрясающая правда!

На неискушенный взгляд письмо Афанасия походило на манеру Паисия. Но стоило вникнуть, как явственно проступала разница в подходах двух живописцев. Афанасий, вероятно, пытался достичь воздушной легкости Паисия: та же удлинённость фигур, та же отстранённость. Но присутствовала некая, я бы сказал, земная, материальная сущность. Она выражалась в точной передаче движений и жестов, в расположении складок одежды, что очерчивают тела по выпукло проступаемым мышцам и суставам. Плотское начало не выпячивалось, но и не скрывалось, и в том проявлялась особая прелесть его картин. Вывод один: дарованием Афанасий отнюдь не слабей своего наставника!

Меня заинтересовало, кто, кроме Паисия, обучал Афанасия, ибо чувствовалась влияние иного учителя, быть может, более великого, чем Паисий. Оказалось весьма просто, иннок по молодости лет посетил греческие и латинские кинонии, где исполнил множество копий и зарисовок с различных мастеров. Так, вот кто его потаенные учителя! Осмысляя изученные работы, он создал собственную, неповторимую манеру письма. И нельзя сказать, что он превзошел Паисия, нет, они каждый по-своему большие и разные художники. Я выразил неподдельное восхищение работами Афанасия. Он засмутился, но, как и всякий творец весьма обрадовался моим похвалам.

Подавив конфуз, иннок подступил ко мне с давно выношенным желанием. Он попросил содействия его нужде, переезду во Владимир на Клязьме, к престолу Всеволода Юрьевича, так как был наслышан о бурном строительстве в северо-западной Руси.

Он распрекрасно знал, что Всеволод Юрьевич восстановил после пожара соборный храм Успения, причем, значительно видоизменив его. Храм стал пятикупольным, отличным от одноглавого собрата в Галиче, выстроенного по тому же образцу, что и ранее владимирский собор, потому как прежний князь Андрей Юрьевич переуступил искусных зодчих своему шурина Ярославу Осмомыслу. И вот настало время, не в пример прошлому облику, со всем тщанием изукрасить владимирскую святыню.

Знал Афанасий доподлинно, что великий князь хочет поставить домовую церковь во имя святого Дмитрия, своего небесного покровителя. Ищет Всеволод градостроителей кудесников по всей Руси и закордонным весям, испытывает он настоятельную потребность и в живописцах-богомазах, так как преумножились на севере храмы и обители, а собственных мастеров еще не хватало.

Очень бы хотел Афанасий порадовать делу Всеволода Юрьевича, только не ведал, как подступиться к тому. Да и не отпустят его на сторону иерархи Галицкие, хотя, в то же время, они

не сподобились позвать его для росписи богородичной церкви в Галиче, наняли разрисовывать храм греческих богомазов, будто своих не хватает.

Я проникся нуждой Афанасия, пообещал, что сведу его с боярином Андреем. Обязался в надежде, что тот соблюдет княжью выгоду. Однако не преминул добавить, что у боярина сейчас дел невпроворот, да все кляузные, не терпящие отлагательств. Инок, окрыленный моим участием, услышав о заботах Андрея Ростиславича, из благодарности поведал мне одну великую тайну. Чему я был несказанно удивлен и обрадован.

Речь шла о заповедном тайнике князя Ярослава Осмомысла. Перед смертью старый князь не раз наезжал в монастырь, вел долгие беседы с прежним настоятелем Мефодием. Порой в том участвовали ныне покойные библиотекарь Ефрем и живописец Паисий. До самой кончины Паисий держал те разговоры в секрете. И лишь находясь на смертном одре, как самому близкому человеку (с год назад) открылся Афанасию. Я уточнил у богомаза:

– Что запрятано в схроне князя Ярослава? Тот ли это клад, о котором судачат иноки?

– И да, и нет, – задумчиво ответил живописец. – Полагаю, скорее всего, там спрятаны не золото или самоцветы.

Вот вкратце, – на чем основывались его догадка:

Хранителем клада Ярослав избрал авву Мефодия, но игумену не дано знать главного: где-таки зарыт клад? Ярослав продумал все до мелочей. План местоположения тайника, нарисованный Паисием, по указке князя разодрали надвое. Одну половину доверено хранить художнику, вторую часть спрятали в библиотеке. Хитрость состояла в том, что, не совместив части плана, клада не найти. Ярослав наложил на трех старцев страшное заклятье. Они никогда, даже в помыслах своих, не приблизятся к сокровищнице. А уж о том, чтобы открыть ее расположение, и речи нет. Как сказывал Афанасию Паисий, монахи клятвенно порешили меж себя, прежде всего, ради собственной безопасности, никогда не выяснять, что и как в тех описаниях.

Очувтившись первым в венгерском узилище, игумен подвергся чудовищным уязвлениям плоти, но, к чести своей, не выдал Паисия и Ефрема. Так и отдал богу душу немилосердно терзаемый уграми. Бывалые люди сказывают, что, не зная всей правды, умирать спокойней.

Ефрему устоять было гораздо легче. Библиотекарь отмежевался от всего, притворился, что подгрести его беспричинно, за компанию с игуменом, в дела которого он не был посвящен. Но книжник так же подвергся несносным пыткам и в след Мефодию принял мученическую смерть.

Живописец Паисий аресту не подвергся по той причине, что уже находился одной ногой в могиле и вскоре представился. С него и взятки гладки.

У венгров не хватило сообразительности и времени разрешить сию загадку. Слава богу, благодаря вмешательству императора Фридриха, князь Владимир с ляшским воеводой Николаем изгнали угров с Галичины.

Афанасию пришлось объяснить порыв откровенности, но он сделал еще больше:

– Коль я вздумал податься на Север, хранить при себе кусок той карты больше нет смысла, да и права не имею. План схрона нужно передать в надежные руки. Сегодня самой достойной рукой является десница Всеволода Суздальского, он Великий князь и внук кесаря (2), лишь один он ратует за сплочение Русских земель.

Редко встретишь у жителя окраинных приделов, столь трепетную верность русскому единству. Афанасий был молодчина!

Где точно упрятана вторая половина карты богомаз не ведал. По его словам, особо и не интересовался. Инок руководствовался житейской мудростью: «Чем меньше знаешь, тем лучше спишь».

Но все равно, на такой успех я и не смел рассчитывать. Мне сегодня отчаянно повезло, это прямая удача!

Внезапно сердце сжалось от нехороших предчувствий, получается, что Афанасий единственный человек, серьезно приобщенный к тайне клада. А если о том выведет еще кто-то? Скорее всего, так оно и есть, тем паче, мне показалось, что за нашим походом в храм наблюдают чьи-то внимательные глаза.

А вдруг, тот некто решит убрать последнего посвященного. Вопрос – зачем? Ну, хотя бы спрятать концы в воду, – получается, жизнь изографа находится под угрозой. Никак нельзя оставлять Афанасия одного, иначе боярин никогда не простит моего упущения, да и я себе не помилую. Я поделился с богомазом возникшими опасениями. Тот заметно перетрухнул.

Мы решили немедленно идти к Андрею Ростиславичу, непременно взяв самую карту. Благо за ней далеко не ходить. Как оказалось, кусок пергамента хранился запрятанным в полости алтарной дверцы. Афанасий передал карту мне, я запихнул свиток за пазуху.

Озираясь, мы вышли из церкви. Два монаха в надвинутых камилавках (3), выскользнув из-за угла храма, пристально наблюдали за нами. Я узнал в иноках вчерашних странников, нелестно характеризуемых послушником Акимом. Мы с Афанасием понимающе переглянулись, во взоре богомаза промелькнула затаенная тревога.

Направились мы прямо в келью боярина. Однако, как назло, Ростиславич отсутствовал. Я посоветовал богомазу дожидаться меня, перепрятал свиток понадежней и подался на розыски. Нашел я Андрея Ростиславича во дворе, возле настоятельских палат. Он оживленно разговаривал с мечником Филиппом, невдалеке подбоченясь стояли дядька Назар и оруженосец Варлам.

Я сообразил: мужи обсуждают недавнее столпотворение, учиненное черноризцами. Перебивать старших не годилось. Пришлось нарочно мозолить глаза боярину. Андрей Ростиславич, заметив мои потуги, спросил: «В чем нужда?» Я интригуяще намекнул на неотложное дело. Прервав беседу, боярин выслушал мой отчет. Не скрыв ликования, Андрей Ростиславич заторопился к Афанасию.

Наконец-то я ощутил собственный вклад в общее дело. И это чувство услаждало меня!

Таинственный план представлял собой обрывок лощеного пергамента. На отбеленной поверхности примитивно изображены одиночные деревья. Извилисто прочерчена река с притоками. Вполне понятно прорисована горная гряда, указан перевал меж вершин. Помимо того, лист во многих местах помечен заковырыстыми значками. Я различил крест, плотоядную рожу, подобие толи клыка, толи скалы. Как я понимал, таким образом, указаны особо приметные места. К тому же, некоторые участки соединялись изломанными линиями со стрелками, указателями направлений. В самом низу листа нарисована двурогая рогатина, от нее к разрыву шла жирная линия, уходящая на другую половину карты.

Андрей Ростиславич шепнул мне на ухо, что, имея даже неполный план, мы, используя знание местности охотниками, способны понять: где все-таки зарыт княжий клад.

Относительно судьбы Афанасия решение пришло быстро: художника возьмем во Владимир, нам в том никто не указ. Князю Всеволоду нужны толковые богомазы, и этим все оправдано. Радостный иннок заспешил восвояси, заранее собирать вапницы и кисти, увязывать их к дальнему переезду. Боярин загодя подучил его, как лучше отказать в любопытстве уж слишком дотошным особям:

– Вали на меня, с меня взятки гладки. Пусть только попробуют, я их быстро приструню!

Оставшись наедине, Андрей Ростиславич заставил меня вычертить схожий план, с нарочно перепутанными приметами и расстояниями. То делалось, дабы ввести в заблуждение наших противников, пусть, мол, помыкаются, коли что. На сей случай, боярин прочел назидание:

– Всякое может произойти. Твоя задача – прикинуться дурачком, выдать подделку за настоящую карту, и твердо стоять на том, якобы больше ничего не ведаешь.

Мы уже понимали друг друга с полуслова. Я согласился с рассудительным суздальцем. Бывалый мечник, и под пыткой тайну не выдаст, а коснись меня, есть возможность выкрутиться.

Примечание:

1. Подкрестье – центр подкупольного пространства.
2. Внук кесаря – мать Всеволода III, жена Юрия Долгорукого – Ольга (+1182) дочь (или сестра) византийского императора Мануила I Комнина.
3. Камилавка – головной убор, клубок, покрытый платом.

Глава IX

Где князь и владыка галицкие решают судьбы обители, а боярин Андрей поучает их.

За кропотливым изготовлением подложной копии застал нас посыльный гридень. Он известил о прибытии епископа галицкого Мануила. Надежно припрятав лукавую подделку и бесценный подлинник, расчесав бороды и оправив одежды, заспешили мы на княжий зов.

Владыка Мануил росточком низенький, лицом невзрачный и смуглый, морщавый, подобно грецкому ореху, показался мне еще не старым. Статью он вовсе не походил на сановного иерея, оттого и клобук носил необычайно высокий, чтобы лучше выделяться. Впрочем, его властные глазки-буравчики, будто уголья, жгли собеседника, заставляли быть начеку, сознавать с кем имеешь дело. Одет епископ в рясу, с фиолетовым оттенком, чем-то схожую с сутаной латинцев. В правой руке глянцем переливались агатовые четки, левой он цепко держал массивный, золоченый епископский посох. Изогнутое навершие пастырской клюки облепили блестящие камни-самоцветы, видно цены невероятной. Сопутствовали епископу два консисторских (1) иеромонаха, чернявые и статные, богато наряженные, пахнущие розовой водой.

Даже князь внешне преобразился к прибытию высокого гостя. На малиновую бархатную рубаху, расшитую у ворота камнями, накинут зеленый корзно (2), прошитый золочеными шнурами, перехваченный золотой пряжкой с ликом барса. Княжью грудь украшала золотая цепь с увесистой резной гривной. На бляхе выбита галка, с короной на голове – знак державного достоинства Галича. С серебряными гривнами, столь же значительных размеров, были и вельможные бояре Судислав и Горислав. Они, распрямив спины, словно статуи, недвижимо застыли на лавке у оконца. Я впервые познал блеск самовластного великолепия, оно ослепило меня, признаться, я почему-то оробел.

Андрей Ростиславович, получив благословение епископа, смиренно выслушал нудную тираду владыки о богомерзких иноках. Князь успел посвятить Мануила в суть событий, что существенно облегчило задачу боярина, без лишних обсуждений наметить план разумных действий.

Князь Владимир, горячась как всегда, взялся настаивать на безотлагательном допросе богомилов, скором суде над ними и беспощадной, показательной казни, преследуя цель суровой остротки неприкаянной братии. Также он потребовал смещения настоятеля Кирилла и отправки в отдаленный монастырь, причем со строжайшей епитимьей, ибо архипастырь не справился со своими обязанностями.

Владыка Мануил оказался более осмотрительным и опытным в делах подобного рода. Конечно, воля княжья, но иноков-отступников все же следует отправить под стражей в Галич. В епископальном застенке нужно провести дознание по положенной форме, в соответствии с каноническими правилами. И уже имея полную картину преступления, отлучить еретиков от церкви, передать светским властям для вынесения приговора и его должного исполнения. Сотворив глубокомысленную мину, архиерей добавил:

– Игумен Кирилл поставлен в монастырь по недосмотру преосвященного Никифора, к моему мнению тогда не прислушались. А ведь я загодя упреждал вашу светлость, – колюче зыркнув на Владимира, епископ вздохнул, – с большой неохотой рукоположил я тогда Кирилла. Теперь же князь ты хочешь удалить его из обители с позором. Но лучше соблюсти правила, согласовать смещение с предстоятелем, чтобы тот не оскорбился. Хотя, если поразмыслить, митрополит не станет противиться княжеской воле, да и само отстранение уже предрешено православной традицией. Так что Владимир Ярославич уволь пока Кирилла от дел, отправь со мной в Галич. Я составлю надлежащую грамоту в митрополию, таким образом, окончательно

ное решения его судьбы предоставим Киеву. В обитель поставим местоблюстителя, будь на то божья воля, затем выберем его настоятелем или рукоположим нового, – не услышав возражений, закончил. – Ну, а потом, выявим среди черноризцев пособников еретикам и примерно их накажем. Тут, князь, я тебя всячески поддержу, коль нужно, подошло знающих людей.

Доводы Мануила выглядели резонными, однако князь Владимир остался недоволен, ему хотелось скорой расправы, но он все же не стал противиться. Следом попросил слова Андрей Ростиславич:

– Князь и владыка, думаю, нам стоит проявить милосердие к авве Кириллу. Игуменствует он недавно, да и не по плечу ему столь тяжкая ноша, он больше книжник, нежели пастырь. По простительной неискушенности Кирилл проглядел вершимые в обители непотребства. Я думаю, он не ведал о них, а уж тем более не потворствовал злодеям, – выдержав паузу, напомнил. – Необходимо учесть его заслуги в составлении кодекса церковных законов, тут он незаменимый человек для церкви. Я предлагаю сразу отправить авву к Никифору, – с не особо хулильной грамотой. Пусть предстоятель сам с ним разбирается. И овцы целы и волки сыты! Да и нам не с руки заводить суетягу с киевским клеветом.

– Разумно, разумно, – нехотя поддержал епископ Мануил.

– Ладно, – уступая, молвил князь, – будь по-вашему, пускай митрополит соображает, как журить ближнего человека. Лишь бы не лез в наши дела, хватит нас опекать, мы сами с усами!

– Обитель не может остаться без наставника, – боярин Андрей опередил епископа, вопросив к Владимиру. – Здесь нужна твердая рука. Князь, кого чаешь определить игуменом?

Тут почему-то взоры присутствующих обратились на меня. Сердце мое екнуло от своеговольного предчувствия: «Уж не я ли уготован ими в настоятели?» Я скромно потупил взор. Губы враз пересохли. Мысли вразной пронеслись в голове: «Заманчивая будущность!? А что, я бы, пожалуй, согласился!» Но, увы, искушение сие лишь плод моей фантазии. Опередив князя, первым высказался Мануил:

– Сыскать настоятеля не проблема! Много у нас достойных иноков, найдутся и из пресвитеров подходящие кандидатуры. Я думаю, и братия поддержит, выберет добродетельного мужа. К примеру (далеко ходить не надо), из здешних подойдет Микулица коломыйский – весьма благоразумный инок. Есть еще у меня на примете – священник Галицкий, Петром звать, настоящий кремень, пострижем в иноки, и вся недолга, – ища поддержку, иерарх устремил удавий взгляд на княжих вельмож.

Судислав остался сидеть с каменным лицом. Горислав же востроился, одобрительно закивав, поддакнул:

– Достойные люди, лучших не сыскать! – и осекся, почуяв внутреннее недовольство князя.

Епископ, не заметив той перемены, с излишней самоуверенностью продолжил:

– Вот, и раздумывать больше нечего! Так кого: Петра или Николая? Я считаю, сподручней Петра. Да ты, князь, знаешь его, у «Всех святых» служит. Петра протоиерея еще батюшка твой, царство ему небесное, привечал. – Мануил по-змеиному лыбился, уверенный в успехе.

Даже я, мало искушенный в подковерной галицкой возне, смекнул, что Мануил допустил оплошность, помянув Осмомысла. Князь кисло поморщился, помолчал, нагнетая нервное напряжение слушателей, и твердо изрек, как отрезал:

– Поп Петр меня не устраивает! – почесав уголки губ, растолковал. – Он совсем мне не нравится, уж слишком себе на уме, не люблю скрытных людей.

Мануил заискивающе залезил:

– Микулицу тогда, domestика монахи слушаются, – но не успел досказать, князь перебил:

– Микулу твоего я вовсе не ведаю, кто таков, что за человек? Не знаю, и знать не хочу.

А уважаю я тутошних старцев Парфения и Евлогия. Правда, последний изрядно одряхлел, ну

да бог с ним. Мыслю так, пусть будет Парфений. Братия его почитает, многим он духовник, уверен, иноки согласятся с моим выбором, предпочтут Парфения.

– Помилуй, князь, – возроптал епископ, – какой из Парфения настоятель? Стар годами, да и не от этих он дел, как бы ни стало хуже? Как бы большую змею не пригреть, ведь он спит и видит Всеволода..., а..., а, – едва не сболтнув лишнего, Мануил поспешно захлопнул предательские уста.

Присутствующие понимающе переглянулись, иные для вида покачали головой, осуждая неуклюжую потугу Мануила отвергнуть суздальского ставленника. Владыка деланно закашлялся, продрав сухое горло, стал мямлить в оправдание:

– Говорят, болеет он тяжело, пожалеть его надобно...

Меня несколько озадачил выбор Владимира Ярославича. Неужто он хочет полностью стать под Всеволода? Вероятно, Андрей Ростиславич уже успел переговорить и подготовить князя к столь важному выбору, разумеется, без вмешательства боярина тут не обошлось.

Между тем нос и щеки князя зарделись, он еле сдерживал себя:

– Стар, но не дряхл! То, что много прожил, не беда, старый конь борозды не испортит! – разжевал епископу Владимир Ярославич. Прежде безропотно снося предубеждение владыки к Суздальскому Всеволоду, князь сегодня намеренно пошел на обострение. – И тянуть больше нечего, сегодня же и поставим Парфения! Я его выкликну, ну а ты, владыка, благословишь, – и заключил по-княжески властно. – Все, дело решено!

Мануил втянул голову в плечи, удрученно сгорбился, лишь клубок торчал вызывающе. Приметив, как скрючило епископа, князь миролюбиво завершил:

– Успокойся Мануиле, побереги себя, во многом я уступал, уступи разок и ты.

Архиерей мертвенно побелел, но перечить не стал, покорился Владимиру Ярославичу, не решился озлоблять правителя.

Вельможные бояре заерзали по скамье, как ужи по сковороде, верно и им княжье решение не в жилу пришлось, ну, уж тут ничего не поделать, князь, он завсегда князь.

Владимир, подметив недовольство бояр, ехидно улыбаясь, нарочито выговорил им:

– А вы, соколики, почто молчите, отчего не рады княжьей воле? Или вам не по нраву Парфений, чай матушки моей исповедник. Забываться стали!? – и раскатисто рассмеялся, и вдруг прервав хохот, разом стерев с лица веселье, удрученно выговорил. – Эх вы, советчики херовы, еще сотоварищи называются, так и тяните меня в кабалу чужую, в ярмо венгерское. Ужо я вам! – погрозил пальцем совсем беззлобно, даже игриво. Наверное, князь давно смирился, как с неизбежным злом, с продажной сутью бояр.

Вельможи от страха посерели, молчали, как в рот воды набрали. Смерив их презрительным взором, Владимир скомандовал гридням:

– Тащите сюда Кириллу игумена! – ближний гридня, недоуменно развел руки, но князь не внял. – Знаю, что захворал, а мы сейчас его подлечим. Немедля ведите!

Настоятель явился быстро, не иначе стоял за дверью. Он весь скукожился, словно дырявый мех, ступал, еле волоча ноги. Его породистая голова судорожно подрагивала, лицо было блее полотна. Ступив пред грозные очи Владимира Ярославича, авва, не раздумывая, бухнулся на колени и слезливо запричитал:

– Прости княже раба твоего грешного. Отдаю себя в руке твои. Помилуй благодетель!

По-видимому, игумена успели наставить на путь истинный, велев исполнить сцену раскаянья, теперь уже для епископа. Мол, хорошего и не жди, делай, что велют, а там видно будет. Кирилл не был дураком, а уж, коль речь зашла о жизни и смерти, он предпочел смирение заносчивости, умерив гордыню, сделался авва сир и наг.

– Встань отче, стыдно колени протирать, ты ведь не смерд, а иеромонах, – повелел Владимир. – Признаюсь, я весьма недоволен тобой, подвел ты меня, игумен. Всех нас, – взмахом руки очертил присутствующих, – обескуражил! Ну, да ладно, как говорится, повинну голову

меч не сечет. Поедешь под стражей в Киев. Благодарю боярина Андрея, он за тебя поручился. Велю ему поговорить с тобой по-свойски, – как бы ни видя протестного жеста епископа Мануила, дополнил. – Андрей Ростиславич потом мне доложишь.... И боле тебя Кирилла не хочу видеть, не желаю! Уведите его отроки с глаз долой.

Вторично растоптанный настоятель, дернулся облобызать монаршую ручку. Но Владимир, как от зачумленного, отдернул десницу, и упрямым кивком выпроводил игумена вон. Обождав, пока уйдет опозоренный Кирилл, князь ехидно-ласково молвил епископу:

– Владыка, не утруждай себя, что за надобность тиранить слабого человека, он и так полные штаны наложил. Ты, святой отец, лучше пораскинь мозгами: все ли благополучно в твоей епархии. Не свила ли еще где гнезда ересь паскудная? Вся ли паства твоя благоверна? Смотри, преосвященство, не дай маху, не прозевай заразу, – и уже вкрадчиво, со зловещим намеком добавил. – Тогда никто не простит!

Мануил со злостью надулся и закричал в ответ. Остальные присутствующие, не исключая и нас с боярином, потупив головы, затаили дыхание. Все прекрасно понимали, как не слаб князь Владимир, но он заимел козырь, дающий право карать без всякой проволочки. И возразить-то нечего, – Божье дело!

Обойденный в своих надеждах епископ, сославшись на недомогание, поспешно покинул гридницу. Вельможные бояре, не стовариваясь, вышли проводить разобиженного владыку.

– Волки, чисто волки! – выговорил князь им в след. – Вот дал господь наперсников, продадут, за грош продадут и не подавятся. Эх, жаль Ростиславич, нет у меня верных товарищей. Тебя бы, братец, переманить к себе, да знаю, не пойдешь. Оно и Всеволод не отпустит, – и усмехнулся горько. – Разве же плюнуть на все, отправиться с тобой к Великому князю, да и отпросить тебя у него?

Андрей Ростиславич, не зная как воспринять слова князя, недоуменно пожал плечами. Что тут скажешь? Насколько я знал, лицемерить, боярин не приучен. Князь же, не стеснясь меня, совсем загорился и с болью произнес:

– Пропаду я, сгину в этом волчьем логове. Не дадут спокойного житья, как пить дать, истерзают злодеи, как отца, как и деда – изведут. У них одна забота, боярин, собственная мошна, для них любой князь, что лишний рот. Хотят сами по себе властвовать. – Владимир Ярославич охватив голову руками, тяжело вздохнул. – Как мне подрубить бесово семя? Поязал бы в один узел и утопил! Да нельзя, сил нет, опереться не на кого. Все продажны, все ждут моей гибели. Али я не прав, боярин? Ну, скажи, что я заблуждаюсь, скажи!?

Андрей Ростиславич благоразумно молчал. Самое лучшее в том положение – не перечить, ждать и молчать. Князь Владимир и не нуждался в ответе, ему хотелось выговориться, и он нашел благодарных слушателей:

– Что нечего сказать? Я знаю. Редкий из князей доволен боярством. Нечего далеко ходить за примером, хотя бы взять ваш, суздальский удел. Андрея Юрьевича кто порешил? – и сам ответил, – первые бояре, знатные воеводы: Жирславич, Дысячиц, Кучка. Они Киев и Новгород на меч брали, но они же и Петра-зятя подучили, они и Амбалу-то (3) тесак в руку вложили. А другого дядю, Глеба Юрьевича (4), кто в Киеве ядом отравил? Опять же бояре, змеюки подколодные! А Михайла (5) и Всеволода кто на отчий стол не допускал? Опять же Лука Жирславич, опять те же бояре ростовские и суздальские. Одна беда от бояр! Вот и крутишься как уж на сковороде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.